Сяргей ДАВІДОВІЧ

ЗБОР ТВОРАЎ

Сяргей

ДАВІДОВІЧ

Вершы
Паэмы

Том 13

Мінск
Выдавец Зміцер Колас
2020

УДК 821.161.3-821
ББК 84(4Беи)
Д13

Рэдагаванне і малюнкі аўтара

Давідовіч, С. Ф.
Д13 Збор твораў. Т. 13. Вершы. Паэмы. / Сяргей Давідовіч. — Мінск : Зміцер Колас, 2020.— 480 с., іл.

ISBN 978-985-23-0121-3.

У трынаццаты том збору твораў Сяргея Давідовіча, увайшлі вершы, паэмы і гумарэскі, напісаныя ў 2020 годзе.
Творы тэматычна разнапланавыя, псіхалагічна глыбокія і шчырыя.

УДК 821.161.3-821
ББК 84(4Беи)

ISBN 978-985-23-0121-3

Вершы
2020

Пакуль

Лічыць сябе паэтам
Ніхто не даў правы.
Я думаю аб гэтым,
Пакуль яшчэ жывы.

Паэт я саматканы,
Баліць гэта, гняце.
Мой меч пакуль драўляны
Й пытальнік на шчыце.

І доўжыцца, муштруе
Маё гэта «пакуль».
Пішу, пішу, пішу я,
Каб знікнуў з твораў нуль.

Тады я буду годны,
Калі адчую сам,
Што верш мой неабходны
Штодзённа чытачам.

Ну а пакуль бяссонна,
Напружана пішу.
І ў кожны твор надзённы
Ўкладаю я душу.

Асветленасць песні застольнай

Душа не застылае штосьці,
Не багна, дзе сонечнасць гіне.
Яна — то вясна маладосці,
То востраў пякельны — пустыня.

То цемры заку́так страшэнны,
Дзе мары знікаюць агульна,
То ў квецені сад белапенны,
Дзе сэрцу прыемна і ўтульна.

Душа і сусвету бязмежнасць,
Ў ёй марам і цесна, і вольна.
Ў ёй гімна ўрачыстага вечнасць
Й асветленасць песні застольнай.

Яна, хоць гарыць, не згарае,
А ладзіць з Аідам сустрэчу.
Душа, кажуць, не памірае,
Навошта ж яе я нявечу?

Апошняе слова

Слова — гэта й нападак, яно й абарона,
Ў слове бруд і крынічнік жывы.
У паэтаў гучыць гэта слова натхнёна,
Ёсць апошняе слова, паводле закона —
На яго маю ўсе я правы.

Час жыцця выплывае, нібыта з туману,
З даўніны й не зусім даўніны.
Не, апраўдвацца я перад часам не стану
І тым больш з-за заслоны маны.

Пачакайце выносіць прысуд мне паспешна,
Я і сам шмат адкрыю чаго.
Неаднолькавы я, я, на жаль, не бязгрэшны,
Ёсць і цені ад лёсу майго.

Але й сонечнасць ёсць і яе значна болей,
Праўда, тае яна пакрысе,
Бо і дробязных крыўд не забудуць ніколі,
Справы ж добрыя помняць не ўсе.

Я пішу, як даў Бог, і наколькі, я здольны,
Для душы неспакойнай, для вас.
Я ў паэзіі вольны і я паднявольны —
Узаемная повязь між нас.

Па жыцці я пранёс светлых мараў пачуцці,
Клічу ў сведкі сваю маладосць.
Не засведчыць ніхто, што я здрадзіў камусьці,
А «засведчыць» — ён здраднік і ёсць.

Час жыцця, ён у кожным узросце бясцэнны,
Быццам крылаў нябачных узмах.
Час мой першы, складаны мой, пасляваенны,
Ён і сёння ўва мне будзіць жах.

Мы ў зямлянцы жылі, дзе ні сонца, ні неба,
Ўсё спаліла вайна — ледзь не нас.
Я, галодны, не ўкраў ні скарыначкі хлеба
Ні ў каго, у той жудасны час.

Сёння хлеб ёсць — і шчодра адрэзана луста,
Ёсць патрэбнасць — прашу да стала.
Ўсё мазолем нажыў — «ўсё», не дужа і густа,
Але Богу й за гэта хвала.

Калі ласка, заходзьце, убачыце самі
Кут мой родны, і я увесь тут…
Што хацеў, я сказаў, цяпер слова за вамі,
Я гатовы пачуць ваш прысуд.

Пад яблынькай

Ў цяньку пад яблынькаю пасядзець прыемна,
Якую колісь пасадзіў дубцом.
Тут вольна дыхаецца, думаецца кемна
Ці кемліва, натхніўшыся вінцом.

Пяшчоціцца ля ног ласкава траўка,
Вунь пчолкі рупяцца з усіх бакоў.
Эх, каб яшчэ да пенсіі дабаўка,
Ды да жыцця накінуў Бог гадкоў.

Скок-скок, ля самых ног кульдычыць жабка
І на мяне увагі — поўны нуль.
Тут — цэлы свет, бацькоўская тут хатка,
Мы ўсе, хто быў, хто ёсць — усе адсюль.

Душой прыемна да жыцця туліцца —
Сядзелі тут мае бацькі ў цяні.
І тут, на гэтай, на святой зямліцы,
Дзяды ў жыццё пускалі карані.

Тут столькі адгуло, на гэтым месцы,
Тут так жахліва душыць цішыня,
Эх, каб маглі вы ля мяне тут сесці,
Дзяды, бацькі, браты — уся радня.

Мы б абняліся кроўна з усёй моцы,
Гулі б мы, як ніколі і ніхто…
Ці вытрымала б сэрца тых эмоцый?
І нават, калі не — было б за што.

Заўсёды ёсць імгненні, за якія
І не шкада жыцця, ўсяго, што ёсць.
Пранёс бы у душы і праз вякі я
Сустрэчу гэту, каб не быў тут госць…

Расчуліўся я і не без прычыны,
Заглыбіўся душой у даўніну.
Пайду у хатку і за ўсе ўспаміны,
За кожнага па келіху кульну.

Як і мы

Іду па вёсцы, часам зруйнаванай,
Ледзь пазнаю мне родную зямлю.
Я сам не ўсім прыемны і жаданы,
Трывайце, я вам хутка саступлю,

Як саступілі Юрка, Тодар, Федзя,
Дзям'ян, Настася, Зося — у свой час.
Дзе сёння ўсе яны? Ў мінулым недзе,
Агонь жыцця іх тут гарэў — і згас.

Мне колісь тут пашчасціла жыць з імі,
І тое «колісь» сёння, быццам міг.
Яны мільгнулі лёсамі сваімі,
А хто тут перад імі жыў? Й да іх?

Растрэсліся яны ў жыцці-галопе,
Скандэнсаваліся ў бяскроўнае «жылі».
Вось так і мы ў гадоў калейдаскопе
З адзінак ператворымся ў нулі.

Мы ператворымся ў былога цені,
Ў нішто, бо памяць — кволы абярэг.
Адноўленыя прыйдуць пакаленні —
Ці ж зацікавіць леташні іх снег?

А могілкі? Яны, як кот-бяздомнік,
Дагляд за імі ёсць — «жывуць» яны.
Ці хто хоць бачыў стогадовы помнік?
Ці недзе крыж ёсць гэткай даўніны?

Пераканацца каб, сюды прыедзьце
Праз пяцьдзесят гадоў, альбо праз сто.
Нас час з жыцця здзімае, нібы смецце,
Як парушынку з горнага плато.

За векам век гадоў вірлівых зграя
Тасуе, як калоду картаў нас,
Лістае, абязлічвае, сцірае,
За векам век — і не апошні раз.

Нас у палон бяруць забавы, справы,
Квітненне вёснаў, халады зімы.
О, колькі у зямлі людзей цікавых,
Вясёлых, мудрых, розных — як і мы.

Вялікая адказнасць

— Ў нашай вёсцы вечарынка,
Больш таго, у нашай хаце.
Ты ж не асаромся, сынка,
Танчы годна — кажа маці.

Я, й без слоў маёй матулі,
Разумеў падзеі важнасць.
Вечарынка — вам не гулі,
А вялікая адказнасць.

Вечарынка — час спакусаў,
Смеху, выкрунтасаў, жартаў,
Незласлівых кпін-падкусаў,
Ухажорыстасці шпаркай.

Калі выпіў — не раскіснуць,
Хай Бог крые, не упіцца.
Ну а як жа не прыціснуць
Прыгажуню-маладзіцу?

Рот свой — носьбіт перагару,
Не разяўліваць расхлябна.
А як дасць гармонік жару,
Танчыць без крыўлянняў, зграбна.

«Будзьце, дзеткі, ўсе, як людзі»,—
Раяць так усе матулі
А ці гэтак яно будзе?
Дзе вы бачылі і чулі!

Не ўтрымаліся і вы бы,
Нават у любым узросце.

Вечарынка — гэта выбух
Спрацаванай маладосці.

Тыдзень — праца, праца, праца,
Ўсіх камечыць, як кудзелю.
Эх, хутчэй бы дачакацца
Вечарыначку ў нядзелю.

Знік ён, перастаў няволіць
Тыдзень працы апастылы.
І цяпер шчыруе моладзь,
І адкуль бяруцца сілы!

Выбачайце нам, матулі,
Сёння ў танцы вольнасць з намі.
Мы сябе людзьмі адчулі,
А не толькі працаднямі.

Заўтра зранку нашы лёсы
У хамут палезуць зноўку —
Хто за вілы, хто за косы,
Хто за плуг, хто за рыдлёўку.

Гэтак — да нядзелі новай —
Ў баразне, ў гнаі, ў пракосе.
Цяжка моладзі вясковай
І незáйздрасна жылося.

Эх, лістай жыццё, штодзённік,
Не шкадуй для шчасця часу.
Рэзні полечку, гармонік!
Біце ажно ў столь, абцасы!

1957—2020 гг.

Цэлы свет за спіной

Ноч спусцілася на зямлю,
Спіць наўколле пад зоркай Венераю.
Ноч глыбокая — я не сплю,
Плечы згорбіўшы над папераю.

Месяц сеў на маім плячы,
Сваім дзіўным святлом пяшчоціцца.
Штоб яшчэ напісаць? Аб чым?
Свет вялікі, а што ў ім робіцца?

Недзе сушыць, а дзесь ліе,
Недзе дзень а ў кагосьці раніца.
Многім грошай на хлеб не стае,
Хтосьці недзе ва ўсю рэстараніцца.

Нараджаюцца, жэняцца, мруць,
Чалавецтва грашыць і моліцца.
Адны сеяць, другія жнуць
І на ніве чужой раздоляцца.

Хтосьці хваліць свой лёс, хто кляне,
Хто святкуе, хто горам уздыблены.
Свету цэламу не да мяне,
Не да думак маіх заглыбленых.

Мне, ў адрозненні ад падзей,
Ад таго, што у свеце робіцца,
Сэрца дужа баліць за людзей
І не спіцца, й адказна творыцца.

І не сплю, і пішу для таго,
Каб знікалі жыцця заняпадзіны.
Сілай вершаў і духу свайго
Спачуваю, на колькі мне дадзена…

Я і гэтая ноч са мной,
І на небе злаціначкі-ягады́.
Цэлы свет за маёй спіной —
І няма адступаць куды.

Не выпаў з часу

З давён-даўна, з далёкага далёка,
Адкуль выток жыцця незамутнёны,
За намі сочыць нашых продкаў вока
І душаў іх іканастас іконны.

Я адчуваю часу пульс выразна,
Ці супадае з ім мой пульс уласны?
Адказна б’ецца ён ці безадказна?
На жаль, мне не адкажа час сучасны.

Пытанні без адказу, як пакуты
Няспынныя, ад іх нідзе не дзецца,
Яны — спякоты жар і холад люты,
І гэта востра адчувае сэрца.

Шкада, што чалавечы век кароткі,
Ад нас час уцякае без аглядкі.
І ўсё ж вас адчуваю сэрцам, продкі,
І чую вас, далёкія нашчадкі.

А калі так, мой лёс не выпаў з часу
І не згубіўся ў мітусні жыццёвай.
Агню я ў сэрцы аб былым не згашу
І буду пець аб будучыні новай.

Веча

Калісьці звон склікаў людзей на веча,
Лічыліся карыснымі скліканні.
Агульны, думны розум чалавечы
Мог вырашаць складаныя пытанні.

Ёсць ісціна: адзін розум — цудоўна,
А калі два — цудоўна удвая.
І продкі падыходзілі шаноўна
Да кожнага на думным веча «я».

У нас бытуе практыка другая,
Мы адыйшлі ад думных сходак тых.
І сёння, калі хто каго й склікае,
Ён вырашае ўсё адзін за ўсіх.

Не лішні

...скорбь не устает
К былому возвращаться бесконечно.
Д. Г. Байрон

Вакол — вачам аж цесна — людзі, людзі,
Але ніхто ў штодзённай мітусні,
Як колісь, мне не кінецца на грудзі —
Заходзь у хату, падсілкуйся, адпачні.

Без гэтага я ў цэлым свеце лішні
І не імкнецца ў свет душа мая.
І так туга балюча сэрца сцісне,
Што свет здаецца лішнім, не толькі я.

Вяртаюся душой у час той самы,
Дзе вёсачка жывая, родны кут.
І я іду на могілкі да мамы,
Да ўсіх сваіх — і я не лішні тут.

Купалаў дуб

Купалаў дуб… Я сеў у ім хвілінна,
Сюды я бег з Карпілаўкі не раз.
Тут некалі сядзеў Купала слынны,
Ў Акопы наязджаючы ў той час.

Купалаў талент шчыра ўсіх адорваў,
Людзей, зямлю, дзе творча колісь рос.
Я ўжо тады паэзіяй прыхворваў,
Не ведаючы, што яна — мой лёс.

Ці быў бы лёс мой творчасцю удалы?
Каму за гэта вечная хвала?
Не выключаю, што душа Купалы
Мяне тады ў Акопы прывяла.

Міннае поле

І зноў, і зноў, і зноў
Напамінаць гатовы я
Пра жахі нашых сноў,
І пра дачок, сыноў
Ахвярнага Чарнобля.

Пра тых дзяцей, якіх
Зашмат на смерць памножаных,
Яшчэ пра дзетак іх,
Ніколі ненароджаных.

Скубе нас адусюль
Жыццё наша руціннае,
Ды не прайшлі пакуль
Сваё мы поле міннае.

Не мала ёсць прычын
Нам не любіць абрыдлае,
А лёс нам новых «мін»
Падкідвае, падкідвае.

Ці ж мала нас гады
Ламалі і хваробілі.
Мы помнім час бяды
І ўсе нашы Чарноблі.

Магчымасць

На далёкай вярсціне, на самай далёкай,
Дзе сіроцтвам атулены слуп верставы,
Прыпыніся, пастой, пакрычы, пагалёкай.
Калі рэха адкажа, ты пакуль што жывы.

Там, за гэтай вярстой, далягляд невядомы,
Ён, хутчэй, блізкагляд, нейкі крок да яго.
Блаславёны бязвыйсцем, стаю нерухомы
На мяжы безназоўнай прыпынку свайго.

Эх, звініць цішыня, як камар той над вухам,
І не бачна, на чым затрымаецца зрок.
Ёсць такая магчымасць, сабраўшыся з духам,
Не затрымліваць часу, зрабіць гэты крок.

Рамонкі, валошкі, званочкі

Было такое — і не ў сне,
І сёння ёсць, браточкі —
Бягуць рамонкі да мяне,
Валошкі і званочкі.

Ледзь выйду ў поле ці на луг,
Яны мяне абкружаць,
Як быццам я іх лепшы друг,
Які ва ўсім услужыць.

Я — услужу, я ахіну
Любоўю вас ахоўнай.
Я рваць не стану ні адну
З вас, красачак чароўных.

Ці ж для таго вы тут раслі
Ў спякоту, ў навальніцы,
Каб адарваць вас ад зямлі,
Дзе даў Бог нарадзіцца?

Адказ адзін

Мяняць не пасляваю свой убор я
На дню не раз — што тут дадаць яшчэ?
Як з ланцуга сарвалася надвор'е —
То мочыць, то марозіць, то пячэ.

То раптам хмара надзімае пуза,
То сонца, як на голым целе жар,
То гразь і — на шпагаце пасля юза,
То, быццам у пустыні, пыл у твар.

Адказ адзін на нашы ўсе пытанні,
Таму нас прыстудзіла й прыпякло:
Глабальнае прыйшло пахаладанне
І пацяпленне ў гэты час прыйшло.

Вось і валтузяцца яны за грудзі,
Адзін не саступае і другі.
Таму ўвесь час такім надвор'е будзе,
Па графіку — дзень добры, дзень благі.

Было яно! Было!

Я шчасця не разгледзеў, а яно было,
Няхай сабе, як кропля ў лёсе-моры,
Няхай сабе, як мар-хімер крыло,
Як ціхай ноты гук у гучным хоры.

Было яно — і не бяскрылы птах,
І не санлівасць, а душы гарэнне.
Было яно! Было, не кропля — гмах!
Жыццё было і ўсе яго імгненні.

Як гэта добра, што апошні крок
Я не зрабіў у «лепшы» час цнатлівы.
Я азірнуўся й сэрца майго зрок
Ў былым убачыў —
Вунь ён, час шчаслівы!

Крылы калыханкі

Каб гэта быў мой верш апошні самы,
Пра што б хацеў я напісаць найперш?
Я б напісаў пра калыханку мамы,
Ёй сёння абавязаны мой верш.

Ў жыцці шмат розных песень ёсць, вядома,
Святочных і жалобных — не злічыць.
Але ў душы свядома й падсвядома,
Да скону калыханка ўсё ж гучыць.

А старасць не такая ўжо і драма,
Калі маленства ажывае ў сне,
Калі мяне у сне люляе мама
І крылы калыханкі дорыць мне.

Мы сэрцам калыханку мамы чулі
І я калісьці гэта шчасце меў.
Паклон вам, незабыўныя матулі,
За той далёкі і галоўны спеў.

Рызыкну!

Думка злыднем-агнём пячэ,
Як сябе ад яе пазбавіць?
Што б і як напісаць яшчэ?
Што б уславіць альбо зняславіць?

Што б дадаць да таго, што ёсць,
Каб апатыі зніклі шоры,
Каб выразна і значна больш
Зразумелым прадстаць у творах?

Эх, душа! Так і быць, рызыкну!
Вас усіх, хто мяне не чытае,
Так далёка пашлю й мацюгну!..
Можа, хтосьці хоць том пагартае.

Пераканаўся

Но люблю мою бедную землю
Оттого, что иной не видал
Осип Мандельштам

Зямель я бачыў шмат, іх не злічыць,
А родны дом стаяў перад вачыма.
І з-за мяжы мне ён слязой блішчыць
І ў гэтай кроплі ўся мая Радзіма.

Чым больш краін я бачыў, тым мацней
Любіў сваю зямлю і край мой мілы,
Дзе роднасцю пяшчоціць ад людзей,
Дзе нарадзіўся і адчуў я крылы.

Зямель я бачыў шмат, больш не жадаю
Даўно пераканаўся сэрцам я.
Што за ўвесь свет мне даражэй мой краю
І хатка нізкастольная мая.

Жах!

Які непрадказальны свет наш Боскі —
Народзіны, святочнасць, лёсаў здзек.
За дваццаць год пасыпаліся з вёскі
У іншы свет аж дзевяць чалавек.

У кожнай смерці ёсць свае прычыны,
Ды кожная аднолькава пячэ.
З тых дзевяці — старыя дзве жанчыны,
А вось астатнім, жыць бы й жыць яшчэ.

А вёсачка — людзей, як кот наплакаў,
І тых пад корань высякае штось.
Паўжменькі хатак, трошкі болей дачаў —
Такая арыфметыка ў нас, вось.

Тут памятую людныя гады я.
А сёння што? Бязлюддзе п'ём да дна?
Жанчыны ёсць у вёсцы маладыя
І хоць бы з іх цяжарная адна.

У нас памерла дзевяць. А наўкола?
У іншых вёсках, сёлах, гарадах?
Сучаснасці і будучыні кола
Сціскаецца — і вельмі хутка. Жах!

Не заўважаем, дзіўныя

Як шмат недасказа́нага,
Як шмат недапіса́нага,
Шмат мараў неажыўленых памёрла.
Як шмат недакаханага,
Заўчасна пахаванага,
Шмат песням наступіла смерць на горла.

Сколь шчасце чалавечага,
А смеху сколь малечага
На могілках знайшло заспакаенне.
А сколь таленавітага,
Па-свойму знакамітага
Падсечанага горам пад карэнне.

А мы, жывыя, вадзімся,
А мы пад сонцам скардзімся
На дробязі жыццёвых недабораў.
Не заўважаем, дзіўныя,
Якія мы шчаслівыя,
Мы дыхаем, кахаем, марым, творым.

Эх, плынь...

Эх, плынь жыцця — віры, каменне, мелі,
То сонечнасць, то бачнасць на нулі…
Няма людзей, якія б разумелі,
Няма вушэй, якія б чуць маглі.

І калі раптам бура, навальніца,
Усёю моцай рынецца з нябёс,
Няма тых душаў, на каго маліцца,
Хто б захацеў зрэагаваць на «sos».

Што б ні было — падзей, праблем аблога,
Нязменна, кожны дзень, сам ля руля,
Сам сабе лоцман, сам сабе падмога —
Ўсё плынь і плынь, і раптам: стоп — зямля.

Ай ды мы!

А стагоддзі пройдуць хутка,
Год трохтысячны міне.
І не застанецца й чутка
Ні пра вас, ні пра мяне.

Ну і хрэн на гэта сала!
Быць альбо не быць бядзе —
Дзе ўжо наша не прапала
Й пасля нас не прападзе.

Дык не надзімайце шчокі,
Гэй, хто ёсць, гайда да нас,
Вып’ем не за той далёкі,
А за наш, нягоршы час.

Век у памяці кароткі,
Але мы кульнём келі́х,
Памянём аджыўшых продкаў
І уславім працу іх.

Й намі зроблена не мала,
Й мы не марнавалі час.
Дзе ўжо наша не прапала!
Так! Наступны тост за нас!

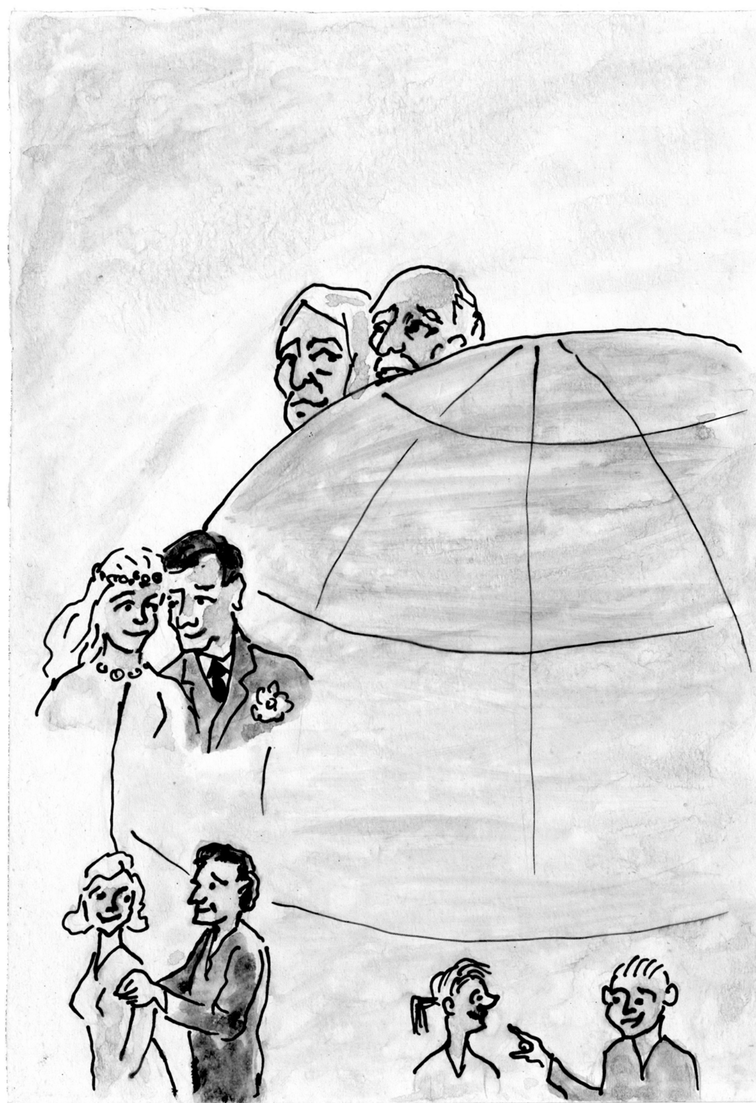
П’ём да дна, вагацца годзе,
Ці ж баяцца нам зімы!
Тупнем так, каб праз стагоддзі
Напісалі: — Ай ды мы!

Тры тысячы сірот

Я непазбежна знікну, згіну
У нейкі дзень, у нейкі год.
Што я пасля сябе пакіну?
Больш за тры тысячы сірот.

І як жа сёння шчы́міць сэрца
Безперспектыўны далягляд.
Маім сіротам давядзецца
Бадзяцца між людзей і дат.

Становуча лёс мы рэдка вершым,
А незавершана — часцей.
Пакутуюць сіроты-вершы
Горш нават за сірот дзяцей.

Няспынна калаўроціцца

Здаецца, ўчора па задворках
Туляліся да раніцы.
А сёння ўжо крычаць ім «Горка!»
Яму й яго абараніцы.

Як неўспадзеўкі дочкі ў дзеўкі,
А хлапчукі дарosляцца.
Як кажуць, адбылі дасеўкі,
А ўжо дажынкі просяцца.

Ледзь паспяваем нарадзіцца,
А зімка ў вочы коціцца.
Лёс чалавечы і зямліцы
Няспынна калаўроціцца.

Для вас, панове

Судзіце строга, не судзіце строга,
Ў пераканаННЯХ мы — я тут, вы там.
І я не той, усё не той, якога
Хацелася бы чуць і бачыць вам.

Не ўсе мы маем над сабою німбы,
Між не анёлаў, не святы і я.
Хоць часам, за адным сталом сядзім мы,
А лыжка ўсё ж у кожнага свая.

Я — гэта я, прабачце, тут я смелы.
І не шукайце ў тым маёй віны,
Што любіце вы колер чорна-белы,
А я люблю адценні і таны.

Мы у жыцці не на адной палове
І кожны праз жыццё свой крыж нясе.
Зварот мой да каго? Да вас, панове,
Карціць каму, каб быў я, як усе.

Дзіўны час

Усё, усё, усё міне
І час абвесціць — досыць!
Палохае не ўзрост мяне,
А ўсё, што ён прыносіць.

А старасць наша — дзіўны час,
Час якасцяў каштоўных,
Каб толькі не штурхаў ад нас
У вечнасць родных, кроўных.

Каб сесці ўсе гуртком маглі,
Старэнькія «грыбочкі»,
І гаману распачалі
Душэўна, вочы ў вочы.

Каб за ўспамінам успамін
Гучаў і грэў, і цешыў,
Каб не сядзець, як я адзін,
Цяпер — апошні, меншы.

Ёсць, сэрцу блізкія майму
І родным, словы, дзеі.
Каму іх выказаць? Каму?
Мяне хто́ зразумее?

Чаму «было»?

Заўсёды ўспамінамі рады
Вяртацца да роднай зямлі,
Дзе белых аблокаў грамады,
Як айсбергі ў небе плылі.

Дзе, хлебам цяжарная глеба,
Народзіць для ўсіх каравай.
А ў нізе, напіўшыся неба,
Валошкі ліюцца праз край.

Дзе светла было, як у Храме…
Чаму ўсё «было» ды «было»?
І сёння сябруе з палямі,
З лясамі, з лугамі святло.

І сёння пік неба высокі,
Намольвае свой благавест.
І сёння высокім аблокам
Зайздросціў бы сам Эверэст.

Не страціла ўсё-ткі прырода
Ласкавасць — адорваць сабой.
Тут сэрцу бліжэй год ад года
І «сёння», й былога прыбой.

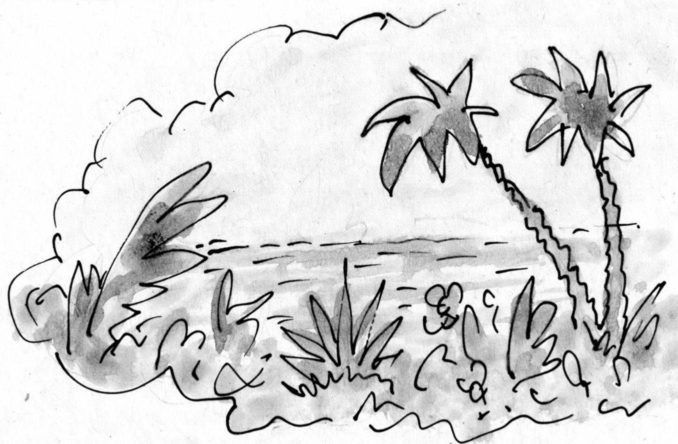

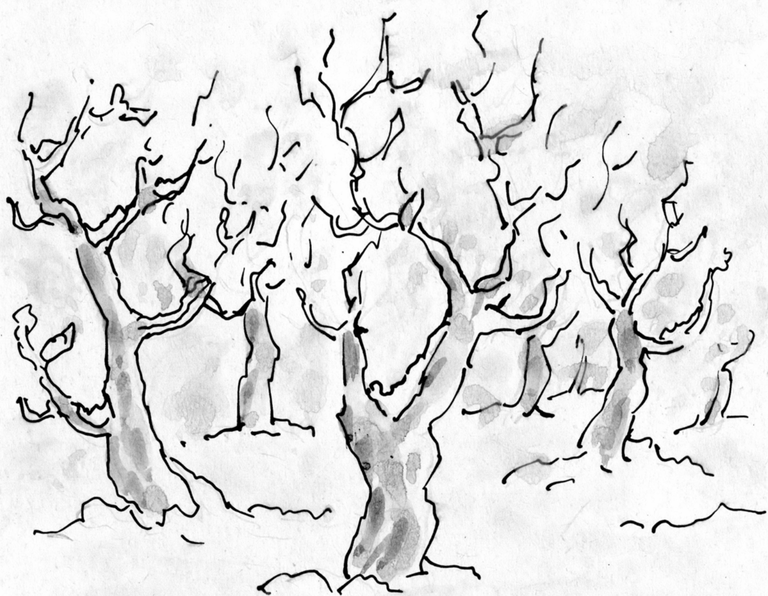
Калі?

У гурбах сад увяз па грудзі,
Ў такім, як снег, глыбокім сне.
І дрэвы, як жывыя людзі,
Пяшчотна мараць аб вясне.

Хоць яблынькам і цёпла ў снезе,
Але спявае вецер ім
Пра тое, што зямля ёсць недзе,
Без маразоў, снягоў і зім.

Квітней, спялі плады там смела,
Хоць круглы год на той зямлі.
І яблынькам не зразумела,
Калі ж адпачываць? Калі?

Вяселлі

Пунцуе закіплая кроў
У гронках паспелых рабінаў.
А межы ляглі між палёў,
Як шво між стракатай тканіны.

Іржонішча пах і травы
І хлеба духмянец мядовы —
Свае абвяшчае правы
Час восеньскі, час вераснёвы.

У шчодрых далонях зямлі —
Жыццё — без ніякай дылемы,
Усё, чым жывём і жылі,
І кожнае зерне, і ўсе мы.

Падзяка ляціць наўздагон
Усім, хто прыбрацца паспелі.
Ой, хутка закрыюць сезон
Вяселлі, вяселлі, вяселлі.

Малацьба

Да тарпы, са снапоў укладзенай,
Умалоту чакаўшага жыта,
Падкіроўваў камбайн-грамадзіна
Сваёй сківіцай прагавітай.

Нам жа не да ўраджаю заможнага,
Мы ўпрагаліся ў працу адчайна.
Абавязак быў свой у кожнага,
На тарпе, ля тарпы, ля камбайна.

Хтось адзін на тарпу лез з віламі,
Каб узрушваць снапы з іх пасцелі.
І яны, нібы птахі бяскрылыя,
Ўніз адзін за другім ляцелі.

Тут жанчыны, ад спёкі чырвоныя,
Перавяслы здзіралі старанна
І давалі снапы разпрыгонныя
Двум калгаснікам ля барабана.

І снапы каласамі спелымі
Ў барабан падаваліся спрытна.
Кожны рупіўся, каб паспелі мы
Да цямна разабрацца з жытам.

А ў той час былі голымі, босымі
І калгасы, не толькі людзі.
І мы жыта касілі косамі
І тарпілі снапамі калоснымі,
Бо калі той камбайн прыблудзе?

І калгасы ледзь-ледзь абжываліся,
Быў камбайн аж на ўсе брыгады.
Вось чаму так усе завіхаліся,
Дзіўнай тэхніцы былі рады.

Мы, узрушана, з мокрымі спінамі,
Шумна, з жартамі працавалі.
І ад пылу, асця з мякінаю
Дзіўна-прывідна выглядалі.

Сноп апошні… І кожны ўзмылены,
Едкім потам наскрозь прамочаны,
Быў настолькі за дзень знясілены,
Як скамечаны сноп умалючаны.

Было цяжка, але і весела.
Малацьба — таго часу падзея,
Безнадзейнасць калгасную крэсліла,
Пераносіла ў свет надзеі.

Не дзівіцеся

Не дзівіцеся, што ў маіх творах
Вельмі часта будзе слова «мары».
Мары лечаць нават самых хворых,
Над нядоляй разганяюць хмары.

Песня менш цікавіць без прыпева,
Людзі менш цікавыя без мараў,
Мары для людзей, як сок для дрэва,
Нібы крылы сонца для абшараў.

Мары — наш галоўны скарб бясцэнны,
Усіх нас, не адзінак прывілеі.
Мары пераносяць нас імгненна
З нашай рэчаіснасці ў надзеі.

Я і сам без мараў быў бы кволы,
А, магчыма, ў творчасці — бясплодны.
Гэты свет глухі, халодны, хворы,
Мары робяць для жыцця прыгодным.

Свой авёс

Я не раз у свет выходзіў з хаты,
Ў свет палацаў і крыклівых мод.
Я — ад плуга, ад каня — араты,
Я — каго наскрозь адзначыў пот.

Мне тады здавалася, што недзе,
Новы, лепшы, свой сустрэну лёс.
Кажуць жа, і конь шыбчэй паедзе,
Калі, замест сечкі, даць авёс.

Мне бацькі: — Нідзе, сынок, не баўся,
Не цурайся родных берагоў.
Ў свет выходзіў я і зноў вяртаўся,
Зноў вяртаўся і выходзіў зноў.

Нёс мяне «ад сечкі» лёсу вецер,
І, магчыма б, аж да сёння нёс,
Каб не зразумеў у тлустым свеце —
Трэба сеяць свой і жаць «авёс».

Птушка аднакрылая

Пара мая загульная-разгульная,
Ты знікла, назаўсёды развіталася,
А вёсачка утульная-прытульная,
Заўжды мяне чакала-прычакалася.

Ах, як жа шмат тут зменена-разменена,
Матуля вёска, мілая-пахілая.
Ацэнена ты мной, пераацэнена,
Гаротная, як птушка аднакрылая.

О вёсачка мая, мой кут намолены,
Табе сваім жыццём я абавязаны.
Адноўлены твой лёс і абяскроўлены —
І мой такі, бо ён з табою звязаны.

Прамень... Агеньчык...

Што трэба ў лёсе? Прамень надзеі,
Агеньчык шчасця — і з імі нас
Не напужаюць гадоў завеі
І не адверне ад мэты час.

І не закрыюць сінь неба хмары,
Душы натхненне не спыне ўзлёт.
І будуць рэзаць крыла́мі мары
Няўдач заслону і перашкод.

Прамень… агеньчык… Каб не сурочыць,
Прайшоў я з імі жыццё, лічы.
О як няпроста у цемры ночы
Не даць ім згаснуць, іх зберагчы.

Майская навальніца

Разбухлай першай навальніцай
Напругся недаспелы май —
Грымоты, вецер, бліскавіцы,
А вось і дождж лінуў — прымай!

Тчэ навальніца уладарна
Заслону дню з дажджу і хмар.
Але на трон узлазіць марна,
Май — сонечнасці уладар.

Ён ажывіў блакіт высокі
У цёплым подыху вясны
А навальніца — на уцёкі,
А з ёй дажджы і перуны.

Пачуццяў бочка мёду

Тэлефаную — ты маўчыш.
Тэлефануеш — я алёкну.
І слоў салодзенькіх кіш-міш
Пасыплецца, як промні ў вокны.

Ах, як прыемна ў гэты час
Піць недамовак асалоду.
І звязвае надзейна нас
Пачуццяў нашых бочка мёду.

Раптоўна ў гэту смакату,
Невыпадкова, выпадкова,
Ад нечых вуснаў, на ляту,
Трапляе дзёгцю адно слова.

Маўчыць твой рот, маўчыць мой рот,
І два мабільнікі без працы.
Каб не пачуццяў нашых мёд,
Адкуль бы дзёгаць мог узяцца?

мёд
мёд

Баба з воза...

Прыемна у цяні спякотным днём,
Дарога ў лесе вузкая, як сцежка.
Мужык кіруе лейцамі канём,
За ім на возе баба, як капешка.

Конь прыхуднелы і, відаць, знямог,
А тут яшчэ карчы, калдобы, суччa.
Магчыма б весялей ён клыпаць мог,
Каб з мужыком не гэта баба-куча.

І бедны конік, аж узмок увесь,
Мужык сабе кіруе — нуль увагі.
Пад бабай той калёсы скрып ды трэсь,
Гатовыя даць дуба, бедалагі.

Дарога… Лес… Карчы… Спякотны дзень…
Мужык з цыгаркай… Баба, нібы скула…
На шчасце, трапіў пад калёсы пень,
І бабу з воза, быццам ветрам здзьмула.

Мужык сабе кіруе — ўвагі нуль,
Што раптам стала пуста за плячамі.
А конік — сілы у яго адкуль,
Перабірае весела нагамі.

Год насмарку

О, як квітнеў садок,
Усцешаны вясной.
Не ведаў ён,
Ад сумных думак вольны,
Што ў кожнага з нас ёсць
Свой вораг за спіной,
Які на ўсё, што нам не трэба,
Здольны.

І сад стаў вінаваты
Без ніякае віны,
І квецень не пазбегла
Горкай долі,
Бо вораг саду, замаразак,
Ноччу, «са спіны»,
Падкраўся раз і два,
І тры, і болей.

А сад жа планаваў
Нам выспяліць плады,
А сад трымаў, як кажуць,
Годна марку.
Ды напаткалі сад
Начныя халады —
І мары ўсе, і цэлы год —
Насмарку.

Высакоснасць

Ранак быў вясёлы, вечар посны,
Хутка тое й тое праміне.
Эх, жыццё-маланка, лёс мой высакосны,
Дзе ад панядзелкаў дзецца мне?

Гляну у люстэрка — кісла, млосна,
Быццам я нагамі да гары.
Хто яе прыдумаў, гэту высакоснасць?
Для чаго 13 у календары?

Быццам год складаюць толькі лістапады,
А вясны увогуле няма.
Ўсё-такі жыццю я вельмі рады,
Вам, вясна і лета, восень і зіма.

Садок на новым месцы

Я сад уздзвіг на голым месцы,
Садок даволі не благі.
І не забыйся ў ім завесці
Руплівых пчол раёк-другі.

Ад аднагодак да паўвеку
Сталеў і рос ён і расце.
Ніводнаму я чалавеку
Не адмаўляў у смакаце.

Гады былыя, дзе вы, дзе вы?
У сэрцы боль, у галаве —
Я састарэў хутчэй за дрэвы,
Садок мяне пераҗыве.

Скажыце, хто б мне даў параду,
У вечнасці як векаваць?
І як я ТАМ буду без саду,
Што буду песціць, даглядаць?

Я ў Бога, пры любой пасадзе,
Слязамі шчокі апяку
І засумую ў райскім садзе
Па гэтым, па зямным садку.

Вы саджанцы мне і рыдлёўку
Прыладзьце ціхенька ў труну.
Садок садзіць я буду зноўку
Там толькі — ў першую вясну.

Дойлід

Я дойлід сябе самога,
Ляплю вобраз свой пакрышку —
Узяў і, з дазволу Бога,
Дадаў да жыцця зямнога
Блакітнага неба лыжку.

Дадаў і агню, і лёду,
Каб ураўнаважыць характар.
Дадаў лыжку дзёгцю, а мёду
Забыўся дадаць — эх, аматар!

І ветру дадаў, і маланкі,
І першага майскага грому.
І мамінай калыханкі,
Што пелася мне маламу.

І белай рамонкавай пены,
Якая ўскіпела ў полі,
І моцнага цёртага хрэну,
І трошкі душэўнага болю.

Ад гэтай сваёй знаходкі
Душы адчуваю крыкі,
Боль мой за час кароткі
Зрабіўся нясцерпна-вялікім.

Дадаў (эх, жыццё-прапажа!)
Не мала загулу начнога,
Дадаў і гарэлкі — а як жа!
Яе — без дазволу Бога.

Дадаў і харчы на закуску,
А потым дадаць я мусіў
І трошкі працы ў нагрузку,
Хаця без яе абыйдуся.

Дадаў да святой я злосці…
Што?.. Гэта ўжо не для прэсы.
Калі ж прапусціў я штосьці,
Дадасца па ходзе п’есы.

Цяпер я — заўсёды новы,
Маланкава-непрадказальны
І ветраны, і храновы,
Падпіты, запамінальны.

Рукі

О рукі мае, дасталося вам шмат…
Адкуль у знямоглых надзейная сіла?
Ў вас шчырасць вясковых, даверлівых хат,
Вас выхаваў плуг, вас каса блаславіла.

Баліць мне душа, разглядаючы вас,
Бо праца, што зведалі вы — не забава,
Бо вамі за «так» карыстаўся калгас,
Вас эксплуатавала бязбожна дзяржава.

На вас пазірае былога ашчэр,
Ад працы знямоглай пакуль адпачніце.
Паколькі вам плуг не пад сілу цяпер,
Трымайце пяро — і пішыце, пішыце.

Значныя падзеі

Як пахнуць травы, скошаныя ўчора,
Яны прывялі, набылі духмянасць,
Як фіміям нябеснага Сабора,
Ў якім нябачна фітанцыдзіць радасць.

Якая праца кос, якое ўкоссе!
Лугі ў лінейку сцеляцца у далеч.
І хочацца прылегчы на пракосе,
І па-дзіцячы марыць, марыць, марыць.

Працоўных будняў значныя падзеі,
Як подзвігі сялянскага штодзёння.
Касцы, даяркі, сейбіты і жнеі,
Заўжды былі кармільцы, як і сёння.

Мары

А мары такія кароткія,
А мары такія салодкія.

Яны, як няўдачы, ліпучыя,
Яны, як пакуты, балючыя.

А мары, як крылы нябачныя,
Як пахі загадкава-смачныя.

Яны, нібы радасці штучныя,
Яны, як назолы дакучныя.

Без мараў жывеш абяскрылены,
А з імі… да іх жа прыхілены,

Да іх, на рэальнасць памененых —
І здзейсненых, і не здзейсненых.

Раз-два і ў дамкі

Пахнуць звялыя пракосы
Раздухмяніста.
Расплятайце, дзеўкі, косы
І я прыду праставалосы,
Пакачаемся.

Лета-лецейка абудзіць
Ўсё паспелае.
І фата з сукенкай будзе
Сніцца белая.

Ў небе, вунь, з буслiхай бусел,
Закаханыя.
Вяжуць лёсы два у вузел,
Два — абраныя.

А між намі абяцанкі,
Як сустрэнемся.
Ну, смялей! Раз-два і ў дамкі!
І ажэнімся.

А-яй! О-ёй!

Ёсць праца — ад яе не збочыць,
Як не хавайся ў хатцы.
І хоць палохаюцца вочы,
А рукі ўсё ж у працы.

Вясна прыйшла. Усе мы рады,
Бярэм рыдлёўку ў рукі.—
А-яй! О-ёй! Якія грады!
Калі ж дасі ім рады?

Ускопваеш і рук не чуеш,
Ў сярэдзіне ламóта.
І ўсё-ткі на зямельцы днюеш
Да сёмага аж поту.

У восень на стале не пуста,
Для ўцехі ёсць прычына —
Ай бурачкі! Ай ды капуста!
І бульбачка, і хлеба луста —
Які я малайчына!

З народзін

Насустрач неба мне імчыцца
І ветрык хмельны ўлегцы.
І толькі сонца, як на нітцы,
Вісіць на адным месцы.

Мае надзеі-абяцанкі
Заўжды са мной — напáру.
Я грудзі падстаўляю ранку
І коніка прышпару.

Сарока з сойкай ладзяць спрэчку —
О, як я сэрца цешу,
Як толькі ўбачу поле, рэчку,
За ёю — крылы лесу.

Усё у гэтым карагодзе
Знаёма і любіма.
Якое шчасце, што з народзін,
Са мной мая Радзіма.

Ілля

Прыйшоў Ілля
Нарабіў гнілля.
(прымаўка)

Кудлаціцца дзень неласкавы
Клубамі няветлівых хмар.
І дождж абкладны, як аблава,
Гняце, як няздзейсненасць мар.

І зноўку за хмараю хмара,
І гром абудзіўся глухі —
Нібыта Біблейская кара
На нашы зямныя грахі.

І ўсё ж не таму Бог нас мочыць,
Хоць грэшныя ўсе мы і я.
Да нас разам з хмарамі крочыць
Біблейскае свята — Ілля.

Раўлі у лесе пілы

Раўлі у лесе пілы лесніковы,
Бяроз дзялянку рэзалі на дровы.

Што па квітках збывалі, што налева,
Ў цане — было і ёсць любое дрэва.

Бензапіла — для дрэў усіх пагроза,
Й знікалі за бярозкаю бяроза,

Валіліся, спаткаўшы злую долю,
І падалі, каб не устаць ніколі.

Развітвацца з жыццём заўсёды цяжка,
А тут вясна прыйшла уладна й важка

І ахінула ўсіх прыветным вокам,
Заплакалі сваім жалобным сокам

Калекі пні пазбаўленыя дрэваў,
Не будзе чутна тут птушыных спеваў.

Раўлі у лесе пілы, пілавалі
Бярозак, што аб будучыні дбалі,

Жылі, раслі і марылі аб шчасці,
Ды давялося на зямельку ўпасці.

Двуадзінства

Ў маленства збег бы, каб толькі мог,
Дзе першых ранкаў маіх пялёсткі —
Раса сумуе без босых ног,
Без гаманы дзіцячай — вёскі.

Прымі такога мяне, той час,
Старога знешне, душой малога.
Мне б акунуцца ў цябе хоць раз,
Пагрэцца сэрцам — і больш нічога.

Ці быў бы там я жаданы госць?
Маленства й старасць — двуадзінства.
Мільёны зорак у небе ёсць.
Там недзе й зорка майго дзяцінства.

Праўдзівая фантазія

А можна я пафантазірую?
Напрыклад, шчасце дзесь знайшоў я,
Таму і не вярнуўся з выраю
Вясной да роднага гняздоўя.

О як жа смачна мне там елася,
Пілося смачна пасля ежы.
І нават яхтай абзаймеўся я
Пад пальмамі на узбярэжжы.

Так піў і еў я, пуза грэючы,
Як ля карыта могуць свінні,
Як ля смятаны Катафеічы
У незласлівай гаспадыні.

І раптам стала невыносна мне,
І ні да пальмаў, ні да раю.
Сасніў, што быццам ранкам росным я
Баравічкі я сабіраю.

Прыснілася, што зноў у вёсцы я,
Забыўшыся на ўсё благое,
І хата родная бацькоўская
Мяне частуе сырадоем.

І ўжо аб доме толькі думаю,
Як кажуць, адусюль падпёрла,
Зрабіўся сам не свой ад суму я
І смаката не лезе ў горла.

Да д’ябла ўся гэта экзотыка,
На поўдні тут аж ванітуе.
Абрыдла мне ўсё тут да чорцікаў —
Дамоў, дамоў, дамоў хачу я!

О як балюча на душы скрабе,
Мне не адужаць гэта гора —
На шыю камень пачапіў сабе
І з яхты кінуўся я ў мора…

Зямля чужая душыць гіраю
Душу, што аб Радзіме дбаецца.
Дык вось чаму ўсе птушкі з выраю
Ад веку ў век дамоў вяртаюцца.

Жабрак і кароль

На сцэне заўсёды жабрак і кароль,
Таксама, як радасць і гора.
Я вывучыў словы, я ведаю ролю —
Не трэба, не трэба суфлёра!

Упэўнены, прымуць спектакль гледачы,
Амаль што усе, без дакора.
Адно толькі — ролю б сваю зберагчы
Такую, як ёсць — без суфлёра.

Няхай не кароль я, але й не жабрак,
Ні заўтра, ні сёння, ні ўчора.
Не дадзена вам зразумець аніяк
Адмову маю ад суфлёра.

Перадсвяточнасць

— Заўтра свята, дзякуй Богу! —
За сняданкам кажа маці —
Ты, дачушка, мый падлогу,
Трэба ўсе вуглы прыбраці.

Пабяліў бы печ ты, Федзя,—
Павярнулася да мужа.
— Ну а хто пад ложкі ўлезе,
Шмат там рознага задужа.

Ўжо вясна, а там валёнкі,
Іх — за печ, другое — ў сенцы.—
І зірнула на Сымонку,
— Ты, сыночак, гнуткі, токі,
Пазгінай крыху каленцы.

Ну а я здыму гардзіны,
Разам з мылам дам ім свежасць.
А праз нейкіх тры гадзіны,
Дровы ў печ — займуся ежай…

Свята! Ды якое свята!
Кожны ў працы — і не дзіва.
Спраўна поўнілася хата
Дружнай гаманой руплівай.

Ну а мы ім пажадаем
Ўсё прыбраць прыгожа, чынна.
Лепш мы заўтра завітаем
За святочны стол гасцінны.

Два характары

Ёсць людзі незласлівыя, на дзіва,
Усё прымаюць моўчкі і цярпліва.
Іх вытрымка нетлумачальнай моцы,
Яны, быццам без нерваў і эмоцый.
Няўжо ў іх тое ціхае балота,
Ў якім жывуць нячысцікі з ахвотай?
Яны сваім характарам належаць
Не да сабакі, які толькі брэшыць,
Але не ўкусіць, хоць увесь звяглівы,
А да таго, што знешне не зласлівы
І ціхі, і спакойны ўвачавідкі,
Вось ён знянацку і ўгрызне за лыткі.
Не, я не давяраю поснай масцы,
Яна, як алкаголік у завязцы,
За ёю столькі скрытнасці адвечнай,
Не выключана, што і небяспечнай.
Не, больш цаню характар я запальны
І выбуховы, эмацыянальны
Гаворку больш прыемна весці з імі,
У іх другога дна няма ў паміне,
У іх на языку ўсе заляпоны,
А гэта лепш, чым у душы праклёны.

Апошні шанс

Я хутка, хутка вас пакіну,
Бяздомнікі, мой лёс, мой боль.
І я ад гэтай думкі стыну,
Яна мне, як на рану соль.

Я вас ўратаваў не мала,
Тулiў, кармiў, рабiў, што мог,
Усім дзяліўся, бачыць Бог,
І ўсё-такі вас менш не стала.

Душа з душой — ці ж не багацце?
Быў кут багаты вамі мой.
Бывала, не ступіць у хаце
Ад вас, у маразы, зімой.

Вы шчырасцю — вышэйшай пробы,
Вы ўсе, але ў жыцці-віры,
Усё здаралася — хваробы
І лекі, і ветдактары.

Ў неўладкаванай кругаверці,
Ў якой і дзень жыцця — аванс,
Нярэдка, між жыццём і смерцю,
Для вас я быў апошні шанс.

Бяздомнікі — як дзірка ў мосце,
Праблема ваша — нічыя.
Дай Бог, каб вам спаткаўся хтосьці
Пасля мяне, такі, як я.

Я побач з вамі быў шчаслівы
І вось мінае гэты час.
І як жа без мяне жахліва
Ўявіць на гэтым свеце вас.

Страшней, чым ёсць, вас абяздоліць
Магчыма толькі ў страшным сне…
Наколькі памяць вам дазволіць,
Вы будзеце чакаць мяне.

Чакаць, шукаючы заку́ты,
Чакаць — чаму мяне няма?
Вас будзе грызці голад люты,
Дажджы ліць, свірапець зіма.

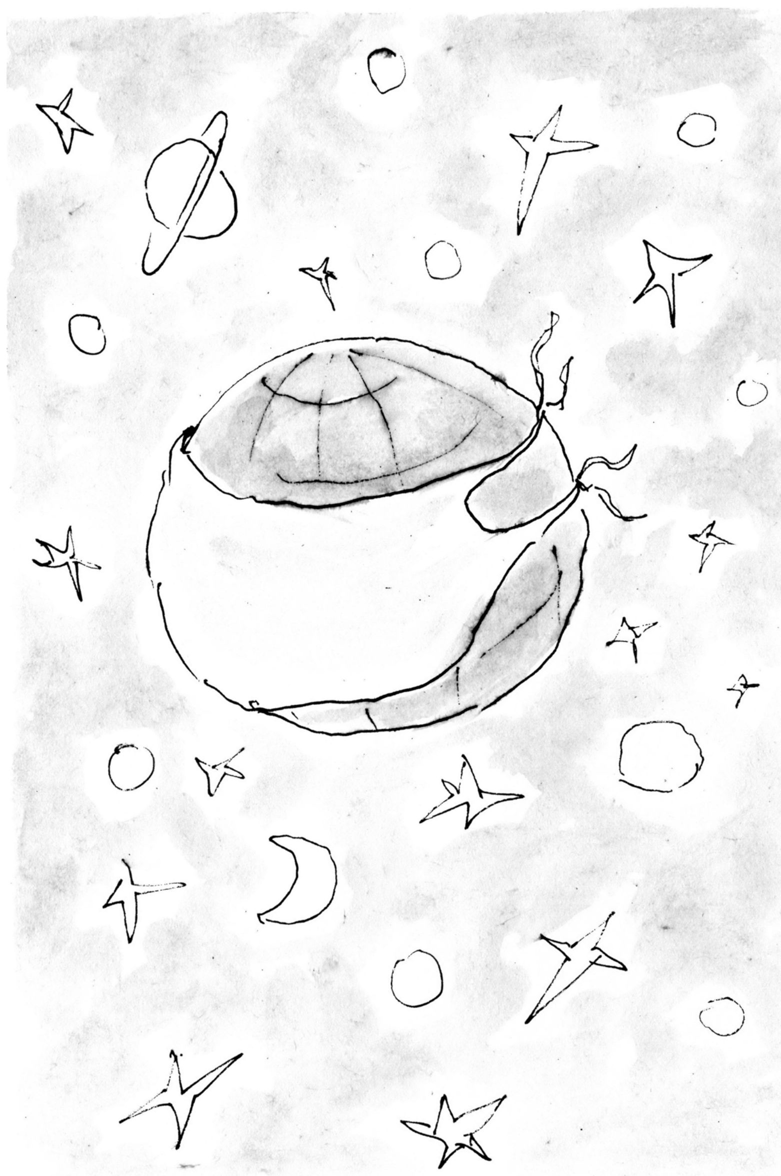
Плынь сляпая

Плынь усіх вякоў — сляпая,
Не заўжды празрыстая.
Шмат карыснага змывае,
Штось да каранёў сцірае,
Штосьці пералiствае.

Плыні той надоўга хопіць,
Й нас яна імчыць, нясе.
Ўсё і ўсіх яна падхопіць
І глытае пакрысе.

Намі свет вялікі повен,
Глядзь — а многіх не відно.
Кожны з нас — дзіравы човен.
Час прыйшоў — ідзем на дно.

Эх ты, шторм дзевяцібальны,
Эх ты, надыход зімы!
Мара — круг наш ратавальны,
Ратаванне наша — мы.

Маскі

Что в том, что на вселенной — маска?
Борис Пастернак

Сусвет мяняў адвечна маскі,
Як мы пальчаткі на руках.
Адны былі ў рэжыме царскім,
Другія — пры бальшавіках.

Заўсёды ў масках дэмакраты
І камуністы ў масцы слоў.
Крывёй заліўся век дваццаты —
Фашызму маска — смерць і кроў.

Век дваццаць першы хворы цяжка,
Хто ведае, што будзе з ім?
Яго жахліва душыць маска,
І цяжка дыхаць нам усім.

Амінь

З зямлі — агульнае грабніцы,
Імкнуцца ў высь за Храмам Храм.
І з кожнай чуюцца званіцы
Званы, як напамінак нам.

Пра тое, што жыцця аблога
Пярэйдзе ў прах, нябыт і стынь
Нішто не вечна, апроч Бога,
Таму маліцеся — амінь!

Званы ўспрымаем сэрцам чулым,
Іх прагна ловіць душаў слых.
Па кім званы? І па мінулым,
Таксама і па нам, жывых.

Улегцы не дайсці

Цяжкі ты, крыж, цяжкі,
Данесці б мне.
Жыццё, нібы вякі,
Да долу гне.

Калісьці дзён слата —
Нібыта крок.
А сёння дзень — вярста,
Знямог, узмок.

Вакол то «ай», то «вой»,
Ды тут і я.
У кожнага крыж свой,
Вага свая.

І чым ён, крыж, цяжэй,
Тым больш грахоў.
І чым фінал бліжэй,
Больш стыне кроў.

Бязгрэшных у жыцці —
Шукай, свішчы.
Улегцы не дайсці
Нам да свячы.

Рачулачка

Рачулачка, без назвы, пэўна,
А на ізлучынах напеўна
Пераліваецца, спявае,
І вабіць песня векавая
І чалавека, і расліны.
Тут — трапятлівыя асіны,
Лазняк дасціпны дзе-нідзе,
Глядзецца любіць у вадзе.
А ўжо зусім бліжэй да рэчкі,
Шчыруюць дзікія парэчкі.
Там, дзе крыху вышэй зямля,
Над іншымі, відаць здаля
Ляшчынаў пышныя чубы,
Імхом паросшыя дубы,
Бяроз пабеленыя станы.
А на зямлі, з вясны прыбраны
Дыван зялёны саматканы.
Вось вам і сціплая рачула,
А да сябе ўсіх прыхінула.

Не вернеш

Паласа жыцця звышняшчасная
Паланіла сабой мяне.
І здаецца мне сном сучаснае,
Сном жахлівым, які міне.

Ды не можа быць, каб акрысіўся
На мяне Бог, на ўсю радню.
Я упэўнены, ўсё адхрысціцца,
Ўсё адновіцца, ўсё я сню.

Ах пякуча як сэрца боль кране,
Паласне разуменне таго,
Што душы пакуты не сняцца мне,
Што не вернеш былога майго.

«Проста так»

На лецішчы, улетку,
Як нейкі тайны знак,
Вяртлявая суседка
Прыходзіць «проста так».

Прыладзіцца ў куточку,
Каленьмі бліс ды бліс.
І можа ўсю так ночку
Сваю раскладваць «жысь».

Што любіць кніжкі дужа,
Якія я пішу.
Як цяжка жыць без мужа,
Як сум лезе ў душу.

— А сум здароўю шкодзіць,
Адна я, ўсё адна…
Чаго яна прыходзіць?
Вунь, зноў ідзе яна.

Як па лязу

Кацілася слязою гора па жыцці,
Усмешкай ззялі радасці і святы.
Яшчэ былі між гэтым, як тут ні круці,
Не слёзныя й не радасныя даты.

Сустрэчы, расставанні — незлічона іх,
Абноўкі, несвяточныя застоллі.
Мы заўважаем дзень і не заўсёды міг,
Мы лічым дрэвы, а не лічым голле.

Мы памятаем больш усмешку і слязу,
Душы уздым і сэрца засмучэнне.
Мы па жыцці ідзём, як босы ля лязу,
Балюча, з пакалення ў пакаленне.

Дык не!

Хто і за што глядзіць услед мне грозна?
Чаму ў вачах несхóваная злосць?
Мяне закрэсліць хоча хтосьці? Позна!
Я быў дзесяцігоддзі й сёння ёсць.

І білася, і сёння сэрца б’ецца
З людзьмі і часам, як адзіны такт.
А тое, што было, ўсё застанецца,
Як памяць, як біялагічны факт.

Заўсёды ёсць і будуць недатумкі,
Народжаныя у жыцця на дне.
Здаецца ім, што можна крэсліць думкі
Альбо паветра адмяніць — дык не!

Дрэвы

Вы, дрэвы, больш богаугодныя,
Пародныя і безпародныя.

Ваш свет — свет мараў і надзей,
Бог любіць больш вас, чым людзей.

Нам для жыцця не шмат даў год,
Вам — сто, і трыста, і пяцьсот.

Вы — нам сябры ад веку ў век,
А хто вам вораг? Чалавек.

Чым дыхаем мы? Кіслародам,
Якім адорваеце нас.

Мы вас атручваем смуродам
І хіміяй — за разам раз.

Для вас мы шмат прыносім болю,
Знішчэння, здзекаў і нягод.

Нас на зямлі — ўсё болей, болей,
Вас — меней, меней, што ні год.

Я выкрысці і больш бы мог…
За што любіць нас будзе Бог?

У рукі флаг

Здаралася і мне з уладай быць на «ты»
І памятую я сваю пасаду тую.
Спусціўся на зямлю, спаліў усе масты,
Каб не было назад шляхоў —
І не шкадую.

Не раз у цэнтры быў
Адказных спраў, падзей,
Не па душы мне ўсё ж
Уладная аздоба.
І хоць не мала ёсць
Разумных там людзей,
Усё там не маё,
Я — творчая асоба.

Хто здольны да чаго,
Той прафесійны маг —
Я памятую гэту ісціну старую,
Таму, кармільцы нашы,
Вось вам у рукі флаг,
Кіруйце ўверсе там,
Я вершам «падкірую».

Толькі вышэй

Множыць жыццё абароты,
Сцішыць бы іх, прытрымаць.
Я адчуванне палёту
Перастаю адчуваць.

Дождж паглынае абшары
Сонечнасць дня — тума́ны́,
Абезружоўваюць хмары
Звонкі світанак вясны.

Прэч і ад снежных заносаў,
Ад безгаловіц хутчэй.
Толькі вышэй сінь нябёсаў,
Сонечнасць, зорнасць начэй.

«Карона»

Між намі вірус і не чутна лекаў,
І ад яго «кароны» стыне кроў.
Стаў чалавек баяцца чалавека
І дзеці не наведваюць бацькоў.

Ідуць пад штучна створанай «каронай»
Не, не на трон — ў апошні шлях, на жаль.
І кожны перад ёй безабаронны,
І смерць па ўсёй зямлі спраўляе баль.

Накрыў планету жах, нібы цунамі,
Вяршыня дзе яго? Дзе глыбіня?
Між марамі, дзяржавамі, між намі —
Нябачная і бачная сцяна.

Не раз праходзіў чалавек праз мукі,
І пройдзе зноў праз іх, пакуль жыве…
А вынаходнік пацірае рукі
І носіць вірус новы ў галаве.

28.04.2020

Адысея наша

Мы самі адысею нашу
Ствараем з нашых дзён і год.
Калі плывём па плыні часу,
То сцішваем, то шпарчым ход.

Плывём да ўласных эпітафій,
Плынь лёсу ў кожнага свая.
У тэксце аўтабіяграфій
Праз слова-два, стракаціць «я».

О плынь! Яна для нас, як цуглі,
Ды ёсць ва ўсе часы яны,
Хто супраць плыні, адчаюгі
Плывуць — і ім няма цаны!

Яны — за незвычайнай мэтай,
За незнаёмы далягляд.
А большасць нас — плывём у Лету,
Пад вечны Вечнасці дагляд.

Лёс-гарбень

Пішу пра тое, што мне «баліць».
І адчуваю да сёння я,
Што прагу ведаў не наталіць,
Як нашу прагнасць да жыцця.

Кратом не лез я у нару
Пад сонцам лёсу, адкрыццяў, мар.
Вучу я й сёння, я зубру,
Як першакласнік, жыцця буквар.

О, шчыравала душа мая
Сярод праблем, разумных кніг.
Жыццё канчаецца, а я
Так шмат не зведаў, не спасціг.

Цаніў, калі быў малады,
Адукаванасць — і цаню.
Як я зайздросціў заўсёды тым,
Спасціг хто ведаў глыбіню.

Хоць састарэў мой лёс-гарбень,
Усё ж да ведаў не стыне кроў.
Навуку грыз бы я ноч і дзень,
Ды не стае ўжо гадоў-зубоў.

Гасцінна і ветліва

То знік далягляд, то адбег, то наблізіўся,
Вунь лес, ледзь стаіць на нагах.
Няўжо так насёрбаўся я, накілішыўся?
З якой такой радасці? Га?

Бярозавы гай, нібы сад мой, пабелены,
А вербаў ля рэчкі — чарга.
Здаецца, ўвесь свет закаханы, захмелены —
З якой гэта радасці? Га?

Дадам я сто грам, папярэднім асветлены,
І знікне самота-туга.
Прашу вас за стол мой, гасцінна і ветліва —
За ваша здароўеца! Га?

Струны душы

Напрыканцы мой аптымізм імунны,
Жыццё маё, яно вось-вось міне.
Шукаю я ў душы такія струны,
Якія ажывілі б сэрца мне.

Якія б схаланулі жыватворна
Ўсё тое, што да сёння сэрцам п'ю,
Што колісь запаліла ў небе зорным
І зорку пуцяводную маю.

Яна вядзе мяне! Яна не згасла!
І з ёю я душою не сляпы.
І вяжа ўзнёслых думак перавясла
Паэмы й вершы ў творчыя снапы.

Я, марыцца, не знікну назаўсёды
У вечнасці, у тлумных год слаце,
Бо зерне слоў узнёслых дасць усходы
І ў глебе часу творча прарасце.

Узрушце свет, душы бяссоннай струны,
Свет, мной пражытых год, ён не чужы,
Каб іх адчуў я блазнюкова-юны
І сталы, і цяпер вось — на мяжы.

І ні слыху, і ні духу

Памяці, пайшоўшых з жыцця калег.

Я начэй не спаў, пісаў,
Выпадала, чарку піў,
Пры жыцці я працаваў, я жыліўся.
А цяпер, як я «пачыў»,
Старшыня ўсім абвясціў,
І калегі — ўсталі, селі —
І… забыліся.

«Тары-бары» — зноў яны,
А на тварах, хоць бы хны,
Не кранула чутае.
Дробязь — нечы вечны сон,
Кожны рады, што не ён
Адпакутваў.

Эх, жыццё — дабро і зло,
Ўсе мы — да крыла крыло
Ўсе мы таленты, усе ў цане.
Колькі нас з жыцця пайшло,
А праз час — як не было,
Быў ці не?

Заклапочанасць

Прыклаўшы да сэрца руку,
Няўпэўнены я — і даўно,
Магчыма, сяджу на суку,
Які хутка сам і ссяку.

Магчыма, што па баразне,
Выклыпваю перад канём
І год, што жыве адным днём,
Бясплоддзем знясла́віць мяне.

І б'ецца сумленне маё,
Як ранены птах, без крыла —
А што, калі з'еўшы сваё,
Падсеў да чужога стала.

Бязгучны баль

Жыццё з давён-даўна — то дні, то ночы,
То ночы, дні, то вечнасці сцяна.
Мы, ўсе жывыя, ў будучыню крочым,
У светлую ідзём, а дзе яна?

Яна — праз век і заўтра — не далёка,
Яна, нібыта ў сне бязгучны баль.
Зірнуць бы на яе адным хоць вокам,
Яна ж — недасягальная, на жаль.

За тое, што жыву, я Богу дзячу,
І ўсё ж сціраю кроплю са шчакі.
Я будучыню так і не пабачу,
Бо для жывога «сёння» — на вякі.

Край бацькоў

Не схлыне часу вечнага паводка,
Не ўвойдзе ў нашых лёсаў берагі.
Люблю цябе, зямля бацькоў, пра-продкаў,
Цябе, адзіны край мой дарагі.

Мяне з народзін цеплынёй адорваў
І водарам палёў, лясоў і ніў.
Сярод табе прысвечаных мной твораў,
Адзін ёсць, ганаруся я каторым —
Сваё жыццё табе я прысвяціў.

З табой, наш краю, маем лёс адзіны
І помнім мы ў час святаў і бяды:
Што як жыцця не будзе без вады,
Нас не было б без маці і Радзімы.

Першы летні дзень

Над блакітнай рэчкай
Неба парасон.
Сонца шляхам вечным
Узыйшло на трон.

Ззяе, пазірае
З лецішча свайго.
Ветрык адганяе
Хмаркі ад яго.

Ой, як даспадобы
Сонейкі агмень!
Сёння дзень асобы —
Першы летні дзень.

Кажуць, ёсць прыкмета,
Знаная даўно —
Як пачнецца лета,
Й пройдзе так яно.

Святкуй ці вый

Мой час! Ты быў маім і я
Шпынаў цябе на левай й права.
Лічыла маладосць мая,
Калі ўжо жыць, дык жыць рухава.

І я, пакуль быў малады,
Свой час агуліў, а не важыў.
А вось калі мае гады
Ссівелі, я і не заўважыў.

Мой час! Маім ты быў… ніколі,
Ты — над усімі, ты — нічый,
Ты — паза долі і нядолі,
Ты — «глух і нем», святкуй ці вый.

Маёй бяды гады

У які не глянеш бок,
Прывід дзён сучасных блудзе —
Людзі, людзі — бачыць зрок,
Сэрцу бачыцца бязлюддзе.

Кожны лёс свой між людзей
Мерае па ўласнай мерцы.
Але ж бачым не вачмі
Мы жыццё, а зрокам сэрца.

Вы, маёй бяды гады,
Варты аднаго — праклёну:
Сум, бязлюддзе, халады —
Пазайздросціш Рабінзону.

Які?

Так. Правіла ёсць залатое,
Пісаць, пазбягаць небыліц,
Пісаць пажадана пра тое,
Вядомае што да драбніц.

Пісаў я пра родных і блізкіх,
Пра голад, пра жахі вайны.
Пра ўсё — ад малечай калыскі
Да сталасці, да сівізны.

Пра тую нялёгкую долю,
З якою злучыў усіх час,
Пра ўсё, што знаёма да болю —
Пра свет, пра дзяржаву, пра нас.

Адказваў па-свойму я — хто мы?
Супольнасць?
Грамадскасць?
Сям’я?
І ўсё ж больш за ўсіх мне знаёмы
Не хтосьці, не штосьці — сам я.

Рэальны я, не небыліца,
Я сам для сябе — не сакрэт.
Вазьму й раскладу па паліцах
Унутраны аўтапартрэт.

Глядзіце!
Дзівіцеся!
Вось я!

Такому — сам чорт панібрат.
Ёсць, пэўна, ўва мне і двухкоссі,
І розных пытальнікаў шмат.

Раптоўна пытанне паўстала,
Штурхае мой форс у бакі:
Пражыў я з сабою не мала,
А ўсё-ткі, які я? Які?

Харошы?.. Прыплюснуўшы вока,
Магчыма й такое сказаць.
Благі?.. Да благога далёка —
Складана мне гэта рашаць.

І выпала ручка ад стомы
На аркуш паперы з рукі.
Сабе нават я незнаёмы —
І зноў жа пытанне — які?

Святая

О мова беларуская святая!
На ёй спявалі калыханку мне,
Усіх яна ласкава прывітае,
Усіх яна гасцінна прыхіне.

У ёй і гістарычныя паданні,
Нацыянальны наш аўтарытэт,
На ёй спрадвек спяваюць пра каханне,
На ёй і гімн дзяржавы чуе свет.

Трымаю я праклён напагатове,
Вам вельмі ведаць хочацца, які?
«Хто лаецца на беларускай мове,
Няхай у тых адсохнуць языкі».

Попелу не хопіць

Прыйдзі ў рэальнасць нашу, суд Эзопаў,
Каб усвядоміў твой прысуд мой нораў.
Як шмат маіх станоўчых недахопаў,
Ды больш маіх адмоўных пераборaў.

А за маімі ўсімі «неда» й «пера»
Стаялі колісь людзі, ўчынкі, лёсы.
Вось вам і у дабро святая вера,
А ў выніку памылак хмарачосы.

Навошта суд Эзопаў?
Свой галопіць
За намі следам — наш прысуд суровы.
Усяго свету попелу не хопіць
На нашы вінаватыя галовы.

Другі прыклад

Я кнігу казак перад сном вазьму,
Чытаю ўсмак, нібыта той малец.
Люблю я казкі дацяпер таму,
За тое, што шчаслівы ў іх канец.

І хоць у іх шмат страхаў і пачвар,
І колькі б там прыгодаў не было,
Усё ж напрыканцы, як Божы дар.
Дабро заўжды перамагае зло.

Адсунем казкі на хвіліну ў кут,
Агучым прыклад сумны і другі:
Жыццё, як казка, як вялікі цуд,
Але ў яго канец для нас благі.

«Разумныя» вершы

Чытаючы М і Г

Чытаю «разумныя» вершы —
Халодныя творы,
Разумных маіх, ды халодных
Душою калег,
Нібыта плыву па паўночным
Няветлівым моры
І шчырасці бераг шукаю —
Жыцця абярэг.

«Разумныя» вершы…
Паэзіі розуму мала,
Каб вобразнасць, тэмы, радкі
Выкрасалі святло,
Каб крыліла вольнае слова
І ў неба ўздымала,
Каб цешыцца сэрца,
Смяяцца і плакаць магло.

Адкуль ён, нябачны выток
Паэтычнага слова?
Адкуль бы ні быў,
Толькі не ад разумнасці ён.
Вунь, колькі на нашай планеце
Разумнагаловых,
А толькі паэт паміж імі —
Адзін на мільён.

Вастрыня пачуццяў

У маладосці вастрыня пачуццяў
Вастрэй, чым нож, чым зроку вастрыня,
Кажуць, вастрэй, чым цішыня ў бязлюддзі,
Чым самых вострых думак глыбіня.

І нават успрымае пахі, гукі,
Па-свойму востра час наш малады.
І толькі… толькі роднай маці рукі
Ласкавыя да нас ва ўсе гады.

Ўсё гэта так, ды не зусім бывае,
Не мала можна прыкладаў знайсці,
Калі душа, і ў горы, маладая
Больш бесклапотна скача па жыцці.

Расце спачатку й яблынька бясплодна
І не захоча без пары цвісці.
Вось так і маладосці неабходна
Да адчуванняў вострых дарасці.

І перажыць хоць раз бяду чужую,
Як гора лёсу ўласнага свайго.
Той сэрцам боль чужы хутчэй адчуе,
Хто сам хоць раз бы перажыў яго.

Стрыманасць

Мы кожны, паасобку пуд свой солі
З'ядалі ў абасобленай цішы.
Ніхто не пацікавіўся ніколі,
Што ў маім сэрцы, што нашу ў душы.

Не вельмі лез і я ў чужыя душы,
Бывала, жыў не сэрцам, галавой.
Ў такім вось узаемараўнадушшы
Зжываем век напружаны мы свой.

І раптам…
Гэта ўсё часцей бывае,
«Нагамі ўперад» прэч ідуць сябры.
І разумееш — іх душа жывая
Тваю душу ніколі не спаткае,
Каб боль раскрыць свой у жыцці-віры.

Між берагоў

У рэдкі час нясцерпнае тугі
І адзіноцтва горкага майго,
Сучаснага й былога берагі
Усё далей адзін ад аднаго.

А я між імі, мне ўжо не відаць
Ні іх, ні ратавальную руку.
І да якога берага прыстаць,
Дзе смерць, а дзе жыццё, ў якім баку.

І ні пры чым адліў тут і прыліў,
Рака жыцця цячэ… пакуль цячэ.
Ад аднаго я берага адплыў,
Ну а другі я не адкрыў яшчэ.

Цень міражу

Што́ я ў вачах тваіх!
Як кропля ў акіяне,
Калі не бачу іх,
Я слепну, бы ў тумане.

Што́ ў сэрцы я тваім!
Кахання толькі рэха.
Мой рэквіем па ім —
Адзіная уцеха.

Што́ без цябе я! Хто?
Цень міражу ў пустыні,
Каменнае плато,
Дзе ўсё жывое гіне.

Спасцігаем

Стацыянарна вучымся, надомна,
Прымаем з асалодай творчай мукі.
Ўсё чалавецтва цягнецца нястомна
Да розных ведаў, да святла навукі.

І адступаюць непісьменства цені,
Бо ўсе мы прыкладаем намаганні —
Ступіць на навуковыя ступені
І дарасці да навуковых званняў.

Навука жыць, па ёй ідзем мы краем,
Галоўная для ўсіх нас небяспека —
Мы ўсё мяркуем, цяжка спасцігаем,
Як палюбіць жывога чалавека.

Сучаснікі мае

Праз цяжкасці ішоў я з вамі, людзі,
І сёння вецер часу ў грудзі б’е.
За ўсё, за ўсё, што ў нас было і будзе,
Падзяка вам, сучаснікі мае.

Пасля вайны, жыцця перыяд ранні
Нас загартоўваў і сёння — пакрысе.
Мы праз усе прайшлі выпрабаванні,
Мы адзначалі разам святы ўсе.

Каб нашы справы не знікалі ў Лету,
Мы ўсе жылі для будучых людзей.
Жыцця перадаём мы эстафету
У рукі светлых мэтаў і надзей.

Узаемнасць

Ёсць ціхі куточак зямлі ў Беларусі,
З якім я звяза́ны душой на вякі,
Якім я народжаны і ганаруся —
Жылі тут мае і дзяды, і бацькі.

Адрэжце у птушкі жыццё яе — крылы,
Падкіньце ў паветра, яна не ўзляціць.
Вось гэтак і я, без цябе, краю мілы,
Не тое, ўзляцець каб, не здолею жыць.

А ўсё ж шчыраванне любові ўзаемнай,
Ад нас незалежна аднойчы міне.
Мне будзе ў зямлі без цябе непрыемна,
Ды й ты з ціхім сумам успомніш мяне.

Песня

Ой складана без каханай
Аднаму нязменна.
Ой не проста скокнуць з моста —
Рэчка па калена.

Я улетку на суседку
Праз акно дзіўлюся.
А пры сведках да суседкі
Падыйсці баюся.

Колькі можна так бязбожна
Ставіцца да шлюбу?
Ў хаце больш няма багацця
За жонку-галубу.

Еду ўсваты нежанаты
Блізка, праз дарогу.
Мо суседка жонкай-кветкай
Будзе, дзякуй Богу.

На вяселлі пры пахмеллі
Усёй вёскай скокнем.
Полечку і кракавяка
З форсам, аж узмокнем.

Без дазволу

Не спытаўшыся майго дазволу,
І, не зазірнуўшы мне у вочы,
Безупынку гнулі мяне долу
Год за годам і за днямі ночы.

Без дазволу, без канца, без меры,
У часы будзённыя і ў святы,
Лезла праз зачыненыя дзверы,
Ціснулася гора ў маю хату.

Ой, як хістка і непрадказальна,
Бездань перашкод прайсці па кладцы.
Я ў святле надзеі ратавальнай
Без дазволу буду жыць, змагацца.

Вялікі свет – і гора не малое

Я акраплю Акрапаль захапленнем
І выкажу надзею Калізею.

Паспачываю шчыра Нотр-Даму,
Ў Пампеі прынясу пачуццяў гаму.

Душу рассею па усіх святынях,
Па Куліковым полі і Хатыні.

Па Піскароўскіх могілках пакутных,
Па лёсах знаных, чутых і не чутых.

Па усіх мемарыялах Вечнай Славы,
Дапамажы мне ў гэтым, Божа Правы,

Гісторыю мне ахапіць складана
І душаў шмат у ёй закатавана.

Вялікі свет — і гора не малое,
Хачу дапяць да кожнага героя.

Мы помнім іх, няхай ім лёгка спіцца,
Ляці і да жывых, душы крупіца.

Няхай з табой набудзе памяць сілу —
І ахіні маіх бацькоў магілу.

Агонь

Гары, агонь, што ў маім сэрцы ўспыхнуў,
Не патухай, не астывай — гары
Пакуль задумак носьбіт я і рыфмаў,
Жыві, агонь, не згасні без пары.

Ты ў сэрцы у маім падобны цуду,
Гарыш у ім ты — і яно гарыць.
Я творамі цябе сваімі буду
Жывіць, каб не патух — і зноў жывіць.

Калі ж прытоміць нас гадоў аблога
І ў сэрца мне бяды упрэцца клін,
Тады ўжо мы з табой, з дазволу Бога,
Адыдзем назаўсёды на спачын.

Вядомыя ісціны

Патрэбен слову сэнс,
Без сэнсу слова — гук,
Пазбаўлены душы,
Нібыта рэха.
Без мэты у жыцці,
Жыццё — замкнёны круг,
Пакуты творцам,
Гультаям уцеха.

Жыццё — і путы спраў,
І вольных крыл размах,
Ў ім чалавек залежны
Й незалежны.
А цела, для душы
З народзін — саркафаг
Яе сціскае нават
Свет бязмежны.

Не тыя вушы

Зрабіў я шмат, а можа й мала,
Ды хтось шапнуў мне з карашэй:
«Дурны ты, як без хлеба сала,
Спяваў ты не для тых вушэй!»

— О не, дасведчаны мой корыш,
Пераканаўча — не і не!
Не ў тыя вушы й ты гуторыш,
Не тое і не для мяне.

Змены

Як хутка ўсё мяняецца з гадамі —
Характар, знешнасць, вершы, густы, свет.
Не зразумець — кіруюць змены намі
Ці імі мы? Ці разам — след у след?

Час ставіцца да зменаў без здзіўлення,
Бо сам удзел прымае спраўна ў іх.
І кожнае прыходзіць пакаленне
Другім ад папярэднікаў сваіх.

Час, што віхурыць, не заўсёды генны,
А шмат рэвалюцыйнасці нясе.
Карыснае з сабой прыносяць змены
І горшыцца ўсё ў свеце пакрысе.

Карыснае было і будзе з намі,
У новы час пракладвае свой след.
А горшае, па кроплі нас, як камень,
Падточвае і пагаршае свет.

Выбірай!

Каб Бог сказаў мне: — Выбірай,
Што пажадаеш: ці каханне,
Ці пекла чорнае, ці рай.
Я адказаў бы без вагання:

— Каханне! Назаўжды яго
Я блаславенна выбіраю!
Здзівіўся б, пэўна, Бог: — Ого!
Чаму ты выбраў пекла з раем?

Запавет бацькоў

Я запавет бацькоў бярог —
Ўзрасці сумленным, слынным.
Я ўсім, што меў, усім, чым мог,
Разлічваўся з айчынай.

Я аддаваў зямлі, дзе рос,
Ўсе, без ашчады, сілы.
Ці не таму Ісус Хрыстос
Падараваў мне крылы.

Яны — зеніт жыцця майго
Парнас майго натхнення.
Я на свой лёс гляджу з яго
З удзячным захапленнем.

Тут, толькі тут — і больш нідзе
Я з Музай мог спаткацца,
Якая па жыцці вядзе —
Настаўніца, дарадца.

Дык вось чаму мяне зямля
Узгадавала годна,
Каб я з чужых краёў, здаля,
Вяртаўся ў кут свой родны.

Каб здзейсніў продкаў запавет,
Згараючы ў натхненні,
Пасля сябе пакінуў след
Для новых пакаленняў.

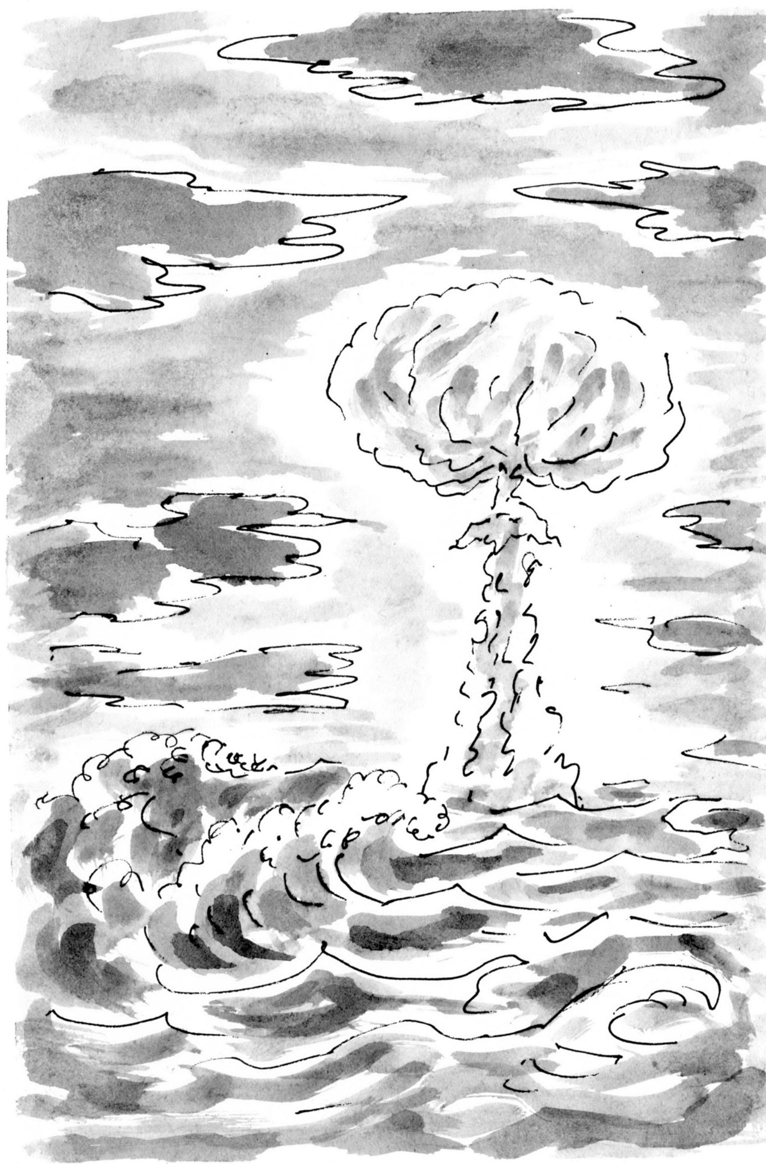

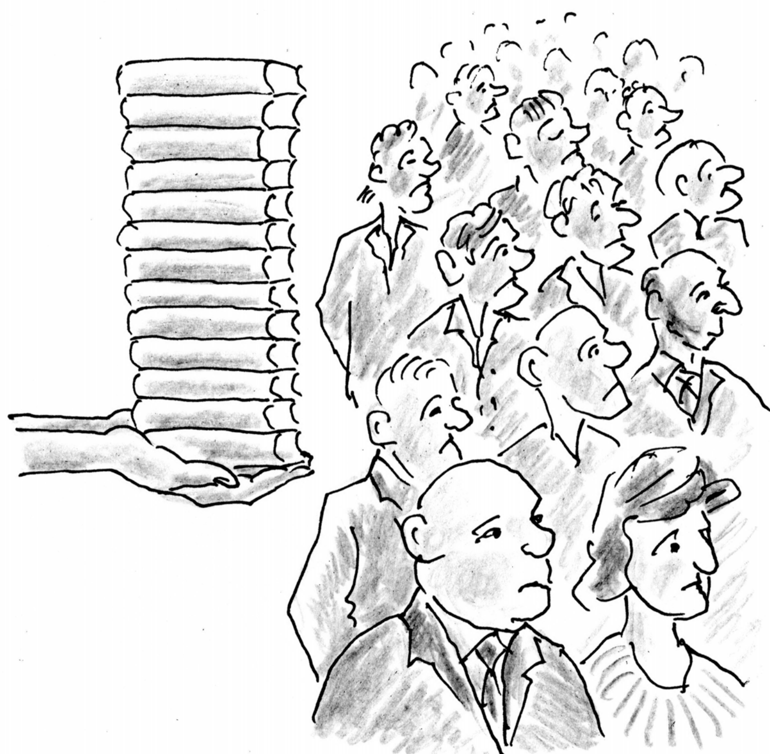
Акіян

Акіян то ўздымаецца ўвесь на дыбы,
То атуліцца безабароннай самотай.
То над ім сінь нябёсаў, то хмараў клубы —
Акіян мне здаецца жывою істотай.

Ну й бываюць шалёныя ночы і дні,
Налятаюць грымотныя шквалы-навалы.
Ах, як хвалям балюча з разгону грудзьмі
Біцца, біцца і біцца аб вострыя скалы.

Акіяну належыць магутнасці трон,
Але ўсё-такі блякнуць яго ўсе экстрымы —
Як бы не распінаўся пагрозліва ён,
Не заглушыць ніколі ён боль Хірасімы.

Душы кароста

Я столькі напісаў... Каму? Навошта?
Нячытаныя ўсе тамы мае.
Але ж паэзія — душы кароста,
Ні спаць, ні жыць спакойна не дае.

І ведаю — ніхто не прачытае
Ні верша, аніводнага радка.
І ўсё ж душа старонкі дзён лістае
І думак не спыняецца рака.

Мне жыць абрыдла, я невыпадкова
Бліжэй душой да тых, хто аджылі.
І толькі Богам дадзенае слова
Мяне пакуль трымае на зямлі.

Кот і мыш

Што ж, настае мой час расплаты,
А спадзявалася — міне.
З мінулага падзеі, даты,
Усё ж падсцераглі мяне.

Падцікавалі перад ноччу
Грахі, памылкі розных год.
А мне здавалася — праскочу,
Ды не! Я — мыш, а час, ён — кот.

А дзе вы бачылі ці чулі,
Каб адката ды збегла мыш?..
Вастрэй адчуў — жыццё не гулі,
Напрыканцы якога — крыж.

За далягляд

Колькі жыву, душой не заставаўся дома,
Я вандраваў па творах — і сваіх, і не.
Ляжаць, пляваць у столь, мне гэта не знаёма,
А вось за далягляд ляцець прыемна мне.

Зірну за далягляд і бачу — вабіць новы.
І новы за спіной, далей лячу адтуль.
Як хочацца адкрыць краіну роднай мовы —
І ёсць яна, і не — і ёсць, і не... пакуль.

Над роднаю зямлёй нясу ў душы надзею,
Акрыленасць мая ад роднае зямлі.
Тваё я, Беларусь, як сейбіт, словы сею,
Эх, трапілі б яны у сэрцы й прараслі.

Крэслю дні

Патух, памёр не дзень, а гэта я
Яшчэ на дзень жыццё закрэсліў смела.
Цяпер дарога па жыцці мая
Яшчэ на адзін дзень пакарацела.

Яшчэ раз заўтра вынік падвяду,
Закрэсліўшы мінулы дзень чарговы.
Яшчэ на дзень сябе я абкраду,
Чакаючы някрэслены дзень новы.

О, колькі дзён прайшло з далечыні
Да сёння, аж да фінішнага краю.
Вось так я кожны вечар крэслю дні,
На дзень адзін штодзённа паміраю.

Прыпеўкі

А дзе тая сцежачка,
Юнацкія дзяనькі?
А дзе тая дзежачка
Й салёныя рыжкі?

А юнацтва мелася,
Ды пара прайшла.
А рыжочкі з’еліся,
Сцяжынка зарасла.

А дзе тая дзеўчына,
А дзе хлопец той?
Ён у фрэнч выстрэнчаны,
Дзеўка пад фатой.

Эх, рыжкі — вясельная
Закусь, лепш няма.
Эх, жыццё сямейнае —
Шчасце задарма.

Ўсё з тае сцяжыначкі
Пачалося ў іх.
Зоркі-залаціначкі
Ў небе мірг ды мірг.

На пытанні простыя
Просты і адказ.
Прыпеўкі дзівосныя
Будуць і пра нас.

Два берагі

Я Богам праведным
Спаўна адораны,
З маленства ў сёння йшоў
Праз маладосць.
Мной многа здзейснена,
І шмат мной створана,
Ды больш не зроблена яшчэ,
Чым ёсць.

Не напісáных іх,
Слоў шматгалосіца,
Сюжэтаў, вобразаў,
Задум — букет.
Ў душы не месцяцца,
На волю просяцца,
Да сэрцаў крыленых,
У творчы свет.

Два берагі душы —
І да каторага
Па моры творчасці
Найперш плысці?
І тое важна мне,
І тое дорага,
Яны галоўныя
Ў маім жыцці.

Дзіва і не дзіва

На цёплы дзень дыхнула халадком,
Няўжо так рана восені пагрозы?
Разліўся каля рэчкі малаком
Туман, глынуўшы на ўзбярэжжы лозы.

Не раз я бачыў на сваім вяку
Такую з’яву — дзіва і не дзіва.
Ў тумане я, як муха ў малаку,
Хутчэй з яго караскаюся, жыва.

Я крокі павялічваю штораз
І дадаю сваёй хадзе я руху,
Бо сонца вып’е «малако» праз час,
А раптам возьме й вып’е разам з мухай.

Во – чалавек!

Няспынна крочыць век за векам
І цесна ў свеце ад падзей.
Я так хачу быць чалавекам
Ў вачах людзей.

Баюся, каб у твар ніхто мне
Не кінуў брыдкае: — «Гультай!»
Таму і працаваў нястомна,
Бяры — чытай.

І не хачу, каб у спіну мне
Хтось кінуў колкае: — «Дзялок!»
Я не трыбунна і нятлумна
Пісаў, як мог.

Між меркаванняў, перасудаў,
Паміж людзей пражыў свой век.
Ад іх пачуць я рады буду:
«Во — чалавек!»

Не ставяць па каню свячу

Жыццю я болей аддаваў, чым браў
І ўсё-ткі менш, чым даць мог — вінаваты.
У маладосці больш забаў, чым спраў,
Адсюль і дызбаланс, і часу страты.

Гарбатасць набылі б гады мае,
Каб праца, праца. без прасвету, цугам,
Бо толькі конь ўсе сілы аддае,
Каб капыты адкінуць побач з плугам.

Ніхто не ставіць па каню свячу,
Калі ж кульнуся я, па мне паставяць.
Шмат сіл аддаў жыццю, больш не хачу,
Мне ж трэба па сабе памінкі справіць.

Застылы час

Тут, дзе ўпаў калісьці жолуд,
Сустракае ў нашы дні
Кожнага магутны волат,
Крылы голля ў вышыні.

Колькі ж, дуб, табе гадочкаў?
Колькі, дружа, за вякі
Напладзіў сыноў і дочкаў —
Вунь яны, на ўсе бакі.

У вышынях хмарачосных
Не замарнаваў гады —
Праз вятры, праз птушак розных
Ты рассейваў жалуды.

І праз іх працяг твой будзе
Сёння, заўтра й пасля нас.
Толькі б паважалі людзі
У табе застылы час.

Вяроўка і мыла

Я сёння, як той селянін пры сяўбе,
Ён сонейку рады й не рады.
На першым суку я б павесіў сябе
За вершы, ў якіх мала праўды.

І ўсё ж я трымаю пілу каля рук —
Ледзь шыя вяроўку, адчуе,
Адразу я хуценька зрэжу той сук,
Бо праўда у вершах пануе.

Няпраўда — брыда, толькі праўда ў цане,
Мне праўда душу акрыліла.
І ўсё ж, калі вершы пішу, ля мяне
Заўсёды вяроўка і мыла.

Глагольныя рыфмы

Жыву і сам з сябе здзіўляюся,
Што не магу ніяк спыніцца,
Хаця усё часцей стамляюся
І ўсё часцей юнацтва сніцца.

І лета холадам адужана,
І дні ўсё караценоць, таюць,
І сонца восенню астуджана,
І промні ў вырай адлятаюць.

А недзе ўжо зіма варушыцца
І справіць белы баль паспее,
І завірухамі раз’юшыцца,
І холадам засвірапее.

____

Глагольнымі буяюць рыфмамі
Паэзіі адвечнай грады,
Пустымі, не заўжды карыснымі —
Ды, хто што мае, таму й рады.

Пухам зямелька

Сакалоў, Шапавалаў, Невядомы салдат…
У Яну́шкавічах іх магіла.
З сорак першага году, ля дарогі, між хат,
Беларусі зямля прытуліла.

Вось і звесткі усе. Хто яны і адкуль?
Жорсткі бой іх загінуць прымусіў.
Тут яны ад варожых бязлітасных куль
Ратавалі зямлю Беларусі.

Ах, як доўга матулі чакалі сыноў,
Хоць бы звестачку, дзе пахаваны.
Тут, на нашай зямлі пралілася іх кроў,
Тут сустрэлі смяротныя раны.

Тут, матулі, ляжаць вашых сэрцаў сыны,
Тут яны… але й вы ўжо ў магілах.
Пухам будзь вам зямелька, героі вайны,
Памяць сэрцаў удзячных і шчырых.

Жніво

Пасевы зжаў ад краю і да краю,
Ўсё за сабой прыбраў на ўсе бакі.
Цяпер жніво старанна завяршаю,
Апошнія збіраю каласкі.

Мной колісь гэта поле узарана,
На ім жыцця не шкадаваў свайго.
Я з маладосці засяваў старанна,
Я падсяваў ўсё жыццё яго.

Жыццёвы шлях прамы няўхільна верне
З-пад неба светлых мар у бок зімы.
Так, як у сховішча ссыпаюць зерне,
Я творы занітоўваў у тамы.

Ёсць ураджай, і не благі даволі,
Лепш, каб аб ім усё ж сказаў не я.
Шмат поту тут майго, на зжатым полі,
Па сутнасці — уся душа мая.

Атруты зелле

А мана — салодкая спачатку,
Лёгка выпіваецца, да дна.
А як толькі вып’ем праўду-матку,
Нас падванітоўвае мана.

Кожны з нас даверлівы, на дзіва,
Апячэмся — потым зноў з нуля.
З асалодай п’ём напой хлуслівы,
Расцвярэзіць праўда нас пасля.

О, гэта мана, атруты зелле —
Пі, расперажыся, задарма.
Раз за разам: выпіўка — пахмелле,
Розум ёсць, то розуму няма.

Нявечны

З-за далечы ледзь чутны звон,
Як засцярога, далятае.
Капеж маіх начэй і дзён —
Кап-кап — і тае, тае, тае.

А пільны месяц з вышыні
Няўсыпна за парадкам сочыць.
Лічыць яму прыемна дні —
Дні, ператвораныя ў ночы.

Пад месяцам і я ў начы,
Не спіць мая душа жывая.
А час — лічы ці не лічы,
Ва ўсіх няспынна убывае.

Не дзецца нам ад год слаты
Нідзе — і гэта факт бясспрэчны.
Я, месяц-дружа, чуў, што й ты
У летапісу год — нявечны.

Ці знойдзецца дзівак?

Як мне шкада вас, будучыя дні,
Вас Бог жыццю падорыць, як на блюдзе,
І сонейка ў блакітнай вышыні —
Вы будзеце, мяне ужо не будзе.

І будуць ночы сумаваць па мне,
Бо я ў жыцці так мала спаў начамі.
І веру я, ніколі не міне
Ўзаемаповязь цёплая між намі.

Я кожнай ноччу больш пісаў, чым днём,
Шмат думак перадумаў кожнай ноччу.
Я ў сэрцы, палкім з гэткім жа агнём,
Усё жыццё ад дня да ночы крочыў.

І спадзяюся, што душа мая
Усё ж вас не пакіне, з ласкі Бога.
Ці знойдзецца яшчэ дзівак, як я,
Каб вас любіў больш, чым сябе самога?

Хвалююць

Як чутка, як нябачны госць,
Сярод гадоў, падзей і люду,
Ці быў я ўвогуле? Ці ёсць?
А калі так, тым больш — ці буду?

Пытанні гэтыя ўвесь час
Хвалююць і невыпадкова.
Я не магу пачуць адказ
Хоць на адно з іх прыжыццёва.

І ўсё ж адкажуць мне гады,
Тады, калі я «заначую».
Ды што мне з гэтага «тады»?
Я ўжо нічога не пачую.

Маё ўжо сэрца не кране
Адвечнае — я быў ці не?

У чыстым полі

Не чыста ў чыстым полі, як ніколі,
Ёсць ветру, дзе апробваць сваю злосць.
Я не шукаю ветру ў чыстым полі —
Ды што яго шукаць? Ён тут, ён ёсць.

З узрушанай душою, поўнай мараў,
З надзеяй сустракаю дзень за днём.
Вунь, бліскавіцы ўспыхваюць між хмараў
І захад, вунь, высвечвае агнём.

Прастора тут, для навальніц раздолле,
«Наломяць дроў», толькі прычыну дай.
Не страціла б ты толькі здольнасць, поле,
Вырошчваць тут жытнёвы ураджай.

22.VIII.2020

Аўтарскія рускамоўныя вершы 2020

Драгоценный сосуд

Многообразен мир и сложен,
Он далеко не идеал.
В огромном мире я ничтожен
И до обидного в нём мал.

В нём трудно жить и интересно
И он подобен миражу.
Но почему же в нём мне тесно
И выхода не нахожу?

Мир — это лица, лица, лица,
Ни на кого я не похож.
Я в нём мечусь, подобно птице,
В просторной пусть, но клетке всё ж.

Я знаю, где его начало,
Я вижу, где конец его.
О как же в нём простору мало
Для безграничья моего.

Без скромной ложности я должен
Сказать, достоинство храня —
Не я, скорее, мир ничтожен,
Раз он вмещается в меня.

Он безраздельно в моей власти,
Живу, в душе его неся.
Во мне кипят его все страсти,
И беды все, и радость вся.

Мир — пафосная эпопея,
В добре он ровен, в злобе крут.
Мир бережно несу в себе я,
Как драгоценнейший сосуд.

Выбрать не легко

Я знаю это, знаете ли вы,
Как вытесняют дурь из головы,
Разумные, спасительные мысли?
Они важны в метущейся судьбе,
Процесс сей происходит в голове,
Иначе бы мы вряд ли в люди вышли.

Виновница лихих житейских бурь,
Не дремлет искусительница дурь,
Она наши мозги обетовала.
Дурь наша — многих дел локомотив,
В дела пороки наши воплотив,
Преумножает их, хоть их не мало.

Спасибо, здравомыслия форпост,
Над пропастью пороков, главный мост
С которого срываемся порою.
Мост этот — разум, Господом храним,
Но я, то на мосту, то я под ним,
Одно мне выбрать не легко — не скрою.

Вот и сейчас — бутылка на столе,
Лететь мне после на одном крыле,
А может влезть на «мост», остановиться?
Вот і решаю, пить или не пить —
Никто не может за меня решить,
Я — червь ползущий или в небе птица.

Помогите!

Мне трудно разобраться — чтó есть я,
Молчит судья всегда бесстрастный — время,
Безмолвствует и серость бытия,
А я несу неведения бремя.

Порою «я» — обуза всех обуз
(Вопрос это больной и очень личен)
И тяжек имя собственного груз,
Особенно когда преувеличен.

И, исходя из «груза» своего,
Карабкаемся нá гору талантов.
И, не неся, по сути, ничего,
Вышагиваем поступью Атланта.

Похвально из неведения тьмы
Стремиться к просвящения элите.
Как трудно разобраться — чтó есть мы,
Кто в этом понимает — помогите!

Полет

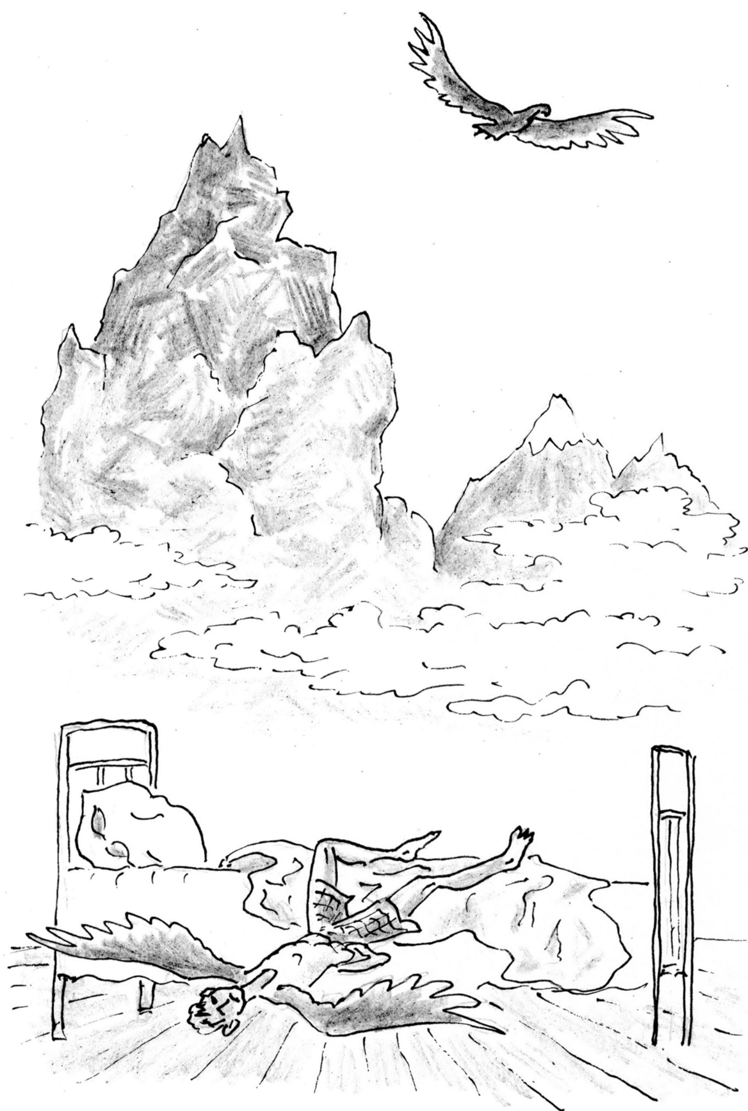
Порою видим мы не дальше носа,
Как будто нам мешает жизни клеть.
Во сне увидел на краю утеса
Себя — о как же хочется взлететь!

Бескрылье наше — груз для сердца тяжкий,
Но я стою вверху, восторг в груди.
А подо мной какие-то букашки,
А может люди, разберись поди.

Что ж я застыл? Я должен, должен, должен
Над всею этой серостью взлететь.
Ведь даже меч, освободясь от ножен,
Сверкнув, докажет, что он сталь, не медь.

И я, расправив руки, оттолкнулся,
Уподобясь свободному орлу.
Но, лишь взлетев, я с грохотом проснулся,
Расставив руки, лёжа на полу.

Мне на полу подумалось, не кстати,
И вы сейчас подумали о том:
Рожденный ползать, падает с кровати,
Как только возомнит себя орлом.

Преклоню колени

Я юность милую без счета помяну,
К ней сердца взор тоскующий прикован.
Оно не покидает прежних дней весну —
Кто ж первоцветом не был очарован?

С любовью к молодости зрелой преклоню
Всё помнящей, души моей колена.
Хоть мысленно вернусь к несгасшему огню,
Который греет душу неизменно.

Тебя приветствую я, жизни перевал,
Я восходил, от высоты пьянея.
Я взрослым стал, взойдя, я духом возмужал.
Ещё не зная то, что спуск сложнее.

Я на вершине был, я этим горд и рад,
Спускаюсь вниз, обрывы огибая.
Но драм и бед, и лет срывался камнепад,
То раня, то, порою, с ног сшибая.

И вот подножие, лежит почти плато,
Спуск не крутой, но вниз уводит всё же.
Здесь легче двигаться но меньше сил зато,
А что там дальше? Впереди? О Боже!

Там пропасть черная бездонная видна,
А спуск влечёт — всё ниже, ниже, ниже,
Какая-то есть сила над нами, и она
Процессами вокруг и нами движет.

Я пропасть чувствую, бездонность-глубину,
В ней щупальцами шевелятся тени…
Я юность милую ещё раз помяну,
Пред всем, что было, преклоню колени.

Так и запишем

Пусть сбудется все,
Что задумал Всевышний,
Нам не отменить то
И не заменить.
И если сочтет он,
Что в жизни я лишний,
Покорно приму это —
Так тому быть.

Мне думалось так,
Когда был еще молод,
А годы всё шли,
И не счесть лет и зим.
А жизнь всё со мной,
Я от ней не отколот —
Какой же я лишний,
Коль Богом храним?

Да здравствует жизнь наша!
Так и запишем.
Она добродетелью
Озарена.
Рожденный однажды,
Не может быть лишним,
И каждая жизнь —
Уникальна, ценна.

Наперекор судьбе

Я там, где побывать мне не дано,
Куда судьба моя и обстоятельства
Меня не пустят по гроб жизни, но
Я там в мечтах бываю обязательно.

Иначе я бы прозябал без крыл,
От мира невозможным отгороженный,
И мой Пегас меня бы не носил
Дорогой звездной, только мной проложенной.

И если за мечтой мечта парит,
И следом сам летишь безотлагательно,
Душе открытой целый мир открыт,
Наперекор судьбе и обстоятельствам.

Свет и тени

Спасибо вам, стихотворенья,
Поэмы, повести, рассказы,
Спасибо, сказки, басен звенья
И юмора смешные фразы.

Мои вы посещали ночи,
Входили днем, хотя и реже
Вся жизнь моя кипит, клокочет,
И душу по живому режет.

Меня одаривали силой,
Как воина на поле брани.
Свершали мы смешенье стилей,
Варьировали слов звучанье.

Достичь стремились высшей ноты,
Вникали сообща во всё мы.
Мы были вне простой работы,
Священнодействием влекомы.

Теперь своим считаю долгом
Стать перед вами на колени.
Я вас покину — и надолго,
Увы, увы, есть свет и тени.

Души увечья

«О если б дать забвение живым!» —
Да, Байрон, да! И этого хочу я!
Оплакиваю всех, но безразлично им,
От нас ушедшим, в вечности ночуя.

Без близких, без родных мне свет не мил,
И память всё вокруг меня безлюдит.
Их к жизни не вернул, свою же сократил,
Жить продолжая тем, чего не будет.

Все кровные мои — моя родня,
Ушли и с ними всё, что мной любимо.
И древо роду вдруг упало на меня.
Всей тяжестью — и жить невыносимо.

Из прошлого уйти так и не смог,
Уж слишком тяжелы души увечья.
И так же, как и жил, я подвожу итог,
Нет, не смирюсь с забвением и впредь я.

Победитель и побежденный

К черте последней подхожу с молитвой,
Как будто предстоит последний бой.
Хотя вся жизнь моя — бескомпромисс и битва
Со всем, чем жизнь богата, и с собой.

Как я и с чем боролся — Бог ценитель,
Жизнь — это и затишье, и аврал.
Я — долгожитель, значит победитель,
Мой финиш близок, значит проиграл.

Мы, в жизнь вступив, и до конца — в дороге,
Идя по жизни, побеждать должны.
Чего б мы не достигли, но в итоге,
К прощанью подойдя, побеждены.

Растреснутое зеркало

Спустились сумерки и деспотом
Из помещенья гонят свет.
И только в зеркале растреснутом,
Как будто я, как будто нет.

Две половины отражения,
По полменя — ну и дурдом.
Одна из них — я, без сомнения,
Другая… Узнаю с трудом.

Две половины одноглазые,
И справа я, и слева я.
Их в темноте узнал не сразу я —
Нога моя, рука моя.

Одна умна — не удивительно,
В глазу есть мысли глубина.
А вот другая — поразительно,
Глупа скорее, чем умна.

Ну и растреснутое зеркало!
В сердцах воскликнул я, шутя.
Так отраженье исковеркало,
Бездарно разделив… хотя…

Не так уж далеко от истины
Моё отображенье здесь,
Ведь зеркала точны и искренны.
И в них всегда — что есть, то есть.

А в жизни был ли слишком ровный я
В своих поступках и делах?
Да, я творил дела духовные,
Творил за совесть, не за страх.

Но мной и глупостей натворено
Не мало среди добрых дел.
Я жил светло, я жил зашорено,
В две соли помакнуть успел.

Я был и рыцарем, и рекрутом,
Чёрно-бела судьба моя,
Не только в зеркале растреснутом —
И жил неоднородно я.

Душа – портал

Душа — портал, через который
Мы покидаем колыбель,
Отбросив разговоры, споры,
Летим за тридевять земель.

И хоть не созданы ракеты,
Амбициозней наших снов,
Хоть не разгаданы секреты
Полета сказочных ковров,

Летим душой в такие выси,
В высоты высшей высоты,
Смелее самых дерзких миссий
И дерзновеннее мечты.

Мы на простор галактик вышли,
Подняв вселенной целину.
Душа — портал, пришельцы-мысли
Нас держат в творческом плену.

Всё повторяется

Вокруг всё неизменно, вечно,
Всё то же небо и земля.
Березы в платьях подвенечных
И в строгих фраках тополя.

И клен, как будто он ни разу
С рожденья не менял пальто.
Но что-то непривычно глазу
Средь этой вечности. Но что?

Ничуть не отклонясь от нормы,
Природы сказочная быль
Меняет и цвета, и формы,
И даже моду, даже стиль.

Мудра и праведна природа,
Не статика, не тишь и гладь,
Ведь каждый раз, с началом года,
Всё повторяется опять.

Сдаюсь!

Сдаюсь на милость тех, кто мил,
На милость, не на милостыню.
Я к милым людям не остыл,
К немилым постепенно стыну.

На милых, добрых, есть лимит,
Зато в избытке буки-злюки.
Жизнь доброту, как дефицит,
Дает так мало в одни руки.

О как звучит: «Мил человек!»
Но как же редко слышим это.
А мил ли двадцать первый век?
Вопрос остался без ответа.

Но век, как Феникс из золы,
Восстал бы, принял облик новый,
Когда бы все были милы
Иль ими стать были готовы.

Дожить бы до такой поры,
Когда б «вопрос-ответ» не мучил,
Чтоб были все ко всем добры,
И я, возможно, стал бы лучше.

И мы

Горит закат над лесом, но не греет,
И лес не возгорается под ним,
Что у природы может быть мудрее,
Чем удивлять нас зрелищем своим?

А мир чудес, что затаился в лете!
Черничный бал вокруг боровика!
Или весной мозаика соцветий!
Или зимой хрустальная река!

А осень! Это сказочное диво
Весны не хуже, лета и зимы.
Волшебно у природы все, красиво —
Вода и небо, и земля!
И мы!

Не оценишь балом

О человек!
Велик ты и ничтожен.
Но что из жизни ты сумел извлечь?
Ты в юности, как меч сверкнул из ножен,
А старость — тот же, только ржавый меч.

А что меж этих вех свершил, владея
Всё тем же, жизни вверенным мечом?
Влачился ль, самолюбие лелея?
Иль спас кого подставленным плечом?

Каким богам молился, встретив бурю?
Или себе лишь верил в этот миг?
На что решился, видя амбразуру?
Закрыть собою иль послать других?

Твое величье в выборе решенья
Бесспорного, противясь воли злой,
Когда одно, всего одно мгновенье
Воздаст тебе хвалой или хулой.

Ничтожество твое, когда несмело
Ты взвешивал, колеблясь, да и нет,
А чья-то жизнь на волоске висела,
А ты всё медлил, не найдя ответ.

Жизнь не экзамен, не оценишь балом.
О человек!
В тебе и тишь, и прыть.
Твое величье может быть и в малом,
Но и в большом ничтожным можно быть.

Прорастут мечты

Я припаду к стопам твоим, природа,
К твоим стопам, земля, я припаду
В момент последний моего ухода —
И где бы не был я — в раю, в аду,

И там я, пребывая в новой роли,
Оставив здесь предуходящий страх,
Не перестану славить вас, дотоле,
Пока совсем мой не истлеет прах.

Но возвращусь я в этот мир чудесный,
Когда-то прорастут мои мечты —
И расцветут прекрасны, бессловесны,
Весною, мной вскормлённые цветы.

Чтим и любим

Прошу вас, кто душою тугоухий,
И вас, в чьем сердце почитанья нет,
Не называйте женщину старухой,
Пусть даже ей исполнилось сто лет.

У женщины заложено с рожденья
Ранимость, деликатность, нежность чувств,
В душе непреходящий мир весенний —
Без этого всего мир станет пуст.

Для женщин «это слово» хуже брани,
Кощунственно в преклонные года.
Порой, в последний час, их этим ранив,
Из жизни провожаем навсегда.

О, не стареет, нет, душа живая,
Не делается возраста рабом.
Мы, женщинами женщин называя,
Их чтим и любим в возрасте любом.

Все свои

Не простой вопрос гнетет и мучит,
В коем миллионы «почему».
Что же человечество научит
Наконец-то разуму-уму?

Почему всегда, вперед идущий,
Напролом, нахрапом, на «ура»,
Устремляет взгляд лишь в день грядущий,
Не подумав глянуть во вчера?

Лозунг человечества: «А нам ли
В прошлое глядеть, идя вперед?»
А ведь в нашем прошлом — наши грабли,
Всех ошибок постоянный код.

Мыслит род людской без изменений,
Безоглядно — всё в пути, в пути,
Через жертвы на полях сражений,
Через чью-то глупость во плоти.

Зреет человечество не шибко,
Не съезжая с прежней колеи.
Поучиться б на чужих ошибках,
Но чужих ведь нету — все свои.

Узы

Нет, не творческие узы,
К сожаленью, не они,
Расплодились, как медузы,
В оные и наши дни.

Липкие, как паутина,
Наглые, словно прибой,
И, как лампа Алладина,
Могут всё между собой.

Головной страшнее боли
И гвоздя, что на шоссе…
Ну так что? Назвать их что ли?
Нет, ведь мы их знаем все.

Летописи

...Не каждый подвиг находил певца.

Важнее летописей нету ничего,
Они, фильтрующее время, сито.
И в памяти писанья своего
Хранят всё то, что не должно забыто.

О летописи! В вас живут века.
Но между ними, в памяти провалы,
К нам не дойдя, ушло наверняка
Событий много и имён не мало.

Без летописей много ль знали б мы,
Ведь устная недолговечна память.
То знали просвещенные умы,
Не дав нам в никуда совместно кануть.

Событий вал, это не води гладь,
Трудились летописцы аккуратно.
Нельзя ведь необъятное объять,
Но в летописях память необъятна.

Шум дождя

Шум дождя, висящий за окном,
Умиротворяет и тревожит.
И, витая в воздухе ночном,
Что-то ободряет, что-то гложет.

И стучат по сонному стеклу
Капли, как звенящие мгновенья,
И дробят, дробят ночную мглу,
Как таблица школьная деленья.

Что ж я затворился на замок,
Ночь делю, как первоклассник в школе?
Кажется, что дождь и сам промок,
Поддержать его мне, выйти что ли?

Приговор и оправдание

Писал, как жил я, до сих пор
И вдруг внезапно осенило:
Поэзия — мой приговор
И в этом скрыта моя сила.

И нет уже назад пути,
Ни колебаний, ни привала.
Чтоб в мире слов себя найти,
Иным и целой жизни мало.

Уж что, а с этим я знаком,
Я — в поиске, в дороге, в муках.
Лавровым будет мне венком
Мой приговор, его порука.

Поэзия идти должна
Не звонким шагом по паркету,
А там, где зреет тишина,
Звенящая на всю планету.

Из этой тишины растут
Бесценные, как плод утробный,
Ростки возвышенных минут,
Что на столетия подобны.

Мой приговор — мне в назиданье,
Он тяжкий крест, а не парадность…
Поэзия как оправданье?
Нет! Не хочу! Её в нём слабость.

Ошибка

Войдя в хоромы, бдительность храни
И совладай со сдержанным испугом,
И угадать попробуй, чьи они,
И нужен ли пришелец из лачуги.

Как примут здесь такого, не секрет,
Как тех, кто для хоромов беспородны,
Навстречу не воскликнут: — Сколько лет!
А холодно процедят: — Что угодно?

Для них ты, словно черный луч из тьмы,
Как некролог на праздничных их датах.
Здесь остро ощутишь, насколько мы
Разделены на бедных и богатых.

Пускай они живут в своем дворце,
Защищены, как переломы в гипсе.
Ты им скажи с ухмылкой на лице —
Я туалет искал, неушто я ошибся?

М
Ж

Ответь на прощанье

Во взгляд твоем — мирозданье,
Он дарит то жар, то озноб.
Тебя, как Святое Писанье,
Читать надо вглубь, не взахлёб.

Какая невинная внешность,
Самой благодетели верх!
В тебе я искал непогрешность,
А влип с потрохами во грех.

Хотя бы ответь на прощанье:
Обыденность ты иль сюрприз?
Я — жертва? А ты? Наказанье?
Или же судьбы моей приз?

Нет такой брони

Собраний неприятье, как недуг,
Сообщество сограждан — не семья.
Одно спасенье от суе́т вокруг,
Зарыться в кокон собственного я.

Но и сюда, в уединенье чувств,
Рождающее мысли в тишине,
Мир суеты, который мне и чужд,
Вползает информацией извне.

И бьет по самым чувственным местам,
Как негодяй, из-за угла, из тьмы
Разнополярные — я здесь, он там,
Живем, взаимосвязанные мы.

И редкие мне выпадают дни
Для главного занятья своего.
И в мире еще нет такой брони,
Чтоб полностью укрыться от него.

Две жизни

Под хлипы памяти встревоженной,
Борясь с бессонницей, уснул.
И сном от яви отгороженный,
Как в параллельный мир шагнул.

Но слово «как» здесь неуместное,
Во сне живем в другом миру,
Нас кто-то вводит в бестелесную,
Словно в немом кино, игру.

Порою, прошлое копируя,
Или же невидаль даря,
Волнует, экспериментирует,
Над здравым смыслом воспаря.

Сны, очень личные, келейные —
Таинственное рандеву.
И мы две жизни параллельные
Живем во сне и наяву.

Событий вал

А вал неудержных событий
Вовек не превратится в штиль.
Тех, кто бежал в уют укрытий,
Из памяти стирает в пыль.

Легко бить по стеклу железом,
Пусть даже вялою рукой.
А, встретив вал, стать волнорезом,
Не всем под силу риск такой.

Отбросив пустяков побочность,
В разы взвинтив борьбы накал,
Жизнь проверяет нас на прочность,
Кто мы — стекло или металл?
И страшен ли событий вал?

Проверит — верить иль не верить,
Надежен ли или же пуст.
В толпе такое не проверить
Среди советующих уст.

А с валом, мчащимся навстречу,
Поди — сойдись, подставив грудь.
Возможно, и восчеловечат
Поступок сей когда-нибудь.

Проблем не мало

Что ни зима — зимы зимнее
Когда-то резво приходила.
И холода, морозы с нею,
Метелей вьюжило кадило.

Теперь зима придет и ляжет,
Как изможденная старуха,
Не шелохнет и пальцем даже.
А снег? Ни слуху и ни духу.

Что ни зима — на снег бесплодней.
И в нас самих проблем не мало,
Заглянем в души — в них сегодня
Наоборот похолодало.

Импровизация

Медведь изобразить не может грацию,
Хоть курс балета преподай ему.
А тугодум постичь импровизацию,
Доступную лишь острому уму.

Она — сестра родная вдохновения
И слов, дивно окрашенных полна.
Не искажая сути изложения,
Привносит неожиданность она.

И образам живым тесно́ становится
В миру импровизированных сцен.
Она, словно мужей чужих, любовница,
Берёт любого слушателя в плен.

Одной-другой ногой

Как время всё меняет!
Ведь даже, вон, цветы,
Печально отцветая,
Лишились красоты.

Пожухли и подвяли,
Головки наклоня.
Вы помните? Едва ли
Расцветшего меня.

Я был, как куст сирени,
В бушующем цвету.
Я был, как день весенний,
Рождающий мечту.

Я был… О это был мне!
Какое был! Я есть!
Теперь, правда, предзимне
Высматриваю весь.

Цвету и пахну в грёзах,
В мечте одной ногой
И жаль, что я в морозах
Ногой стою другой.

«Нетрезвый» лес

Растрёпан ветром лес и взвинчен,
Вспугнув с вершин дерев ворон,
Не зная, что фотогеничен
И в непричёсанности он.

Качаясь, как слегка нетрезвый,
Как волны марев вдалеке,
Он более живой и резвый,
Чем в постоянном столбняке.

Он так расстроился, наивный,
Своей растрёпанностью, но
Всё ведь живое импульсивно,
Всё рьяно в жизнь устремлено.

И даже эти свето-тени,
Сплетенные, как рыбья сеть,
Упавшие здесь на колени,
Мечтают, помолясь, взлететь.

Без никаких сомнений

Не счесть, который раз, который год,
(О, не всегда удачливые ведь мы)
Я всё ищу в своих сомненья брод,
Преодолеть бы их, преодолеть бы.

Я в них вхожу, не доставая дна,
А что, если совсем они бездонны?
Я отступаю — вот тебе и на,
Я — посрамленный, но не обреченный.

Вопрос сомнений — разрешим и прост,
Закрыт он будет вскоре и без прений —
Не сомневаясь, я построю мост,
Пройду по нём без никаких сомнений.

Полно сюрпризов

По еле видимой дорожке
Я в лес вошел — дай, друже, лапу!
О, белый гриб на белой ножке,
Отдел коричневую шляпу!

Так рано! Я же по привычке,
В июне, в это время года,
Иду в леса лишь по лисички —
Сюрпризит матушка-природа.

Приветствую твои старанья,
Сгибаю пред тобой колени.
Я сам был молодой да ранний,
Теперь, как поздний гриб осенний.

Я принял лет «осенних» вызов,
Да, я не тот уже — и что же?
И у меня полно сюрпризов
И видимых, и скрытых тоже.

Попутчики

Я шел навстречу ветру, взмыленный
И, изможденный, сел без сил.
Но ветер тоже обессиленный,
Взвыл, как со всей округи филины,
И пал к моим ногам, застыл.

Вот так и почивали оба мы,
Но я, вдохнув свободу в грудь,
Овражинами и колдобами
Продолжил свой нелегкий путь.

Вдруг ощутил волну дыхания
Своей вспотевшею спиной.
То ветер проявил внимание,
Не дул навстречу мне, как ранее,
А стал теперь попутчик мой.

Одиночество

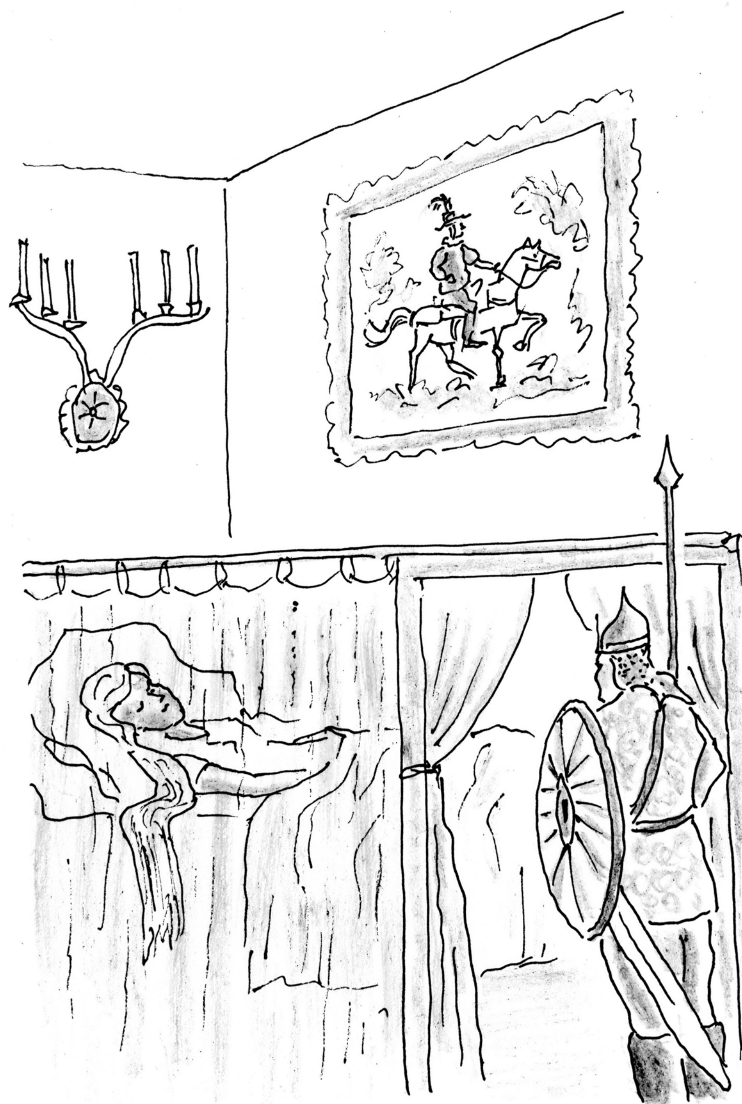
Фамилия моя и имя есть, и отчество,
Вся эта троица — всегда мои друзья.
Избрав поэзию, избрал я одиночество,
Вернее, двое нас — она и я.

Не замечал довольно долго этого
В миру, еще бесплодья своего,
Вкусив плодá, как я считал, запретного,
Я всё и вся отверг, кроме него.

Всё изменилось круто, до неверия,
Что существует мир в миру земли,
Что есть такая тонкая материя,
Без ней мы — голь, нагие короли.

И, поглощенный этим наваждением,
Зажегся я неведомым огнем.
В поэзию, как в Храм, с благоговением
Вошел, не выйдя — и остался в нём.

Великое сбылось судьбы пророчество:
Для Слова, вся вселенная — эфир.
О, как ценю свое я одиночество,
Вокруг меня в котором — целый мир.

Мужской подвиг

Не мало сказать, по прошествии времени,
Можно о нем,
Он доблестью личной крещен,
И мечом, и огнем.

Он мчался вперед,
Находясь у врага на спине.
В любом он сражении был
Впереди на коне.

Он твердостью рук отличался
И зоркостью глаз,
Друзей закрывал от меча
Он собою не раз.

И хоть он во всех испытаньях
Был дерзок и смел,
Но в спаленку к девушке ночью
Войти не посмел.

Так он что ли трус?
Он что ли лишился всех сил?
Нет! Честью блеснул он,
Он подвиг мужской совершил.

Незабываемые коти

Милым котикам

Как много принесли вы радости,
Но больше принесли страданья,
Когда с холодной беспощадностью
Приходит скорбный час прощанья.

Когда вы, искренности полные,
Любви, что родилась меж нами,
Нас покидаете, безмолвные,
Прощаясь с нами лишь глазами.

Ах годы — птицы быстрокрылые,
Летят, но вы в душе живете,
Разнохарактерные, милые,
Незабываемые коти.

Схожесть

Туман разлился, как вода —
Эх, ночь, какая лгунья!
А небо, как сковорода,
А месяц, как глазунья.

А блеск реки, как чешуя,
А вербы, как старушки,
А темнота, как кисея,
А звезды, как веснушки.

А ветерок, как весельчак,
Лицо мое, как рожа…
Продолжить можно — «как» да «как» —
Всё с кем-то, с чем-то схоже.

Ночные объятья

А ночь полна обмана
И неких тайных звуков.
Я, как в угаре пьяном,
Протягиваю руки.

Твой тонкий стан витает
Здесь где-то в тонком платье,
Но темнота пустая
Спешит в мои объятья.

О мрак! Не ночь, а нечто,
Но в мрак иду я смело.
И чудо! Наконец-то
Обхватываю тело.

Прижать к груди скорее!
Её в уста целую,
Ей сердце обогрею —
Не надо мне другую.

Вдруг уловили уши
Хрип, кашель: — Сделай милость,
Пусти, сынок, задушишь,
В лесу я заблудилась.

Вновь хрип и кашель сухо,
Страшнее всех проклятий.
Гляжу, хрипит старуха
В кольце моих объятий.

Близка и понятна

Твоя печаль прекрасна, как печаль
Склонившей лик, задумчивой Мадонны.
Печаль светла, как солнечная даль,
Как горизонт в бескрайность устремленный.

Твоя печаль, как звезды, высока,
И, словно звезд мерцание, печальна.
Твоя печаль мечтательно-легка,
Твоя печаль конкретна и глобальна.

Твоя печаль по-детски хороша,
По-взрослому мудра и необъятна.
Пишу я о тебе, моя душа,
Ведь только мне близка ты и понятна.

Пещерный человек

Полнó всего вместил в себя мой век —
Надежды, крепостное право, творчество.
Согласен, нынче я — пещерный человек,
Когда в загробный мир отплыл родных ковчег,
Я доживу в пещере одиночества.

Здесь разместился только я, я весь
С остывшими амбициями, тщательно.
И всё, мне Богом вверенное, здесь
Я дореализую обязательно.

Как в песне той, ее я помяну:
Ромашки спрятались, (но не) завяли лютики.
Свободе этой знаю я цену,
Я лёг на грунт — зря ищите, акустики.

Ничья

Столкнулись мы за столиком — нос в нос,
В кафе был пик и мест свободных мало.
Я глянул на тебя и в стул свой врос,
Ты — на меня, и будто не узнала.

А ведь не так давно… О нет! И я
Вид сделал, что тебя не знаю тоже.
Молчала ты и я молчал — ничья,
Нас этот счет устраивал, похоже.

А ведь недавно… Нет, сорвав цветы,
Не оживит их никакая сила.
Официант подал меню, и ты
Его картинно, не спеша, раскрыла.

Еще чуть-чуть и место я сменю,
Мы оба, не один же я виновен.
Твой взгляд, не торопясь, жевал меню,
Но мне казалось, будто я пожеван.

Здравствуй, рассвет!

В жизнь не вторгаясь, живут только тени,
Им безразлично, лечь подле кого.
Могут и люди, встав на колени,
Гнуться, отрёкшись от «я» своего.

Как говорится, вольному воля,
Кто-то готов век её не видать.
Мы выбираем себе свои роли,
Если, конечно, никто не неволит,
Чтобы достойно иль нет их сыграть.

Дух нашей воли, он неиссякаем,
И потому каждый, волей сильней.
Здравствуй, рассвет! Как ты зрим и желаем!
Здравствуй восход, новый день без теней!

Конца начало

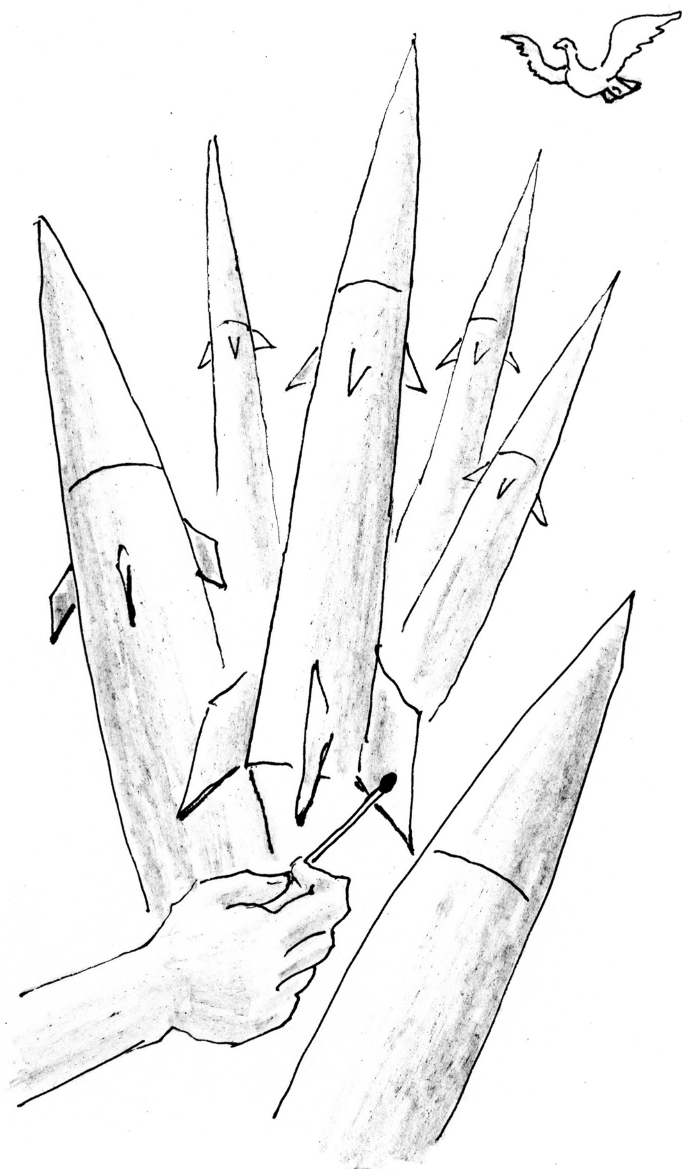
Чтобы понять, какой нас ждет конец,
В Истории подсказок есть не мало.
Пращи, мечи, пищали и свинец,
«Игрушки» эти — лишь конца начало.

Конец через века крадётся к нам,
Как самой первой сечи дуновенье,
По кро́ви битв, по громким именам,
Как тень голгофы, как предупрежденье.

Нерон и Цезарь, Невский, Тамерлан,
Наполеон, Кутузов и Суворов,
Нахимов, Сталин, Гитлер — вот он клан,
Предмет для противоречивых споров.

А сколько их, предвестников конца,
Последние десятилетья дарят.
Они мечей похлеще и свинца,
Она сегодня в ядерном угаре.

Конца начало к нам через века
Крадётся искрой — нынче рядом с нами,
Чтобы возжечь, уже наверняка,
Всепожирающий, последний пламень.

Хватило бы красок

Невидимой кистью я воздух рисую,
Жужжание пчел, пенье птиц по весне.
Создам я шедевр, красоту неземную
На видимом только лишь мне полотне.

Вон там, вдалеке, мысли бродят в тумане,
А здесь вот прилег ветерок отдохнуть.
Там трель соловья, на переднем же плане
Взлетает мечта, отправляется в путь.

Рисую тайком, опасаясь огласок,
Признанье в любви, что звучит у плетня.
Слова так цветны — эх хватило бы красок
Волшебных, незримых в душе у меня.

Одним путём

С холодностью взираю я теперь
На скуку славы предстоящей

Владислав Ходасевич

Мы все тщеславием больны
И все наивны,
Идя своим, но… все одним путем.
Уверен каждый, что его лишь гимны,
Забыв своё, с восторгом запоём.

«Наивность милая нетронутой души…» —
Строка Есенина не нас ввиду имела,
Увы, не нас, стригущих барыши
Со слов поверхностных, отнюдь не с дела.

Посевы наших дел опять скудны,
Понять легко, какими будут всходы.
А мы всё ждем, хотя и не должны
Ждать милости у матушки-природы.

Смена суток

Рыбак луну не выловил крючком
И потому решил поставить вентирь,
День уходящий падает ничком,
Идет на смену, подбоченясь, вечер.

Запутавшись в силках высоких трав,
Как мы порой в сетях житейских сутолк.
Всегда одним единственным он прав,—
Своим участьем штатным в смене суток.

Но ночь в затылок дышит. И ему
Дано не долго спину греть в закате.
У каждого свой срок, а посему
Ночь спустится в шикарном черном платье.

А утром рыболову повезло,
Он своего улова всё ж дождался.
Луна исчезла — солнышко взошло,
Но в вентирь линь вместо неё забрался.

Два имеем ввиду

Путь наш долог и длинен… Но где мы?
Далеко ль? В середине ль пути?
Я вторгаюсь в запретные темы,
Чтобы вычислить нас и найти.

Мне узнать это жизненно важно,
Не один я, со всеми иду.
Не хочу быть возвышен бумажно —
Пишем ноль, два имеем ввиду.

Коль черно, мы, признав своё чёрно,
Развернемся туда, где светло.
«Два имеем ввиду» — сыт по горло,
Ложь всегда — наихудшее зло.

Путь наш должен быть прям, неокольный,
Он длинней, чем от «А» и до «Я»,
Он сложнее задачки контрольной —
Где же ныне мы с вами, друзья!..

Неужто?

Я лёг отдохнуть, я работал два дня,
Вертелся, как флюгер.
Комар прозумдел и не сел на меня —
Неужто я умер?

Я мог то к одной, то к десятой тайком,
Теперь же задышка.
Увы не мечтаю уже ни о ком —
Неужто мне крышка?

Я пил, пировал, теперь почки мои,
Все — камень на камне.
Весной для меня не поют соловьи —
Неужто хана мне?

Фартило мне в малом, фартило в большом —
Теперь же не густо.
Неужто закончу игру нагишом?
Неужто? Неужто?

Статус площадей

Я улицы терплю,
От площадей мне дурно,
На площадях всегда
Дул ветер перемен
Они во все века
Кипели кровью бурно,
Вскипающей в сердцах
Иль хлещущей из вен.

На улицах всегда —
Косоворотки, фраки,
Искусственная знать,
Шпана, босóта вся.
По улицам текли
На площади зеваки,
И бился улиц пульс,
Дурную кровь неся.

На площадях не раз
Ораторов мундиры
Ушатили дурман
В шинельную толпу.
На площадях, казня,
Голодные секиры
Рубили позвонки,
Как плотники щепу.

Событья площадям
Плотили страшной данью,
Но время, дань ту смыв,
По-новому течёт.

Лишь ругань называет
Площадно́ю бранью,
Ругающийся и —
Вне площадей народ.

История дела
Свои пересмотрела,
Вернула площадям
И статус их, и роль.
Теперь по площадям
Гуляют люди смело,
Не рубят здесь голов,
Хоть митингует «голь».

Былое взворошив,
Я был излишне взвинчен,
Я в городе живу,
Раскаяньем казним.
Я улицы люблю,
И самому мне нынче,
Приятно, не спеша,
Гулять, пройтись по ним.

Ну же!

Эта молва не случайно
Обвенчана с истиной ве́щей:
Друзья есть враждебные тайно,
Враги с дружелюбностью внешней.

И кто из них лучше, кто хуже?
Не терпится знать — не скрою.
Ответь же ты, истина. Ну же!
Ответь, осени нас собою.

Ответила истина жгуче,
Сжигая сомнения крохи:
Для них нету слова «лучше»
И только лишь — оба плохи.

Двусмысленность прочь отбросим,
Как грех отлучим от молебен.
Не может быть враг хорошим,
Друг, если он друг — не враждебен.

Лабиринты бытия

А я плюю на лет запрет,
Но сложность их кроссвордов.
Пускай я стар, пускай я сед,
Пусть я не вышел мордой.

Но лабиринты бытия
Прошел пока без сбоев.
И в море грёз имею я
Мечты — ковчег мой Ноев.

Умчатся годы, жизнь отняв,—
Душа не станет ретро.
А парус мой, хоть и дыряв,
Зато наполнен ветром.

Теперь лишь парус мой со мной —
И этого не мало.
А молодость — мой винт гребной,
Прошла, ее не стало.

Я там спрошу

Люблю! Жасмин! Люблю! Сирень! —
Прошедшее красиво,
Хотя в душе и по сей день
Всё это есть и живо.

Со временем любовь едва
Видна в событий гуще.
Приятны о любви слова
И всё ж поступки лучше.

Жизнь — на преклонном вираже
И отдышаться тяжко.
И некогда гадать уже
С волненьем на ромашке.

Прожито много разных лет —
И солнце не без пятен.
В вопросе: любит или нет,
Ответ вполне понятен.

Люблю! Цветы! Люблю! Цветы! —
Нас свёл счастливый случай.
Я полюбил тебя. А ты?
Ведь я такой колючий.

А жизнь почти что прожита,
Меняя всё попутно.
И я не тот, и ты не та,
В нас разобраться трудно.

А я спросить так и не смог,
(Опять характер-злыдень)
Что нас свело — любовь ли? Бог?
Ответ неочевиден.

Мы прожили пятьдесят три —
Отличное известье!
Значит живет у нас внутри
Чувств неких сильных бестья.

Лет 50 пройдет, пусть 100,
Укроет нас могила.
Я там спрошу тебя: — За что
Меня ты полюбила?

Затаившееся зло

Собака зла, но не от злого нрава,
Она наш друг — и людям повезло.
Но чувствует повсюду — слева, справа
В нас, в людях, затаившееся зло.

Бывает, что собака не залает,
Когда чужой, но добрый подошёл.
Она же, на хозяина, бывает,
Рычит в душе, когда хозяин зол.

Зла чаша в мире не до дна испита
И потому отложим торжество.
Зло в людях часто глубоко сокрыто,
А кажется, что вовсе нет его.

Непониманье

Я думаю все чаще — и опять
О том, что из другого «теста» ты,
Меня не сможешь никогда понять
В огромном мире шумной пустоты.

Да и мои успехи здесь малы,
И я, пытаясь вскрыть твой мир, увяз.
Не потому ль, что разные полы
И слишком разной группы кровь у нас?

Два человека, а вопросы есть —
Непониманье, глупость, наконец.
А их у человечества не счесть,
Глобальных и в масштабе двух сердец.

Жары проделки

Жары немыслимой проделки —
Ну пекло на дворе — атас!
И мы с тобою, как две грелки,
И жарко в комнате от нас.

Разделась ты — пустая трата,
Еще сильнее жáра вал.
Зачем же солнышком когда-то
Тебя я сдуру называл?

И вот произошла заминка
С температурой — верь не верь.
Уж лучше б звал тебя снежинкой,
Прохладней было бы теперь.

11.VI.2020
Карпиловка
+32°

+32

Миг

Прижался застенчивый ветер к груди,
Пытаясь залезть под овчину.
А жизнь предо мной расступилась: — Иди!
Сочувственно глядя мне в спину.

Сочувственно… Ведь понимала она
Слепых неудач параною,
Какая уплачена будет цена
За все испытания мною.

Но будь, как она, я и кручен, и тёрт
Или, как пройдохи иные,
Не вышел бы я за порог. На кой чёрт
Все мельницы мне ветряные?

Но юность всегда безрассудством сильна
И тем, что дерзка откровенно.
Ей глубь океанская — не глубина,
А море — всего по колено.

И я, в жизнь вступая, сжег трусость дотла,
Наивен был до неприличья.
Такая решимость меня и спасла
От серости и обезличья.

Что сделал я в жизни? Чего я достиг?
На большее я и не метил.
Пускай жизнь моя пролетела, как миг,
Но он был по своему светел.

Ненужные свидетели

У речки замерла осóка
Нигде ни звука, поздний час.
Лишь немигающее око
Полной луны глядит на нас.

Но нет, в мешке не спрячешь шило,
Короче будь оно, длинней.
Нас тьма с тобой изобличила,
Хотя и прятались мы в ней.

О ночи тьма — ты третий лишний,
И в этом вся твоя вина.
А шепот еле-еле слышный
Смогла подслушать тишина,

Хотя, казалось, будет сонно
Лишь самое себе внимать.
О сколько всё же у влюбленных
Свидетелей — не сосчитать.

В этой пьесе

Небо звездное, яркие судьбы,
Жизнь моя, до поры во плоти.
В этой пьесе мгновенно уснуть бы
И зажечься на Млечном Пути.

Разве то, с чем прощаюсь, забуду,
Шепот ночи, родных голоса.
Надо мною, во мне и повсюду
Кто-то тайный творит чудеса.

И комета, как огненный вестник,
Промелькнула знаменьем дыша.
То, моя недопетая песня,
То, летящая в вечность душа.

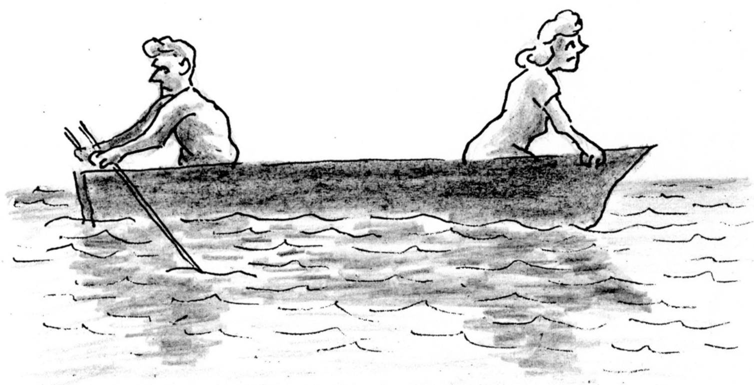
Не уместен торг

Мы плыли по реке,
Я был в своей среде,
Тебя же, видел я,
Прогулка тяготила,
Луна, как поплавок,
Качалась на воде,
Ты хмурилась,
Я улыбался мило.

— Ты слышишь? Соловей! —
Воскликнул тихо я,
Чтоб не мешать ни пенью,
Ни затишью.
Но у тебя цена
На этот счет своя,
Пожала ты плечами:
— Нет, не слышу.

А звезды стайкой рыб
Метались под веслом
И затихали вновь,
Собравшись аккуратно.
Но видел я тебя
С нахмуренным челом
И, лодку развернув,
Поплыл обратно.

Полночная луна,
Одно из дивных див,
Сияла на пути,
Светло, как богомолка.

Проплыли мы по ней,
В осколки превратив
И расколов себя
На два осколка.

— Какая красота! —
Я высказал восторг,
— Какая скукота,—
Ты изрекла, зевая…
У вкусов ценник свой,
Здесь неуместен торг,
Плывем порой в тупик,
Об этом забывая.

Чувствуя плечо

Жить безбоязненно — бахвальство.
Я был у страха во плену —
Я так боялся, так боялся.
Что мимо жизни проскользну.

А это ведь не сложно, кстати,
Прожить, как износить пальто,
Профукать годы, жизнь растратив,
За просто так, черт те на что.

Свои ошибки — не наука,
Хотя болезненны — кусь-кусь.
И я не мало лет профукал,
Вот-вот и с жизнью разминусь.

Вот-вот и с разгильдяйством свыкнусь,
И, чтоб не сгинуть ни за грош,
Себя же вздрючил: Накось выкусь!
Поклоунадил и хорош!

И, вытряхнув, как плед от моли,
Свои мозги от чепухи,
Я поменял усильем воли
Всю прозу жизни на стихи.

И каждый год, ежеминутно,
Порою, споря горячо,
Мы с жизнью движемся попутно,
Друг друга чувствуя плечо.

С лопатой в огороде

С собой давно я не в раздоре,
Не тянет юг ни на часок.
И не записанное море,
И не заплёванный песок.

Не пляжные людские копи —
Куда ни глянь, жующий рот,
Где к носу нос, где попа к попе
И несмывающийся пот.

Нередко, сдуру мчимся в даль мы,
Мои в деревне чудеса —
Не лопоухие здесь пальмы,
А дивно пышные леса.

Здесь даже солнце в небе чистом
Совсем не давит на виски.
И ждут меня в лесу тенистом
Пузатые боровики.

И благодарен я природе
Весною, летом и в пургу.
Я здесь с лопатой в огороде,
Не хуже загореть могу.

Начитавшись сказок

Я, признаться, разочарован
Тем, что мною давно любимо —
За окном прозвенели подковы,
Простучали, умчались мимо.

Я с открытыми спал дверями,
Для чего? Расскажу вам вкратце:
Ждал я встречи с богатырями —
Породниться и побрататься.

Но Попович, Илья и Добрыня,
Вскрыли копьями синие дали,
Как воробышку на мякине,
Провели меня, ускакали.

Все они и славны, и воспеты,
Где-то скачут своей дорогой.
Я ж надеялся тройке этой
Быть товарищем, быть подмогой.

Я не нужен вам? Я? Полковник!
И не надо — я сам отважен.
Скачет вон Соловей Разбойник —
Ну держись! Пистолет заряжен!

Не на последнем ли?

Я утопил на первом же году
Колечко обручальное.
Я знал, его я в речке не найду —
Событие печальное.

Чтоб избежать с женой разводных сцен,
Приметой околдованной,
Купил другое сразу же взамен —
И снова окольцованный.

Прошли года, почти пятьдесят три,
С кольцом уверенно.
Я — невезучий, что ни говори,
И это мной утеряно.

На первом я году в реку́ нырял,
Лишь брак отметили.
Свое кольцо второе потерял,
Не на последнем ли?

2020 г.

Тщетно

Близко к сердцу подпуская скуку,
В мире опостылевшем давно,
Мне пожать бы дружескую руку
Искренно, без отторженья, но…

Лишено мое желанье смысла,
Тщетно шарят по толпе зрачки.
В воздухе моя рука повисла,
Так не встретив дружеской руки.

Но зато встречает сколь угодно,
Словно жизни нет другой вокруг,
Рук случайных, вялых и холодных,
До чего же неприятных рук.

Так не сто́ит

Я же от себя усталый,
От находок и потерь
Был когда-то добрый малый
Быть другим хочу теперь.

Передуманного прелость,
Пережитого труха.
Ах, какая это прелесть
Вздорно жить, не без греха.

Снова совершать ошибки —
Развернись во всю душа!
Ради призрачной улыбки,
Ради медного гроша.

Заглотить поллитру водки,
Закусивши рукавом.
Сказ короткий — к черту сходки,
Постные, как в горле ком.

И блуждать, как астероид,
Выкрав Ариадны нить…
Так, конечно, жить не стоит,
Если вовсе стоит жить.

Календарно

Румянит осень листья,
Чарует, поражает.
Незримой чудо-кистью
Леса преображает.

Кладет мазки со вкусом,
Но, пусть и безупречна,
Под вечным Иисусом
Она, как мы, не вечна

Заплачет благодарно,
Припомнив солнца негу.
И будет календарно
Плестись покорно к снегу.

Двенадцатый час

Мечты, словно резвых лошадок табун,
Несли над землей феерично меня,
И я, в пенье ветром натянутых струн,
Улавливал музыку каждого дня.

И как же разнилась звучаньем она,
Меня вовлекая в феерию нот —
Задорна была, то смешна, то грустна,
И слышалось в ней то паденье, то взлет.

Встречалось, увы, неудач вороньё,
Но кони-мечты продолжали аллюр
И музыка буден, но слыша ее,
Я сам становился то весел, то хмур…

Мечты разлетелись — и нет табуна,
И я опустился на землю сейчас,
Как будто проснулся от сладкого сна,
Часы завершают двенадцатый час.

Скалы и рифы

Крушение надежд страшней, чем корабля,
Внезапно налетевшего на скалы.
А скалы, хоть остры, отвесны — всё ж земля,
Есть шанс спастись, пусть призрачный, пусть малый.

Надежды, налетев на рифы неудач,
Идут ко дну, их час последний до́жит.
Надежды потеряв, кричи или же плачь,
Навряд ли их вернуть кто-то поможет.

Событий ураган, преград внезапных шквал,
Порой встречает непреодолимо.
А жизни океан штормит и полон скал —
Кто разобьется, кто проскочит мимо.

Гроза

А я забыл, что грозы есть на свете,
Что грянет гром — и мне креститься надо,
Что молний свет осветит и ослепит
Что всё, взревев, придет подобьем ада.

А я забыл… но рядом полыхнуло
И небо, вспыхнув, с треском раскололось,
И я оглох от рева и от гула,
Земля, как бы, развергшись, вскрыла полость.

Страшна ты в своем гневе, непогода,
Перед тобой склоняешься невольно
Но как же торжествует вся природа,
Когда гроза отступит добровольно.

Драгоценный запас

В двери стукнет Она и меня обилетит,
Всё покину я, встретившись с Ней.
Неужели никто ничего не заметит
Из умчавшейся жизни моей?

Не заметят? И это забвения пуще,
Хуже обездуховленных лиц.
Я же самую малость хочу от живущих —
Лишь услышьте дыханье страниц.

Там ведь в каждой строке
и на каждой странице,
Наших ген драгоценный запас.
Я на пашне веков собирал по крупице
Кладезь судеб, событий, всех нас.

Покой и тишина

Какой покой! Какая тишина!
Непостоянная покой величина.

Покой души, он хрупок, он тревожен,
Он напряжен всегда, как меч вне ножен.

Мы, постоянной все величины,
Хотим — чтоб был покой родной страны,

Чтоб людям снились мирной жизни сны,
Спокойно, на груди у тишины…

Какая тишина! Какой покой!
Мы все привыкли к тишине такой.

Но все мы помнить бережно должны
О тех годах убитой тишины,

О том, что надо тишину беречь,
И за нее, коль надо, в землю лечь.

Скорости

Какой скакун! Какая скорость!
Промчался, лишь клубится пыль.
Но в жизни появился вскоре
Стремительный автомобиль.

Но и авто обóгнан слёту
Крылатой птицей в небесах.
Ура! — за это самолёту.
Ну как не верить в чудеса!

Какая скорость! Бури дули
Круша всё на своем пути.
Но свет летит быстрее пули.
А мысль? Быстрее не найти.

О эти чудеса природы,
Полны загадок и интриг.
Но всех быстрее наши годы:
Рожденье — смерть, меж ними миг.

Участник мирозданья

Вторгаться в жизнь чужую неприлично,
А как же быть тому, чей дар от Бога?
Ведь, зная не конкретно, мозаично
Людские судьбы, не напишешь много.

А если много, будет сухо, вяло,
Как протокол партийного собранья.
Поэта же от прочих отличала
То, что поэт — участник мирозданья.

Он — скальпель острый, и всегда в работе.
Подставят души все ему? Едва ли.
Вы про себя в стихах порой прочтете,
О чём в себе и не подозревали.

Войдя в стихи, вы будете в полете,
Открыв, что вы свободны и крылаты.
Вы столько откровений в них найдете,
Вы станете, нет, не деньгой, богаты.

Поэт вскрывает души, не вторгаясь,
Не превнося за личное тревогу.
Ведь у него связь с душами иная,
Только ему известная и Богу.

«Прозрение»

Легко «прозреть» душой,
прожив всю жизнь вслепую,
Когда вели чрез жизнь поводыри,
Ведомые кнутом, а те, напрополую
Метались в круге замкнутом — внутри.

Душа, раскрыв глаза, не закрывала коих,
Воспрянула, решив умом блеснуть.
Она себя и ум, поводырей обоих,
Клеймила за судьбы неверный путь.

Но скрыла, что она и ум судьбу избрали,
Как легче — у других на поводу.
И, подводя итог, признаются едва ли,
Что и не слепли, к своему стыду.

Не потому ли?

Бог создал нас. Вот мы откуда!
Но он задумался тотча́с:
Куда бы деть такое чудо?
Как и куда пристроить нас?

Мелькало времени теченье —
И вдруг подумал невзначай:
Я поселю свое творенье
Жить на Земле — ну чем не рай!

И замелькали вереницей
Сплошь благодатные деньки —
Для человека — рыбы, птицы,
Плоды, коренья, родники.

Мы жили в девственной природе,
Среди цветущей сказки, но
Козла представьте в огороде,
Нам всем известного давно.

Была б свинья, найдутся лужи,
Найдется грязь, навоз и ил.
О человек — скотины хуже,
Он шар земной преобразил.

Да так, что нет живого места,
Какой тут рай? Скорее — ад.
В природе, девственности вместо,
Измызганность, глумленье, смрад.

В отхожесть превратил планету,
Крест ставя на своей судьбе.
И наконец он стал со свету
Сживать подобного себе.

Меж войн, и праздников, и песен,
Жил человек — и вдруг ему
Стал шар земной и мал, и тесен,
Из рая превратясь в тюрьму

Он в ранах весь, побит, как оспой,
Он еле жив — на шраме шрам.
А человек? Он рвется в космос,
Мечтая всё изгадить там?

Но часто падают ракеты,
Взлетев лишь за Земли порог.
Не потому ли все секреты
Не раскрывает людям Бог?

И кем придуман?

Во мне неисчислимы позы —
Король и шут, мудрец, простак
Я — из поэзии и прозы,
Из сказки создан я. Вот так!

Мне возражают: — Ты ж из плоти.
Да, я мечтатель во плоти.
Вы многое во мне найдете,
Было б желание найти.

Грущу я на высокой ноте,
Смеюсь тогда, когда смешно.
Пишу, когда душа в полете,
Люблю, надеюсь, верю… но

Во мне вы не найдете фальши,
Да и делить я не могу
Людей на «наши» и «не наши»
И делать вывод на бегу.

Я утром — глядь в проем оконный,
И улетает мой покой.
И кем такой я сочиненный?
И кем придуман я такой?

Буду!

Почти по Гамлету вопрос
Витает: — Буду иль не буду?
Он для меня лишенный слёз —
Я — буду! Хоть не верю чуду.

Я буду вечным, буду вечно,
«Свою» перешагнув межу.
Нет, не надеюсь я на нечто
И не бравирую беспечно,
Ведь я же в вечность ухожу.

Пора успокоения

Я молод был и цвел,
Вокруг любил цветенье,
И загорался сам,
Лишь солнышко увижу.
Да, я влюблен был в свет,
Теперь мне ближе тени,
Теперь мне грусть лесов
И увяданье ближе.

Весна! Вскипал я с ней.
Теперь мне с нею скучно.
А пенье соловья!
А голоса деви́чьи!
Теперь лишь тишина
Моей душе созвучна
И мыслей глубина
Мне более привычна.

Дерзается легко!
Живется безмятежно!
Но есть всему предел —
И жизнь не исключенье.
Как не цвети не пой,
Наступит неизбежно.
В природе и в душе
Пора успокоенья.

За спиной

Ударить в спину словом иль ножом,
И тем и тем нечестно — всё-едино.
Чем от удара ускользать ужом,
Уж лучше грудь подставить, а не спину.

И смело посмотреть в глаза ему,
Кто замахнулся гнусно и трусливо.
И Бог воздаст презрением тому,
Кто действует преступно, мыслит лживо.

А их не мало, скрытных за спиной,
Перед броском застывших в равнодушье.
И платят спины страшною ценой —
Удар! И в кровь разбиты наши души.

Грустная пора

Прощанье с летом — грустная пора,
Привносят холодок ее лобзанья.
Часть жизни переходит во вчера,
Цветение — во власти увяданья.

И пышное природы естество
Является нам в радужном уборе.
Но на душе тревожно от того,
Что превратится в тлен и это вскоре.

А что же остается?
Жить и ждать,
Не увядать, надеяться и верить.
Воистину мудра Природа-мать,
Восторг ли грусть — она не лицемерит.

Другое измерение

Картины есть наивные, лубочные,
Наивом и ценны эти картины.
Вот так мечтает юность непорочная,
Мечты ее прозрачны и невинны.

Мечты ее по-детски простодушные,
Как радужные сказки-небылицы.
Мне рисовались образы воздушные,
Не виданные мной, девичьи лица,

Не виданные мною, невесомые,
Реально-нереальные девчата
Влекущие, парящие, влекомые,
Манящие, зовущие куда-то.

И сам я становился нереальностью,
Влюблялся, был любим, обману чуждый,
Наполнен-переполнен светлой радостью,
Как жизнь сама, значительный и нужный.

И это повторялось, длилось, нежило,
Торжествовала розовость весенняя,
Но юность те видения перéжила
И канула в другое измерение.

Не для вас

В активе — ни шиша,
Хоть тело в мыле, в поте.
И мечется душа,
Как бабочка в полёте.

Рывок, еще один,
Вперёд, но всё на месте.
Мой том, как первый блин.
Читали? Много чести!

И снова я о том
Чего и нету будто —
Тринадцатый мой том,
Как в горле кость кому-то

Сил не иссяк запас,
Растут стихов побеги.
А в общем, не для вас
Писал, пишу, коллеги.

Придя, уйдем

Пойми: уменьем умирать
Душа облагорожена.
А. Блок

Ах, как важно умереть отважно
И открыть забрало перед Ней.
Но отвага иногда продажна,
Может струсить, видя мир теней.

Не сочтите, увидав, за трусость
Горькую слезу в конце пути.
Помоги нам, Господи Иисусе,
С неизбежным примирясь, уйти.

Это не из легких испытанье —
Рвется жизни драгоценной нить.
Как и чем душевные страданья,
Видящему вечность, облегчить?

Но ведь мир не вечен — нет секрета,
А уж мы, увы — мгновенны в нём.
Все пройдем когда-то через это,
В жизнь придя, мы из нее уйдем.

Мирок

Быль

Мирок был кот, как вся их братия —
Сам по себе — умён, хитёр.
К нему особая симпатия
Была тогда — и до сих пор.

Ко всем достоинствам, что знаем мы,
Дал и еще одно Творец —
Он был солист неподражаемый,
Непревзойдённый был певец.

Когда проступок непростительный
Свершал и был в нём уличён,
Он, не вдыхая воздух длительно,
Тонюсенько и удивительно,
Тянуть одну мог ноту он.

И так, без выдоха, солировал,
Пока не видел, что сполна
Прощён и реабилитирован
И им заглажена вина.

Порой отсутствовал он длительно,
За нервы дергая мои.
Тянулись ночи, дни томительно,
Ведь, как ни как, он — член семьи.

Однажды он пришел измотанный,
Валясь с едва послушных ног,
Весь исхудавший и потрепанный,
И прямо у калитки лёг.

Лизнул воды, еду не тронувши,
Хоть видно было — ел давно,
И видно было, что без помощи,
Ему подняться не дано.

К нему я преклонился. Дышит ли?
Но лучше всякого спеца,
Вдруг мухи первыми услышали
Начало грустного конца.

Мои надежды иллюзорные
Отбросили, жужжа над ним —
Настырные, большие, черные,
Как неизбежной смерти нимб.

Принес его я в помещение,
А он же, из последних сил,
Запел, как будто бы прощение
За то, что умирал, просил.

А через час погас он свечкою,
Я понял, что пришел конец,
Что от меня дорогой вечною
Ушел талантливый певец.

Фонари

Ночь зажигает фонари
Вдоль темных улиц шумных.
Они до утренней зари,
Горя, грустят подлунно.

Проснется утром жизни гимн,
Когда совсем виднеет.
Погасшим и остывшим им,
Грустить еще грустнее.

Спешат прохожие, спешат —
Ночь, фонари мерцают.
Спешат туда, спешат назад,
Но их не замечают.

На протяженьи многих лет
Прохожих вереница
Знать не хотят, откуда свет
На тротуар струится.

Горят волшебные огни,
К ним люди безучастны.
Не от обиды ли они
Перегорают часто?

Они вниманья до сих пор
Ждут от людей, но тщетно.
И лишь веселый светофор
Им подмигнет трехцветно.

Фрески

Дубравы, речки, перелески,
Ансамбль холмов, лугов и древ,
Природой созданные фрески,
Увидеть можно лишь взлетев.

Средь них картины есть иные,
Известные из века в век —
Поля пшеничные, ржаные,
И все, что сеет человек.

Все, взро́щенные им культуры,
В труд воплощенные мечты,
Всё люди нанесли с натуры,
С любовью на поля-холсты.

Но край родной, нам Богом данный,
Навечно данный, не на час,
Имеет и изъяны-раны
От нас, неблагодарных нас.

Природа-матушка — ваятель
Всегда — издревле, испокон.
И человек — творец, создатель,
Но он…
И разрушитель он.

Древа срубленного плод

О чём ты так тоскуешь откровенно,
Деревня милая, под гнетом дач?
О том ли, что и для меня бесценно?
Оно, пока мы живы, незабвенно,
Но не вернется никогда, хоть плач.

Да, время то, покинув нас, умчалось,
Порвав суде́б связующую нить.
Чему конец, то не начать сначала,
Что умерло, того не возродить.

А умер дух деревни натуральный,
Дух самобытный — предков генный код.
И от того пронзительно-печально,
И горек древа срубленного плод.

Прощай, деревня! Время мчится, тает,
По нам с тобой звонят колокола.
И день грядущий так и не узнает,
Какою ты не так давно была.

Живём, любя

Блуждаю в жизненных извивах,
Ища ответ —
Откуда столько нас, счастливых,
А счастья нет.

Живем, живя без нареканий,
Без укоризн.
Живем, живя на выживанье,
И славим жизнь.

Но жизнь нам дарит и просветы
Вокруг себя.
Не потому ли в жизни этой,
Тоской и радостью воспетой,
Живем, любя?

«...творяй чудеса»

Осмыслить пытаюсь все чаще я
Два слова: «…творяй чудеса».
И падают в пропасть, пропащие,
Достойные — на небеса.

«Творяет» Творец сверхвозможное —
Тлен в пропасти, темень и глушь.
А небо бездонное, звездное,
Сияет бессмертием душ.

И если звезда с неба падает,
Мы — взглядом за нею, спеша.
Но пусть это сильно не радует,
То грешная пала душа.

Черные полосы

Вмещал я в стакане утраты и горести,
Души изможденной всю боль.
И нет в целом мире печальнее повести,
Чем с горя уйти в алкоголь.

Я сам был виновен и сам же — карающий,
Пил с горя, себя же губя.
Но благо, мне вспомнилось, что утопающий
Обязан спасать сам себя.

И я, как Мюнхаузен, себя же за волосы
На свет из стакана извлек…
Есть в жизни у каждого черные полосы,
Не каждый осилить их мог.

Трагедии наши на нас ноль внимания,
Хоть волком от горя завой.
А тем, кто ушли, мы ведь знаем заранее,
Что им не помогут ни наши стенания,
На самый глубокий запой.

40°

До конца не осознав

А звезды тихие
Мерцают в небе темном,
Словно в траве
Или на листьях светляки.
Они от нас —
На расстоянии огромном
И потому, что далеки,
Они тихи.

А ведь на «тихих светлячках»
Ежемгновенно
Ландшафты впадин и равнин
Меняют лик,
Гигантский грохот
Вырывается из плена
Незасыпающих вулканов
Ни на миг.

Не утихают бури,
Словно монстр некий
Не может выдохнуть всю мощь,
Раскрыв свой рот.
Текут бесчисленные
Огненные реки
И ледниковой тверди
Вспарывают лёд.

Там царство и —
Температур невыносимых,
То плюс пятьсот,
То наступает минус сто,

То восседает ад расплавленный
На зимы,
То зимы пламень прячут
В снежные манто.

Такие страсти вот кипят
На «тихих» звездах —
И страшен мир Галактик,
Хоть и величав.
Но шар земной наш, к счастью,
По иному создан,
Живём мы,
Счастья до конца не осознав.

Воздастся

Что ж, прошли времена…
Слышу, жизнь изрекла —
Да воздастся сполна
За твои все дела!

Нагота этих слов,
Как возмездья ножи,
Вскрыла мыслей покров,
Вторглась в полость души.

Если делал добро,
Бог судья — я молчу
Ну а зло, хоть старо,
За него заплачу.

Но оплата ли впрок
За былые лета?
Было лучше бы в срок
Оплатить все счета.

Претящие жизни псалмы

Кладбище. Мало людей, хоть суббота.
Здесь тишина подчиняет всё сну.
Вдруг резануло мне пó сердцу что-то,
Ранив почтительную тишину.

Слышался голос, как из преисподней,
Глухо, как будто бы из-за стены:
— Все здесь свободны! Все здесь свободны!
Живые же жизнью порабощены.

Кто-то стоял над могилой склонённо,
В черном до пят, как над счастьем беда,
И причитал, причитал монотонно:
— О поскорее, скорей бы сюда!

Жутко и грустно, странно и больно
Слышать такое, словно во сне.
Даже себя я представил невольно
В этой безмолвной, «свободной» стране.

Я ощутил шевелящийся волос —
Прочь же отсюда! Напрягся я весь,
Только б не слышать стенающий голос,
Лучше быть в «рабстве» событий, чем здесь…

Снова я, через какое-то время,
Прах незабвенных родных посетил.
Воспоминанья гнетущее бремя
Сбросить с души моей не было сил.

Чушь! Нереальность! Мираж иллюзорный! —
Сам я себя успокоил, как вдруг,
Снова явилось видение в черном,
Как на лице безмятежном, испуг.

Снова читал замогильно и нудно,
Явно претящие жизни псалмы:
— Ах, до чего в толчее нашей людной
Все одиноки, несчастливы мы.

Здесь, только здесь дух свободы витает,
В царстве спокойствия и тишины.
Здесь независимость приобретаем,
Здесь все свободны, здесь все равны…

Бросился я к посетителям редким:
— Кто это? Видите? Слышите бред?
Но неизменно, спокойно и едко,
Мне отвечали одним только — нет!

На плаву

Как рыба икру, раны сердца мечу я,
Когда обожжет его пламень иль лёд.
И запахом терпким, как конская сбруя,
Мне милая сельщина в душу пахнёт.

Жизнь в сытости ль, в бедности —
жизнь, не подранок,
С одеждою худо, худые харчи,
На печке натопленной запах портянок
И, в пику зиме, кирпичи горячи.

Но лучше печи согревала нас мудро
Надежда, негаснущий свет во груди.
И было предчувствием каждое утро,
Что лучшее утро нас ждет впереди.

Все запахи эти, все звуки оттуда,
Где всё натурально и всё по-людски́.
Да разве же жизнь — та ли, эта, не чудо!
Да разве душой мы от ней далеки!

Бывает, что запах ли, слово ль невинно
В мирской суете промелькнет, как в кино,
И вдруг пред глазами возникнет картина
Из жизни, увы, подзабытой давно.

Вся эта мозаика чувств и событий
Ответственно ставит всю жизнь во главу,
Чтоб, не утопая душой в нашем быте,
Мы были до судного дня на плаву.

Контракт

Никто не знает, как мне больно,
Да и зачем кому-то знать,
Последним выстрелом контрольным
Всех будет эта боль встречать.

И жизнь у каждого — свой триллер,
Свой первый и последний акт.
И есть у каждого свой киллер,
Вернее, с киллершей контракт.

На нём, в наш первый день рожденья,
Всевышним ставится печать.
И поздно ль, рано ль, без сомненья,
Его придется выполнять.

Живем и здравствуем, и знаем,
Что у контракта — жизнь цена,
Что сей контракт нерасторгаем,
Что точку ставит всё ж Она.

Выси неземные

Поэты звать должны сердца иные
Возвышенной строфою — и зовут
В неведанное, в выси неземные
В мир грез, где вдохновения уют.

И, встретив поэтическое слово,
Воспрянуть должен замерший геном,
Вернуться к жизни, возродиться снова
Но совершенном, уровне ином.

Воспой, восславь же жизнь, поэтов глас,
Волшебным словом так коснись сердец,
Чтобы душа, ушедших в прозу масс,
К поэзии вернулась, наконец.

Классика

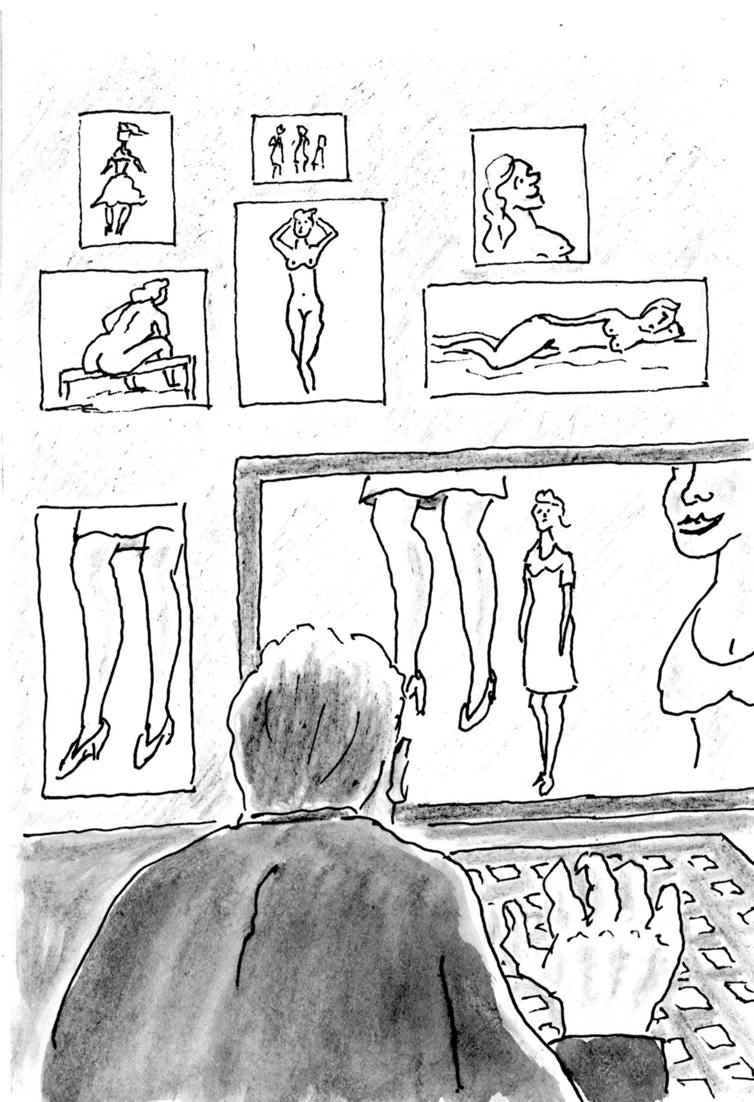
Таинственна, как амфора,
Как пост святой, скромна.
Улыбка слаще сахара,
Пьянит сильней вина.

А стан — берёзка вó поли,
В ней всё — и Бог, и бес.
Такая — не находка ли?
Не чудо ли с небес?

Простая, не жеманница,
Походкою легка —
Пройдёт — роса останется,
Не сломит стебелька.

Глаза — рассвет таинственный,
Вся — совершенства верх.
Вот о такой, единственной
И помечтать не грех.

Да, виртуальность — классика,
И видим мы её.
Компьютерная графика
Всё может делать, всё.

В Храме жизни

В Храме жизни,
Воспетом пропредками предков,
Где алтарь поколений
Добра и любви,
Бог вручил в день рожденья
Святую мне метку
И напутствовал коротко:
«С миром живи!»

А потом надо мною,
Склонённая мама,
Колыбельную пела
И звуки её
Проникали мне в сердце
Святым фимиамом,
Благодатным огнем
Согревали его.

В Храме жизни извечно
Мы все прихожане,
Сеем зерна добра,
Но добро ли мы жнем?
Много святости в нем,
Но не мало и брани,
Много нас, самых разных,
Непознанных в нем.

В Храме жизни, не счесть
Тех, кто тянется к свету,
Помня: — С миром живите,
По совести!.. Но

Ложкой дёгтю оно
Отравляет планету,
И бессмертное зло
Камнем тянет на дно.

Как же светел наш Храм!
До чего же он хрупок.
Я подставил плечо —
Помоги мне, Господь!
Я боюсь за него,
Может это и глупо,
Я боюсь — и не в силах
Свой страх побороть.

Опять

Опять, и снова, и как прежде,
Мне врут мечты-волхвы.
Вновь задыхаюсь я в надежде,
В несбыточной, увы.

Судьбы извивы и причуды,
Как самый страшный суд.
Опять закидываю уды
В совсем безрыбий пруд.

Опять стремлюсь, включая смелость,
Вперед, вперед — не вспять.
Но всё не так, как бы хотелось,
Опять, опять.

Непреходяще всё и мило

Глазами жизнь свою итожа,
Глядишь и открываешь вдруг —
Как будто всё одно и то же,
И по другому всё вокруг.

Теперь я по иному вижу
Мир, сотворённый до меня:
Мне звёзды в небе стали ближе,
Понятнее сиянье дня.

Гляжу я, как застывший идол,
На речку, лес, сирени цвет.
Я это видел и не видел,
Знакомо это мне и нет.

Разнообразье впечатлений —
Синь неба, изумруд травы,
И запахи, и светотени,
Давно знакомы и новы.

Весна порхает легкокрыло,
Лелея песни соловья.
По-прежнему всё есть, как было,
Непреходяще всё и мило —
Вот только изменился я.

Но тщетно

Я верю будущему дню,
Я в настоящем разуверен.
Я верил — счастье догоню,
Но тщетно — приустал, как мерин.

Я видел — вот твое лицо,
Я верил твоему молчанью.—
Вот-вот сомкнется рук кольцо,
Но тщетно — ты умчалась ланью.

И запах локонов твоих,
Цвет глаз и при луне свиданья,
Вместилось всё в один лишь стих,
Всё сжалось до воспоминанья.

Луна затаила дыханье

Ночь в темном своем полушалке
Дарила прозрачную лунность.
Гуляли раздельно по парку
Блудница и кроткая юность.

Бессонные звёзды, мигая,
Затеяли танец искусный.
И здесь же, по парку, вздыхая,
Искал счастье юноша грустный.

И надо же было случиться,
Чтоб пересеклись в одном месте,
Невинная юность, блудница
И юноша грустный — все вместе.

Луна затаила дыханье
И ночь всё забыла на свете.
Внезапность такого свиданья
Расставила тáинства сети.

Блудница привычно, порочно,
Развязно вела среди ночи.
А юность, звездою полночной,
Лишь скромно потупила очи.

Блудница отравою сладкой
Заполнила юноше уши.
Другая следила украдкой
За юношей неравнодушно.

Блудница казалась гиеной,
Но рядом с молчуньей невинной,
Соблазном его откровенно
Опутала, как паутинной.

Блудница, напор её жаркий,
Казалась ему неземною…
И юная девушка в парке
Осталась одна под луною.

Да будем услышаны мы!

Вход ли в наш мир иль прощанье —
Дорога всегда к вам вела,
Белых церквей изваянья,
Чуткие колокола.

И в многосмысленном звоне
Жили все дети земли.
Судеб горячие кони,
То ко греху, то к иконе,
То в неизвестность несли.

Звон тот испытывал судьбы,
Соединяя сердца.
Каждый мечтал — заглянуть бы
В тайную книгу Творца.

Что там в Священном Писаньи
Или совсем ничего?
Все ли простые миряне
Станут пред очи Его?

Все ли равны, Его дети,
Есть ли низы и верхи?
Будет ли суд? Кто ответит
И за какие грехи?

Заступ грехов наших — острый,
Тяжек возврат наш из тьмы.
Молимся, братья и сестры —
Да будем услышаны мы!

Открытость

Я делал всем добро,
Как мог, по мере сил,
И силы отдавал все, без остатка.
Писал стихи, другим
Не подрубая крыл,
Сквозь зубы никогда
Поклёпы не цедил —
Ни в мыслях,
Ни открыто,
Ни украдкой.

И недруг тайный мой,
Когда бы был такой,
Узрев, что ищет недругов напрасно,
Не выглядел бы он
Фигурой восковой,
А воспылал ко всем
Своей душой живой,
Открыв, что жизнь
Открытостью прекрасна.

До последнего момента

А мы, внимая сердцем гласу свыше,
Кто временно, а кто-то навсегда,
Летим навстречу жизни из-под крыши,
Как птицы улетают из гнезда.

И хочется взлететь всё выше, выше,
Туда, откуда льют лучи свой свет.
И там, расправив крылья, пишем, пишем,
Кто оду, кто поэму, кто сонет.

И даже, попадая в турбулентность,
Летим сквозь грозы на пределе сил.
Мы гордо, до последнего момента,
Чтоб не упасть, не складываем крыл.

Звенья

Цепи́ единой звенья,
Не слышать бы их звон —
Ненужность и забвенье,
Они, как страшный сон.

Забыт — смириться нужно,
Коль лег в земную твердь.
Но в творчестве ненужность,
Это — при жизни смерть.

Чтоб избежать забвенья,
Дерзай, поэт, не спи!
Твои произведенья
Ударят по цепи.

Нужный причал

Штурвал сжимавшая рука,
От страха не дрожала.
Ни огонька, ни маяка,
И только ветер шалый.

И только пены седина
Приносит привкус соли.
И только за волной волна,
Чернее черной смоли.

Держать бы мне по ветру нос,
Но лучше против ветра.
Я не подам сигнала «SOS»,
Не ожидайте тщетно.

Пусть впереди девятый вал
Вздувает зверем спину,
Найду я нужный мне причал
Или в пучине сгину.

Жизнь – рай

Пока манили жизненные дали,
Мы, как в бреду,
О неком рае призрачном мечтали,
Уверенные в том, что не едва ли
Живем в аду.

Всё не по вкусу нам, всё не по нраву,
Своё лишь «я».
Урвать себе хотели чью-то славу,
Бог нам судья.

Бог в жизни всё продумал виртуозно —
Вот мёд! Вот хрен!
В конце мы понимаем слишком поздно:
Жизнь — рай.
Смерть — тлен.

Куда бы уехать?

О как же тоскливо, о как одиноко
Среди мельтешенья, среди суеты.
И я уезжаю из Минска до срока,
В Карпиловку еду, в бессрочность мечты.

Возможно, и сам для себя я помеха,
Я жить не могу, не любя и любя.
Из города просто в деревню уехать —
Куда бы уехать, сбежать от себя?

Я — как в колеснице ненужная спица,
Причем здесь деревни? Причем города?
Никак не умею с собой примириться —
Уехать! Слинять! Убежать! Но куда?

Что-то не случилось

Как тень жестоких инквизиций,
Как рьяных цензоров расплод,
Пришел великий, многоликий
Тот революционный год.

Он изменил все, до изнанки,
До вдрызг изношенных порток.
Одним лишь дырки, а баранки
Совсем не тем, кто их испек.

А, впрочем, всё знакомо это,
Заучено за много лет.
Нет однозначного ответа —
Тот год нам благо или вред?

Ответ сей слишком многоточен,
Как диссертаций всех разброд.
Политизирован он очень,
Ответ и тех событий ход.

Но те события, как пашня,
Из ней взошли всех дел ростки,
Затмив собою день вчерашний —
Решительные, как штыки.

И всё закрыли, подрастая,
Ни продыху, лишь тень да тень,
Да лозунгов несметных стая,
Да день похож на прошлый день.

Как знать, возможно было б хуже
Народу жить в стране господ,
И захирел бы в царской стуже
Без большевитщины народ.

Или же, хохотал, как в цирке,
Скажи им про какой-то НЭП.
А мы сегодня, кроме дырки,
Имеем что? Вопрос нелеп.

Сегодня жизнь — не Божья милость,
А плод великого труда…
Но что-то всё же не случилось,
Провозглашенное тогда.

Перезрелый плод

Воспоминанья юных лет —
Приятный плод, но перезрелый.
В своем архиве твой портрет
Нашел я — снимок пожелтелый.

Мне, испытания чиня,
Или одаривая, будто,
Машина времени меня
Вернула от заката к утру.

Но прошлое тогда нужно,
Когда волнует, ранит, будит.
А то, что умерло давно,
Увы, частицей нас не будет.

Да, ты юна и хороша,
Глядящая с портрета мило.
Но ты давно меня забыла,
Как и тебя моя душа.

Я, погружённый в тишину,
Спокоен был, как искра в саже.
Сегодня ночью я усну
И ты мне не приснишься даже.

Ах, как же грустно стало мне,
Что юность не воскресла снова.
Я предоставил тишине
Сказать пронзительное слово.

Оно пронзило всё — меня,
Мои запутанные мысли,
Повиснувший остаток дня
У вечера на коромысле.

В час, когда царствует весна,
Цветам не нужен проповедник,
Как тем, кто грустен, тишина
Не самый лучший собеседник.

Почему?

Крылаты мысли,
Мечты крылаты
И цель крылата,
Коль благородна.
Крылаты песни,
В любови клятвы
И даже фразы,
Если угодно.

Летят крылато
Молитвы к Богу —
Всю окрылённость
Не подытожить.
Но почему же
Всегда так много
Среди крылатых
Рождённых ползать?

Спасительный свет

Ты можешь быть с рожденья гений,
Но если в мясорубке лет,
Не вспыхивал от впечатлений,
Не отстоял средь сотен мнений
Одно своё, ты — не поэт.

Мир многолик, многополярен,
Противоречий полон, но
Он тем немногим благодарен,
Кто ищет истины зерно.

Кто в лабиринте догм застылых,
В решеньях вязких, как запрет,
На крыльях рифмов легкокрылых
Спасительный находит свет.

И мрак всевластия развенчан,
Ликует мысли глубина,
И дух познания бессмертен,
И в душах ночь растворена.

Сплошной спектакль

История, знакомая до боли,
Для большинства из нас — прошу учесть:
Мне режиссер, перебирая роли,
Любую предложил, из тех, что есть.

Спектакли, если ставить их с прицелом,
Воздействовать способны на умы.
И этот, новый, был «прицельный», в целом,
С названием помпезным «Жизнь и мы».

О сколько было суеты и страсти,
О сколько дыма, правда, без огня.
И всё ж над всеми режиссер всевластен,
Всевласть его коснулась и меня.

Мне предлагалось исполнять приспешно
В конце какой-то цифры роль ноля.
Или же роль обыкновенной пешки
Под тенью режиссера-короля.

Или, в связи с какой-то новой датой,
Под властной указующей рукой,
Исполнить роль колхозника с лопатой
Или же пролетария с киркой.

Нет, не хотел играть я роль овечки,
И в каждой новой роли, видит Бог,
Я в текст любой вставлял свои словечки
И я импровизировал, как мог.

И потому меня вы не найдете
В тех списках, среди званий и наград.
Я был у режиссеров не в почете,
Но есть почет людей — ему я рад.

Менялись годы, времена, как тени,
Но жизнь — сплошной спектакль, всегда в цене.
Менялись режиссеры, но на сцене
Одно и то же предлагалось мне.

Сегодня на дворе иная эра
И новый, современный режиссер.
При нём я выбрал роль пенсионера —
Свобода мысли! Творчества простор!

Форточка

Луна, как в мир загробный форточка,
Горит на фоне черной ночи.
Но ни одна звезда нисколечко
Влететь в ту форточку не хочет.

И потому они сторонятся
Своей загадочной соседки.
И потому у них бессонница,
Как у влюбившейся кокетки.

О ночи сказочное таинство,
Мир сладких снов и мир бессонный.
Не спим мы тоже и влюбляемся,
Не веря в мир потусторонний.

Наплыло облачко бесстрашное
И «форточку» собой закрыло.
И ночь волшебная, всегдашняя,
Нас обняла тепло и мило.

Иные свойства

Что до любви —
Не мне ль писать о ней?
Мои года увидят объективно,
Что и под солнцем много есть теней,
Но и в тени не мало бликов дивных.

Сегодня, сидя на чужом пиру,
Мой тост смешон:
— Согласья вам и мира!
Но много раньше, в юную пору,
Я бы воскликнул: — За любовь умру!
За пир любви!
Нет в жизни слаще пира!

Восторженность, летящая из уст,
Рожденная в душе светло и дивно.
О эта чистота волшебных чувств!
О эта непорочная наивность!

В любви сгорая, мог ли знать тогда,
Что испарится пылкое геройство,
Что, пронеся любовь через года,
Она приобретет иные свойства?

Прочувствует ответственности груз
За двух амбиций внутренних сближенье,
За прочность, за союз семейных уз,
Способных жить взаимоуваженьем.

Во многом от того любовь сильна,
И этим долговечна и бесценна,
Что чашу чувств не сразу пьет до дна,
А долго, год за годом, постепенно.

Согласие и мир!
Смешон мой тост,
Звучавший на пиру чужом когда-то?
Нет! Для любви согласье — главный мост
От юных лет до мудрого заката.

Не удивит нас нынче жизни новь,
Не новых нас, к прошедшему причастных.
Любовь с годами — больше, чем любовь,
Она осмыслена, весома и прекрасна.

«Если»

Представ перед Богом — о если б так было!
Был честен бы я, позабыв про враньё,
Не прятал грехи, как в мешке прячут шило,
Сказал бы: — Вот я пред Тобой! Вот могила!
Там — Рай. Грешен я — выбираю её.

Но нами придуманы все эти «если»,
И смелый сейчас я, сознаньем храним,
Что сидя, уютно откинувшись кресле,
Я, чтоб не писал, не предстану пред Ним.

А если, допустим, что чудо случилось,
И Бог, улыбнувшись, сказал: — Выбирай!
Я скрыл бы грехи, уповая на милость,
И выбрал себе незаслуженно рай.

Дрожите!

Всплывут из мрака злодеянья
Все козни тайных палачей.
Им даром не пройдут страданья
И боль, и тысячи смертей.

Предстанут перед гневным миром
Все, сотворившие беду,
Родившие короновирус,
Им, нечисти, гореть в аду.

Их, время заклеймит навечно,
И те, кто умерли и мрут.
Как гнусно и бесчеловечно
Вершить неправедный свой суд.

Забыли нелюди о главном,
Тень смерти сея среди нас —
И эта тайна станет явной,
Дрожите! Близок судный час!

Равноденствие

Когда день равен ночи, ночь же дню,
Нет для претензий ни одной причины.
Природа черно-белое меню
На равные две делит половины.

Вкушайте! Наслаждайтесь! Что кому
По нраву больше — что кому дороже.
Всё это так созвучно моему
И прошлому, и нынешнему тоже.

Свое я равноденствие прошел,
Не ведая, что спуск передо мною,
Не зная, что «прошёл» — плохой глагол,
С ним стал и я, и стала жизнь иною.

Где жизни спуск? Где восхожденье вверх?
Где попаданье в жизни смысл?
Где мимо?
И это всё для каждого и всех,
С годами, много позже, ощутимо.

Я, как и все, стремиться вверх привык —
Какое равноденствие?
О чём вы?
Теперь лишь вспомнил бурной жизни пик,
Пройдя через судьбы своей изломы.

А наше равноденствие — черта,
Важней которой в жизни нет, пожалуй.
Представить можно будущим летам
Пустячные и важные счета
Тех лет, что мы растратили вначале.

Остановиться б нам, вдохнуть бальзам
Прозренья лет и предостережений.
Возможно, разум наш помог бы нам
Необратимых избежать падений.

О если бы!..
Напрасно восклицать,
Ведь наша жизнь сложней, чем поры года…
Когда на всем прошедшего печать,
Неумолима матушка-Природа.

Смех и плач

Всё не бывает в жизни гладко, ровно,
Одно лишь дарит мне подобье крыл —
Стихи слагая, жил я полнокровно,
В поэзии лишь полноценно жил.

Я миром правил всем, стихи слагая,
И мир фантазий правил мной порой.
И плачет с ним моя душа нагая,
Когда в стихах заплакал мой герой.

И веселится вместе с ним, тем паче,
В минуты поэтических удач.
Поэзия — удачи, неудачи,
Поэзия — души и смех, и плач.

Наука и души полет

Я знаю, что поэзия — пустяк,
Что лишь наука — действенная сила.

Д. Г. Байрон

Наука — двигатель прогресса,
Лишившая пещеры нас,
Отвергнувшая Бога, беса,
Явив реальность без прикрас.

За нею — торжество открытий,
За ней — плоды добра и зла.
Она — всесильный повелитель,
Став твердо во главу угла.

Она венчает сказку былью,
Но и науке невдомек,
Что только у поэтов крылья
Из ими же рожденных строк.

И нет для них ни расстояний,
Ни галактических высот,
И ни научных изысканий,
Лишь творческой души полет.

И, положа на сердце руку,
Найду в своем глазу бревно:
Воспеть в поэзии науку,
Мне, к сожаленью, не дано.

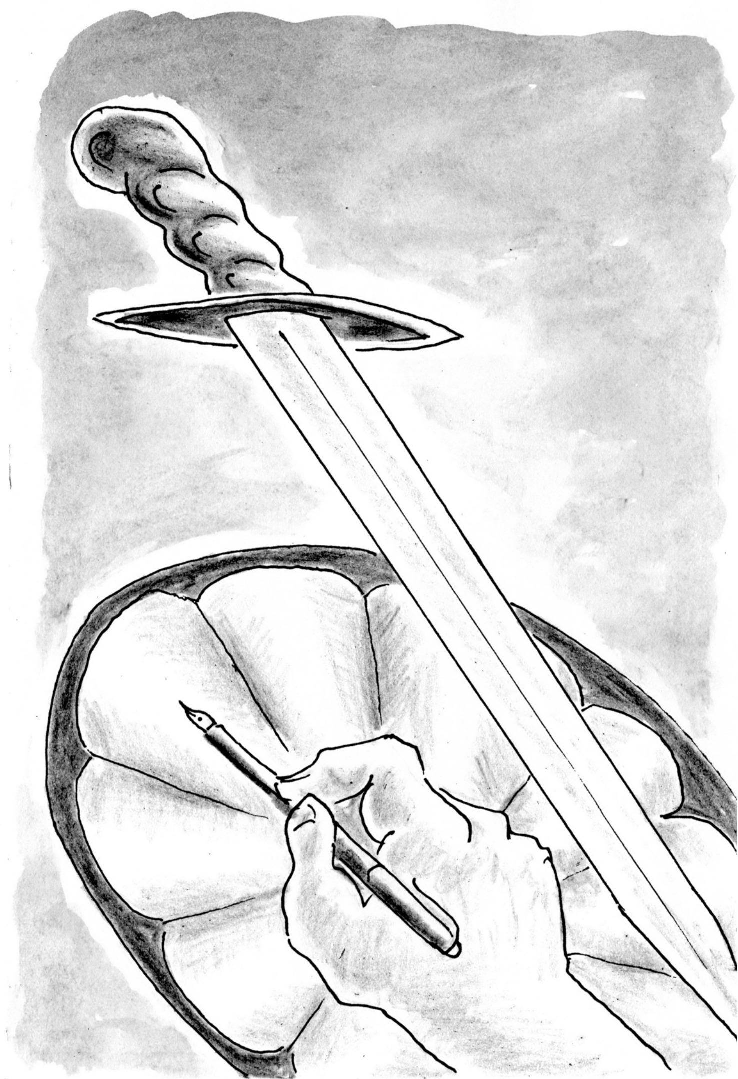
Да, в море знаний скрыты рифы,
И не поэтов в том вина,
Что для познанья, не для рифмы,
Наука чересчур сложна.

Да воспарит добро!

Поэзия — есть ключ от ада либо рая,
В ней автор иль парит, иль прозябает в ней.
Поэзия разит, на ранги не взирая,
А чья-то сладко льстит, как искуситель змей.

Поэту суждено быть праведным и новым,
Превыше старых догм и мелочных интриг.
Поэт, вооружась неоспоримым словом,
Опасен для одних, надежда для других.

Между добра и зла, я словно обескожен,
Да воспарит добро, я неизменно с ним.
Поэзия — мой меч, он, как всегда, вне ножен,
Душа моя — мой щит, но очень он раним.

Искривление

Хоть негодяю, хоть герою
Дано любить иль ненавидеть.
Нет-нет, и хочется порою
Себя со стороны увидеть.

Как жил? Достойно ли? Ничтожно?
В бессонном ритме ли? В застое?
Увидеть все-таки возможно,
Взглянув на время прожитое.

И я — где наше не пропало,
Не оказаться чтобы лишним,
Искал себя; прожив не мало,
В безумном мире под Всевышним.

Как изменил меня ты, Боже!
Я становлюсь своею тенью.
Да… жизнь на зеркало похожа,
Где искривилось отраженье.

Самый раз

На утеху ль, на беду,
(Не скажу уверенно)
Не найду я, не найду
То, что мной утеряно.

И, конечно, не верну
То, что мной растрачено.
За судьбу мою, вину,
Дорого заплачено.

Грех велик ли, грех ли мал,
Отмолиться хочется.
Той, беспечной жизни бал,
Больше не воротится.

И, живя почти ни с чем,
Сердцем перестроиться.
И довольствоваться тем,
Что сегодня скроится.

Повернуться что ли вспять,
Временем лавируя,
И местами поменять
Весь «сурьёз» с сатирою.

Всю изнанку — напоказ.
Хватит ей затворничать.
Мне сегодня — самый раз
Над собою ёрничать.

Наивное созданье

Истории израненное тело
Не излечило время. Почему?
Весь мир живет не так, как бы хотелось
Ни мне, ни человечеству всему.

И повторяя все своих просчеты,
История безумия полна.
Столетьями с собою сводят счеты
Добро и зло, невинность и вина.

А нации, правители, зеваки,
Религии, политики, умы,
Всем своим видом вне вселенской драки:
Мир погибает? А причем здесь мы?

И длится смысла здравого попранье
Века — за годом год, за мигом миг.
О человек! Наивное созданье!
Кто на земле он — так и не постиг.

Живое дуновенье

Пускай слова остры,
Но не читавший их,
Не будет ими вознесен
Иль свергнут.
Они, войдя в поэму,
В самый светлый стих,
В шуфляде пыльной
Неизбежно меркнут.

Вот так без кислорода
Всё тлел и тлел фитиль,
И вспыхнул от живого дуновенья.
И стоит только сдуть
Со слов забвенья пыль,
И оживут стихи
В одно мгновенье.

Всегда бессильна пыль,
Коль кладезь слов под ней,
Воспрянет слово —
Верить только надо.
Шуфляда — это мы
И проза наших дней,
Но временная,
Вертится, шуфляда.

Фуршет

«Фуршет» — магическое слово
На нынешнем календаре.
Но Даль не описал «толково»
Его в толковом словаре.

«Фуршета» не было в помине
В те «Далевские» времена,
Ведь это слово всплыло ныне
Или возникло на вершине,
Бог с ним — ему одна цена.

Что на халяву здесь подносят,
Все это знают наперед,
И потому вовек не спросит
Вкушающий: — А за чей счёт?

Привычно здесь хмельному глазу,
Гудит от слуг народа зал.
Но почему-то здесь ни разу
Никто народа не видал.

Фальш

Перечитав прошедших лет творения,
Нет-нет и брызнет явной фальшью слово,
Рожденное отнюдь не вдохновением,
А будничной реальностью суровой.

Неискреннее слово окаянное,
Оно, как червь в здоровой сердцевине.
Но даже призрачная грамота охранная,
Не охранив, не помешает ныне.

Ритуал

Десятки раз, а, может, болей,
Теряясь в датах, именах,
Я, волею или неволей,
На чьих-то был похоронах.

Какое тягостное бремя —
Усопший, гроб, родня — тупик.
И давит монолитом время,
И кажется, как вечность, миг.

И тишина рвет сердце в клочья,
Но надо «бремя» соблюдать —
В своих стенах последней ночью
Покойник должен ночевать.

У гроба — всхлип то вздох — без счета,
И снова давит тишина.
Вполголоса промолвит кто-то,
Какой он был… или она.

И повторятся изреченья,
Звучащие скорей всего,
О том, что наша жизнь — мгновенье,
Был человек — и нет его.

Вот так вот, время коротая,
Все верят, что в покоях сих,
Душа покойника витает
И видит всё, и слышит их.

Ему ж — ни холодно, ни жарко
От воздыханий и от слез.
Ему — «как мёртвому припарка»,
От всех речей, венков и роз.

Но ритуал живет в народе
И повторится много раз.
Так всех покойников проводят,
Как, кстати, проведут и нас.

Соблазны

Соблазны, как лес непролазный,
О как же легко в нем увязнуть.

О как же в них запросто влипнуть,
Сгореть, осрамиться, погибнуть.

Вкусив плод запретный однажды,
К нему возвращается каждый.

Веками вкушали его
И сильные мира сего,

Теряя при этом (о Боже!)
И троны, и головы тоже.

Соблазны не знают лимитов —
Не лыком и мы с вами шиты.

В них вязнем, порою, но уши,
Испачкав анкеты и души,

Ломая судьбу и семью,
Нередко, не только свою.

Соблазны сладки изначально,
В конце же горьки и печальны.

Соблазны… О как же из много,
Они нашей жизни дорогу

В тупик уводили, кривили —
Насколько бы ближе мы были

К намеченным праведным целям,
Когда б не чужие постели,

Когда бы не пьяные ночи,
Когда б… не соблазны — короче.

И что? Прочитав это, кто-то
Изменится хоть бы на йоту?

Конечно же нет! Посему
Цена грош труду моему,

К тому же, вам можно, друзья.
Воскликнуть — А кто же судья!

Исключение

Я вышел из милиции,
Конечно же, на пенсию,
Теперь — свобода творчества,
Но служба все же снится.
По поводу прошедшего,
Свою имею версию,
Но верьте — на милицию
Вам можно положиться.

И если кто охаянный,
Облаенный, обо́лганный,
И если злопыхателями
Загнанный в тупик,
Невидимые наши,
Но всевидящие органы,
Отыщут душу темную,
Язвительный язык.

Обиженный — обидчик…
Только б их не перепутали.
Призна́юсь, что не лишние
Здесь будут опасения —
Хлебали невиновные
В тюрьме бала́нду — шутка ли!
Но это ведь не правило,
А только исключение.

Красноречивое молчанье

Из тупика молчанья вышли
Вдруг слов рои.
Вернули речь извивы-мысли
Твои, мои.

Такое слышал кто едва ли,
Слов снежный ком.
Не умолкая, мы болтали
О сём, о том.

Мы вспомнили, что с нами было,
До небылиц.
Слова метались легкокрыло,
Как стаи птиц.

Слов, выражений — целый ворох,
Но нет вины
В том, что во многих разговорах
Нет глубины.

И вот умолкло слов звучанье,
Знать для того,
Чтоб ощутить, что в мирозданьи,
Красноречивее молчанья,
Нет ничего.

Загадает ночь

День прошедший, тихо поминая,
Заслезилась ранняя роса.
Птиц каких-то предночная стая
Опустилась в сонные леса.

В тишине приятно раствориться,
Тишину не просто превозмочь.
Что кому на этот раз приснится,
Загадает будущая ночь.

Грусть пришла внезапно и некстати —
Вечером всегда чего-то жаль.
Утонула в розовом закате
Голубая дымчатая даль.

Ничто

Лучше слепое Ничто,
Чем золотое Вчера.
Николай Гумилёв

Скорей всего, что в будущем — Ничто,
Как нынче предо мною, видит Бог.
Но я наброшу шляпу и пальто
И в непогодь нырну через порог.

Ничто — это когда темным-темно
Без солнца ночью или в полдень с ним.
Ничто — это когда мне всё равно,
Я невидимка или кем-то зрим.

Ничто — возможно, черная дыра,
И всё ж в нее мне хочется пролезть.
Поскольку знаю я своё Вчера,
Иду в Ничто, а вдруг там что-то есть.

Всё сначала

Изранена душа,
А я хвалу пою
Той, что и по сей день
Душе наносит раны,
Той, что ввергала в рай,
То в ад судьбу мою
И превращала в боль
Миг счастья, Богом данный.

Непредсказуем был
Вновь приходящий день,
Шли годы, но добрей
Она ко мне не стала.
Я милостью её
Был превращен в мишень,
В которую стрельнуть
Охотников не мало.

И сыном был её,
И пасынком ей был,
Всё принимал, как есть,
Порой смеясь и плача.
Из радостей и бед
Её напиток пил,
И от надежд хмелел,
Трезвел при неудачах.

Неужто всё, как есть,
Я принимал сполна?
Нет! С обезличьем душ
Боролся беспощадно,

Я противостоял,
Иначе — грошь цена
Тем, кто под окрик лет
Вышагивали стадно.

Да, я хвалу пою
Тебе, о жизнь моя,
Израненный тобой,
Избитый — и не мало.
Но дай Господь мне шанс,
Вновь повторил бы я
Всё, что прошел, вкусил
С тобою, жизнь, сначала.

Среди угаснувших светил

По-прежнему броженье в силе
Неиссякаемости тем.
И мысли мне виски сдавили
Тисками неземных проблем.

Но отколовшееся «было»
Всё дальше — не вернется в «есть».
Оно — угасшее светило,
Известная до боли весть.

Я, как частица жизни бренной,
Отторгнут буду словом «был»,
Чтоб затеряться во вселенной
Среди угаснувших светил.

Засуха

В июле рыже, а не зелено,
Он засухой по горло сыт.
А небо тучами обделено
И землю влагой не пои́т.

И тень с прохладою не вяжется,
И травам не зазорно лечь,
И небо выгорело, кажется,
И речке неохота течь.

Молчит рассвет, лишённый голоса,
Утратил резвый вечер прыть.
И что же делать в поле колосу?
Всему живому как же быть?

Канюк высоко в небе мается,
Ища за горизонтом хмарь.
Неужто климат наш меняется?
Но были засухи и встарь.

Раб и рабыня

Я — раб своей мечты,
Мечта — моя рабыня,
Не отпускаем мы друг друга — нет!
И было так всегда,
И так же будет ныне,
Мы неразлучны до скончанья лет.

Мечты мои, мечты,
Я вами согреваюсь
И стыну, видя бесполезность грёз.
Не слишком ли порой
Вас напрягаю? Каюсь!
Не много ли хочу я? Вот вопрос.

Я отпускаю вас.
Летите вольно, смело,
Расправьте над землей свои крыла.
Но знайте, что без вас
Жизнь станет черно-белой
И может будет вовсе не мила.

Не стареет это

Ткёт ли ночь-ткачиха
В небе черный плед,
Ниспадает ль тихо
Мягкий лунный свет.

Наступает ль утро,
День ли резв слегка,
Всё в природе мудро,
Просто — на века.

Не стареет это:
Тайна тьмы ночной,
Девственность рассвета,
Новый день хмельной.

Эти повторенья
Были, будут, но
Все они, как звенья,
Связаны в одно.

Предрассветность ль птичья,
День ли, свет луны,
Всё, от нас в отличье,
Кладезь новизны.

Пути начало

В кармане хлебушка краюшка,
Неискушённый свет в глазах.
А вот и сельская церквушка,
Святые в ней на образах.

Святой обряд и ныне в силе,
Хоть был тогда мне только год —
Вхожденье в жизнь моё крестили,
Значит и мой здесь дух живет.

А мне четырнадцать всего лишь,
Пути начало — краткий путь.
Спасибо, Бог, что не неволишь
Молиться и колени гнуть.

Я не проникся, если четно,
Тем светом, что Тобой мне дан.
И лишь смотреть мне интересно
На богомольных прихожан.

Прожить мне суждено не мало,
Пока приду к Тебе я сам.
Лишь у последнего причала
Благодарение воздам.

Порой мы верим догмам ложным,
Порою, лишь себя любя.
Познав всей жизни многосложность,
Всецело познаем Тебя.

Ну а пока, я весь безгрешный,
Непознанный Тебя, стою
Перед печалью неутешной
О тех, кто почиит в раю.

Едва доносятся до слуха
Молитвы верующих сих.
Чтят богомольные старухи
И тех, кто о́тжил, и живых…

Какою жизнь измерить меркой,
Осмыслить времени печать?
Мне Бог позволил эту церковь
Уже седому расписать.

Церковь в д. Жуковка
Минского р-на, построенная
в 1706 году, расписанная мной
с благословения Митрополита
Филарета в 2006 году.

Юность

Лишь только первый луч
Навстречу утру мчался,
Проснувшуюся жизнь
Волнуя и крыля,
Как к девичьей груди,
К тебе я прижимался,
Согретая весной,
Расцветшая земля.

Зажегся солнца край
Торжественно и ало,
Волшебно золотя
С ветвей росы капель.
Предчувствие любви
Меня переполняло
И закипанье чувств,
Неведомых досель.

Рассвет был только мой —
О как это чудесно!
Весна была моя!
Моя! Только моя!
Волнению в груди
До боли было тесно,
Что так прекрасен мир,
Узнал впервые я.

А нынче что?

Звучит без устали рутинной жизни Месса,
Солируют всё же те голоса.
Воздай же должное (не)зависимая пресса
Не завсегдатаям чиновничьего кресла,
А мукам творчества, творящим чудеса.

И телевиденье виляет ежедневно
Перед хозяином услужливо хвостом.
А творчество — и ни принцесса, ни царевна,
А только золушка — спасибо и на том.

И приучили наше общество помалу —
Спорт — голова, а творчество не в счет.
Ссылали Пушкина, «травили» и Купалу…
А нынче что? Не раскрывайте рот.

Храм любви

Нас пригласила жизнь
На свой весенний бал,
Друг друга там
Мы разглядеть сумели.
Войдя в твой мир души,
Мой мир богаче стал,
Открыв, что был он
Не богат доселе.

Не может без любви быть мир людей иным,
Чем пустота вокруг, чем грусти горький дым.

О как запутан мир
И в нём любви пути,
Ведущие к единому,
К единой.
Лишь двое могут в Храм
Своей любви войти,
Воздвигнутый огнём
Любви взаимной.

В далекие века и в наши времена,
Жизнь жизнью, а любовь любовью рождена

От Бога нам дано
Любовь по жизни несть —
Вот храм любви!
В нём две судьбы едины.
О сколько у любви есть Храмов,
Их не счесть,
И горько,
Что встречаются руины.

Не может без любви быть мир людей иным,
Чем пустота вокруг, чем грусти горький дым.

Загадка

О это удивительное время,
Когда ты молод, стар, любим, влюблён,
Когда почившие с тобою, ты — со всеми —
О ты, загадочный отрезок жизни — сон!

Треть жизни занимает он волшебно,
Мы спим, но время продолжает течь.
Сон — друг, он дарит отдых нам лечебный,
Калейдоскоп страстей, событий, встреч.

Сон — враг, порой коварны его чары,
Сжимает нас, как кошка мышь во рту.
Он дарит нам видения-кошмары,
И мы тогда в холодном спим поту.

Порою сон и мудреца похлеще,
От бед хранит, предупреждает нас.
Бывает сон до удивленья вещий,
Прогноз его сбывался — и не раз.

Нам хочется уснуть беспечно, сладко,
Но, что ни ночь, по-разному мы спим…
И наш последний будет сон загадкой,
Жаль не́ с кем поделиться будет им.

Мечта

В прозрачном облачке я образ твой увидел,
Оно проплыло, не отбросив тени.
Ты — фея, ты — мечта, ты — небожитель,
Ты — идеал волшебных сновидений.

Ты создана из солнечного света,
К которому так сладостно привыкнуть.
Живешь ты в дивном зазеркалье где-то,
Но смертным не дано туда проникнуть,

И потому так грустно мне, не скрою,
Лишь от того мне радостно безмерно,
Что для меня останешься мечтою,
А каждая мечта, она бессмертна.

Кто он таков?

По жизни несу размышления бремя,
О жизни,
О смерти,
О магии строк…
О чём написать, чтобы ахнуло время,
Чтоб мир ощутил оглушительный шок?

Нет тем, чтоб зажгли человечество новью,
Прошло через все испытанья оно,
Пресытившись кровью,
Безбожьем,
Любовью,
Духовность сменило на деньги давно.

Изрыта,
Истоптана наша планета
Залапана,
Слишком доступная всем.
Ужасней бесплодия нет для поэта,
Чем всевременная затасканность тем.

Какое тут «ахнуть»!
И шок под сомненьем,
Когда сплошь живут
Без возвышенных слов,
Когда через два или три поколенья,
Поэзия станет ненужным явленьем —
Был Пушкин когда-то?..
А кто он таков?

Жизнь – права

Посевная — уборка — озимых посев,
То удой, то приплод — круглый год.
Сельский труженик, вытереть пот не успев,
Отлюбив на ходу, не доспав, не доев,
Каждый день раньше солнца встаёт
И — вперёд!

Без отгулов, прогулов и без выходных,
Труд и труд, от зари до темна.
То засушит, замочит, проблем — непродых,
В поле техника — это не пара гнедых,
Вот такая у хлеба она —
Цена.

Это в городе мы — с девяти до шести,
На работе, то чай, то трепня.
Можно позже придти, можно раньше уйти,
Прок с тебя? Шерсти клок? Государство плоти,
Выходных непременно два дня —
Во фигня!

Ну, а если субботник какой раз в году —
Пресса, теле, снимают кино!
Все работают дружно, как пчёлы в саду,
Мельтешит руководство у всех на виду
И, как Ленин, плечо под бревно.
Не смешно.

Кто не любит покушать, и вдосталь, и всмак?
Среди нас есть такие едва.
Что ж заносчив ты, пред телогрейкою фрак?
Ой, смотри, попадешься в итоге впросак,
Ведь не ты, хлеб — всему голова.
Жизнь — права.

Старо, как мир

Смириться с неизбежным можно,
Но, вместе с тем, страшней всего,
Блуждать в надеждах безнадёжно,
Гореть, не грея никого.

Смотреть вперед, вскрывая взглядом,
Все то, что было до Христа —
Распятье правых сплошь и рядом,
Вокруг — неправых суета.

Века, вкушая пряник с плетью,
Не стали лучше от того.
Идут, прошли тысячелетья,
Что изменилось? Ничего!

Одно открытье средь открытий,
Старо, как этот мир, как мы —
Круговорот людей, событий,
Он не меняется, увы.

Честь

Сможем ли выжить мы
Все под «коронным» ударом?
Пир во время чумы,
Он не проходит даром.

Будем сегодня гулять,
Завтра — поминки.
Маски приказано снять
Ради картинки

Праздничный дух в зобу —
Зрители, песни, танцы.
Ни медицинских табу,
Ни социальных дистанций.

Словно в былые года,
Празднуем без опаски.
Что ж, наконец, господа,
Сброшены маски.

Смерть даже, как анекдот,
Жил? А теперь исчезни.
Мы умирать будем от
«Сопутствующих» болезней.

Мрём втихаря. Ничего!
Короновирус — липа.
Сколько смертей от него?
«Мелочь! Как и от гриппа».

Лозунг — Ура! Вперед!
Лозунг — Гуляй, пролетарий!
О, не дай, Бог, придет
К нам итальянский сценарий.

Надо и то учесть,
Мало кто был на троне.
Честь-то какая! Честь!
Нам умирать в короне.

3.VII.2020

Деревня лунная

Идешь, бывало, слыша смачно
Под каждым шагом хруст снежка.
А в небе звонком и прозрачном
Луна светла и высока.

Эх, зимнее убранство ночи!
Эх, под луной моя мечта!
Теперь и ночи застят очи,
Да и луна уже не та.

Деревня лунная, родная,
Как ты близка и далека.
Мне, о тебе напоминая,
Стучится в сердце грусть-тоска.

Она, отсчитывая ритмом,
Весь долгий путь мой под луной,
Сродни божественным молитвам
О том далеком, незабытом,
И о тебе мой край родной.

Один за всех

Две тучи грозовые в круге свиты
Из молний беспощадных и громов,
Сошлись, как тектонические плиты.
Рождая вспышки, всполохи и рёв.

О не дай Бог там смертным очутиться,
В ревущем огнедышащем аду.
И от него шарахались все птицы,
Предчувствуя опасность и беду.

Небесные, казалось рухнут своды,
Расколятся, приняв Господню месть.
И люди, пред могуществом природы,
Предстали боле жалкими, чем есть.

Вдруг вспышка, и за ней небесный молот
Ударил громче катаклизмов всех.
И в поле дуб был молнией расколот,
Как будто то не дуб был, а орех.

А молот бил и бил тысячетонный,
А молнии слепили всё и вся.
А дуб вдали дымился обреченно,
Один за всех расплату понеся.

Где и что?

Приобрел свои потери
Я, любя и не любя.
Как на запертые двери,
Натолкнулся на тебя.

Все потери, словно звенья,
Как цепи единой вязь.
Все мои приобретенья
Я ношу в себе, молясь.

Перепуталось все странно,
Словно потолок и пол.
Не всегда оно желанно,
Что когда-то приобрел.

Время неизменно тает,
Как сердечных дел запал.
И нередко не хватает
Мне того, что потерял.

Так вот и, живя, не знаешь,
Не уверен на все сто,
Где найдешь, где потеряешь,
Главное, не знаешь — что?

Светлая зависть

Мчит над водной гладью катер,
Слышен песенный куплет:
«Расстелю в садочке скатерть,
Приглашу подружку Катю
В сад тенистый на банкет!

Ой, что будет между нами…»
Дальше песни не понять.
Катер мчался над волнами,
Разрезая води гладь.

Я стоял заворожённый,
Представлял тенистый сад.
И завидовал влюбленным,
Тем ли, этим — всем подряд.

Всем, кто счастья строил планы,
Тем, кто сердцем вновь и вновь
Верил чувствам, Богом данным,
Называемым «любовь».

Вечер зарумянил щеки,
Пряча тени на лугу.
И стоял я одинокий
На безлюдном берегу.

Неповторимость

Пришел конец зиме!
Сошла на нет она,
Свой норов укротив неукротимый.
Раскрыв объятья всем,
Мятежная весна
Вернулась снова к нам неповторимой.

Мы каждую весну
Весной боготворим,
Ее приход надеждами отмечен.
С ней каждый человек
Собой неповторим,
И каждый, как весна,
Увы, не вечен.

Блудный сын

Я себе отдохнуть не давал,
Я не спал.
Я себя всё стегал, сберегал каждый миг.
Я всё грыз, постигал —
А в итоге так мало постиг,
Ещё меньше достиг.

Наша жизнь так мала,
В ней так мало светла,—
Всё дела да дела.
Среди них — человек, как юла.
Так зачем из последних я сил
Надрывался, не праздно прожил?
Так зачем эта гонка была?

Как убитые птицы, больно падали вниз
За мечтою мечта.
И всё круче в пике — высота
И всё ниже полёт — до погоста, креста,
И всё то, чему отдал себя,
Всё любя, всех любя —
Суета, маета.

Остановка.
Тупик.
Жизнь умчалась вперед, чья-то жизнь,
Не моя.
Не востребован я,
Не замеченный я.
Не взлетев высоко, не достигнув вершин,
За бортом бытия, блудный сын,
Я — один.

Молодая шалость

Разбудила солнце юную березку,
С непоседой ветром бесится она,
Словно рада в косах золотистым блёсткам,
Будто бы сейчас не осень, а весна.

Как же мне понятна молодая шалость,
Сам я был когда-то ей, такой, подстать.
Разве мог тогда задуматься хоть малость,
Что ушедших дней уже не наверстать?

Всё давалось просто, обещало сбыться,
Жизнь казалась морем — не охватит глаз.
И терял я годы, как береза листья
И бросался в «море», как последний раз.

Но иначе сел бы я в чужие сани,
Если бы считал минуты юных лет.
Было бы не верно, если б мудрецами
Появлялись люди с первых дней на свет.

Значит мы, рождаясь, старились бы в детстве,
Не успев душою молодыми стать.
И от этих истин никуда не деться,
И законы жизни не направить вспять.

Пусть же треплет ветер золотые косы,
Ведь не за горами новая весна.
Вспыхнула береза, воспевая осень,
И роняет в землю жизни семена.

1968

Воспоминанья

Пускай в запасе, но я солдат,
Душа не старится сыновняя.
Слова присяги в ней звучат,
В любое время в строй готов я.

Я не забуду тех звонких дней,
Однополчан и дружбы братской.
И я с волненьем гляжу вослед,
Когда проходит строй солдатский.

В одном порыве — одна семья,
Задорней песни найдешь едва ли.
Как будто с ними шагаю я
И где-то с ними я на привале.

Как будто с ними, в мороз и зной,
Иду на сложное заданье.
И где б я не был, всегда со мной
Воспоминанья, воспоминанья.

1968

Вне игры

Я к настоящему остыл.
А к будущему равнодушен,
А прошлое — волшебный тыл,
Но он безжизненностью скучен.

И — «благодарствие» летам
За то, что на пороге ночи,
Нет места мне ни там, ни там,
Для них я нынче — ноль эмоций.

Периодов у жизни три,
Я б сделал сто — будь моя воля.
Я, как в футболе — вне игры,
Как бы судья не выгнал с поля.

Поэзия

Поэт всегда с людьми
Валерий Брюсов

С людьми поэт всегда,
Не может быть иначе.
А если нет — беда,
Трагедия — тем паче.

Мир только в прозе — дик,
Сер для людей, отчизны.
Поэзия — родник
Спасительный для жизни.

Сегодня, черт возьми,
Тупик я вижу в этом —
Поэт всегда с людьми,
Но люди не с поэтом.

Открыв свою тетрадь,
Подумал без подвоха:
Писать или читать
Умеет кто-то плохо.

Протокольно и подпольно

Как пляска пламени костёрного,
Как вереница вешних дней,
Я полон внутренне задорного,
Не схожего в такой минорною
И постной внешностью моей.

В мои лета не грех корячиться
И всё же годы не указ.
Готов по-детски я дурачиться,
По-юношски даться в пляс.

И иногда я это делаю,
Тому один свидетель — Бог.
Вот так живу вороной белою,
Не подводя пока итог.

Души ребячество «подпольное» —
Моё спасение от бед.
Я так устал от протокольного,
Сильнее, чем от бренных лет.

Извечная драка

Отвергая бессмертие,
Крест поставив на нём,
Я живу по инерции,
Дух крепя судным днем.

Силы светлые, темные,
Каждый шаг стерегли.
Как собаки бездомные,
Не спросясь, следом шли.

Жизнь не про́жил беспечную,
Не нейтральность храня.
С ними в драку извечную
Жизнь бросала меня.

Проживя жизнь огромную,
Каждый в драке той вяз.
Мы на сторону темную
Становились хоть раз.

Будь мы хоть небожители
Между света и тьмы,
Но не мы победители
В этой драке — не мы.

Логика

Я много лет на этом свете жил
Среди добра и зла,
Слез и улыбок.
А если б меньше жил,
Тогда бы совершил
И меньше непростительных ошибок.

Логично? Да!
У логики же нет
Предела для логичных заключений.
Когда бы не родился я на свет,
Не совершил бы ни одной ошибки —
Вне сомнений.

Иллюзорно

Ах, как мечтал я повзрослеть
И позабыть запретов клеть —
Я повзрослел и постарел попутно.
И вот уже томит не клеть,
А дряхлых лет тугая плеть
Стегает каждый день, ежеминутно.

Теперь мечтаю юным стать,
Вернуться в ту же клеть опять —
О как же было в ней тогда просторно!
И сердце рвется из груди,
Но плеть стегает — осади!
Мгновенно в жизни всё и иллюзорно.

Темный лес

Проникнуть взглядом в будущее хочется —
Во что мы будем все превращены?
Верны ли ясновидящих пророчества?
Не верю в шарлатанство — не верны.

Не верю, как не верю в замогилье,
Оно всех превращает в пыль и прах.
А впрочем, стать согласен звездной пылью,
Но не в углу на чьих-то сапогах.

Что там, в столетьях? Нет ответа внятного,
Вот и неймется резвому уму,
Ведь будущее всё — из непонятного,
Так сильно и волнует потому.

Мой дед в лаптях шел за прогрессом следом,
Не до́жил он до множества чудес.
Боюсь, и я умру таким же «дедом»,
Для будущего буду — темный лес.

О, наше отставанье — наше бремя,
Но мы в пути и мы в движеньи все,
Ведь все мы рьяно догоняем время,
Примерно так, как белка в колесе.

Земля

Земля хранит на скорбном лике,
На опечаленном челе,
Печать безсчетных драм великих,
Известных только лишь земле.

Земля, избитой, обожженной,
Всё ж до́жила до наших дней.
Она мироточи́т иконно
Слезою, видимой лишь ей.

Не счесть всех алчных поколений,
Сосавших кровь из ран её.
Нам стать пред ней бы на колени,
Приняв ничтожество свое.

Очистить дом наш, Богом данный,
От хищничества и вражды
И, залечив планете раны,
Вкушать свои́х трудов плоды.

«Безумно»

О, я хочу безумно жить
А. Блок

Я хочу разумно жить,
А безумья не желаю.
С ним связующую нить
Беспощадно обрываю.

Властелин высоких дум,
Светлых помыслов, стремлений —
Только просвященны ум,
Только разум, только гений.

Мы испытываем шок,
Когда нас берут за жабры.
Есть у нас такой грешок —
Гимн слагать безумству храбрых.

Я всегда понять готов
К ярким образам стремленье —
Это всё игра лишь слов,
Просто смысла извращенье.

Мне, увы, не по плечу
К мудрецам себя причислить,
Но безумно не хочу,
Ни любить, ни жить, ни мыслить.

Бог нам судья

Практика прочно внедрилась такая:
Чтоб мы не делали — он, вы иль я,
Мы повторяем, не очень вникая,
Фразу шаблонную: «Бог нам судья».

Мы говорим это, так между прочим,
Жизнь, как придется, транжирим свою.
Бог нам судья… Мы боимся не очень
Этого, кстати, крутого судью.

Бог нам судья… Не надеясь на чудо.
Судим мы часто, друг друга скубя.
Судят нас сплетни и пересуды,
Судят нас вечные слухи-Иуды,
Судим со смаком мы сами себя.

Так уж сложилась — мы, пока живы,
Судим, судачим, плодим пресуд.
Суд наш земной, не всегда справедливый.
Бог нам судья — да вершит он свой суд!

Прозрение

Я жил полуслепцом, а разве мог иначе,
Ведь юность счастлива и тем полуслепа.
И, что ни говори, не может сделать зрячим
Юнца тысячеглазая толпа.

Период юных лет у всех довольно краток,
С годами зорче взгляд, острей зрачки ума.
Не в корень зрели мы, но этот недостаток
Исправно подправляет жизнь сама.

Взрослея, я отплыл от юного причала,
Штормила жизнь вокруг, ревел за валом вал.
Окреп я и прозрел — и что, мне легче стало,
Когда мой взгляд суть жизни обгладал?

В упор увидев жизнь, как будто страшный сон ты,
Правдивый, без прикрас, увидел наяву.
Прозренье — это дар взглянуть за горизонты
И истине в глаза — с чем и живу.

Реактивный веник

Бывают дни, подобие игры,
Мы — слишком живы, мы же — еле живы.
Тела, до удивления шустры,
А мысли наши чересчур ленивы.

И, не додумав до конца дела,
Включаем сразу мышечную массу.
И наломают столько дров тела,
Что хватит на губернию всю нашу.

Ленивые мыслишки теребя,
Мы телом и спортивны, и активны,
Мы так разбалансируем себя,
Что мельтешим, как веник реактивный.

Только во сне

Я сети сплетал из мечтаний,
Наивные, тонкие сети.
Я сети сплетал из свиданий,
Из снов самых дивных на свете.

Я в сети заманивал счастье —
И вот оно, рядом — попалось!
Но нет, счастье тут же умчалось,
Непрочною сеть оказалось.

Я сеть приготовил для милой,
Явилась она на свиданье,
Но, сеть разорвав без усилий,
Ушла, на меня — ноль вниманья.

Я счастлив иль нет? Многоточье…
Любим ли? Вопрос без ответа.
И только во сне, каждой ночью,
Я счастлив, любим… до рассвета.

По-другому – нет

Я жизнь вручил судьбе, начертанной с рожденья
Творцом великих судеб и мелких, как моя.
Судьбой ведомый, жил я до самозабвенья,
Однако, от судьбы свой замысел тая.

Вначале я судьбе повиновался слепо,
Войдя за ней в тоннель, в конце не видя свет.
И мрак меня терзал, и голод грыз свирепо —
Мириться мог ли я с судьбой? Конечно, нет!

Я противостоял написанным канонам,
Пусть время утвердит, кто прав, а кто не прав.
Претило что-то мне идти на свет зеленый,
И я на красный свет пошел, свой путь избрав.

Я замысел раскрыл судьбе, подставив спину,
Мы в чем-то разошлись, но то — стезя моя.
Пусть реализовал себя наполовину,
Зато не под диктат, всё — сам, лишь я, всё — я.

Я не щадил себя, я был в событий гуще,
Я всё-таки нашел в слепом тоннеле свет.
Чтоб всё начать с ноля — прожить я смог бы лучше?
Всё повторить бы смог, но по-другому — нет.

Игра

Я создан для любви, ты — для игры в любовь,
Ты ставишь всё и вся на кон азартно,
Ты — шулер, не игрок! Молчи, не прекословь,
Ведь у тебя кроплёные все карты.

Ты ставки подняла, набив себе цену,
Но я — не прежних игр твоих партнёры.
Уверен, это я сегодня на кону —
Раскрыла ты постель, задёрнув шторы.

Свидетельствует ночь — за здо́рово, за так,
Нет, не сорвёшь ты куш сегодня жирный.
Что ж, коль игра — играй, я тоже не простак,
Всегда готов к игре мой туз козырный.

Благословляю

Благословляю дни и годы,
Подаренные Богом мне.
И вас удачи и невзгоды,
Особо — вздохи при луне.

Но разве без благословенья
Сменилась бы судьбы печать?
Удач, проблем, любви теченье
Неужто повернуло б вспять?

Конечно, нет! Цвели б рассветы,
Закаты гасли бы, горя.
Нам верить хочется в приметы,
«Благословляю», говоря.

Канон примет непререкаем,
Я убеждаюсь всякий раз.
Вот почему благословляем
Благословлённых Богом нас.

Нам всем живется вне покоя,
С благословенья своего.
Бог с ним — но слово-то какое!
Благословим на жизнь его.

Хотеть не вредно

Меня найти в судьбе моей
И не пытайтесь — труд рутинный.
Я не хочу любви ничьей
И уж тем паче, невзаимной.

Уметь любить не всем дано,
Хотеть любить — хотеть не вредно.
Любовь ко ближнему давно
Исчезла из «любви» бесследно.

Бесследность — черствость во плоти,
Как и судьба черства без буйства.
Я — посох в руки, я — в пути,
Подальше от любви без чувства.

И ночь уйдет

И ночь идет,
Которая не ведает рассвета.
Анна Ахматова

И ночь идет… И я вхожу в нее…
Или давно я в ней?
Я не отбрасываю тени,
Но ночь, а я не вижу сновидений.
А тени вон, вокруг! И полон я сомнений —
Неужто это день? Не может быть, враньё.

Вранье, оно вранье и в темноте,
Глаза здесь не нужны,
Оно в любое время пахнет дурно,
Хотя, не редко, и обернуто культурно,
Но ядовит кинжал, хоть роза на щите.

Как страшно жить, «не ведая рассвета».
Пугает слепота
Дней, перешедших в ночи.
Но вера в светлый день рассвет пророчит —
И ночь уйдет, она боится света.

Слог

Я проник в твой мир, как луч
Проникает в воду.
Вслушайся, как он певуч,
Слог, вошедший в оду.

Видишь — очарован он,
Слог влюблён — не скрою.
Он тобою напоён,
Опьянён тобою.

Он безрифмье превозмог
И привнёс горенье.
Разве мог родиться слог
До любви рожденья?

Представляет он меня
И мою сердечность,
Он живет, объединя
Чувства в бесконечность.

На счастье сядем

На смерть веками не проходит мода,
Не люб, но всё ж востребован фасон.
Узна́ю скоро я, что́ есть свобода,
Одна, для всех народов и времён.

Всё это очень грустно, до смешного —
Мы платим… или нам такой ценой:
Бог не придумал ничего иного,
Как молча отправлять нас в мир иной.

Ну что ж, не стану я перечить Богу,
Прими, судьба, последнее «прости».
Собрался я — в дорогу так в дорогу!
На счастье сядем, прежде, чем уйти.

Я весь погряз в проблемах непролазных,
Тянувших счастье редкое ко дну.
Я убегу от множества соблазнов
И от грехов тлетворных отдохну.

Паэмы
2020
(Дзве паэмы адной тэмы)

Паміж вяселлем і пахаваннем

Да вяселля рыхтаваліся ўсёй вёскай,
Маладыя, іх бацькі — даўно, здаля.
Малады, Іван — сын Зосі і Фядоскі,
Маладая, Ганна — Стэфкі й Васіля.

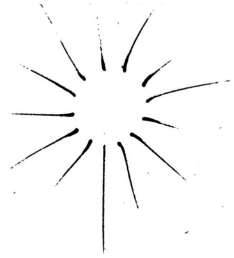
Што ўся вёска рыхтавалася — не дзіва,
Добра ведаюць усе — малы й стары,
Што вяселлі адбываюцца вірліва
У падпітасці — і дзень, і два, і тры.

Што ад спеваў, танцаў, жартаў
Будзе цесна,
І што, хоць распеважыся, пі і еш.
Дзе ўся вёска за адным сталом, сумесна,
Грамадой — і не захочаш, запяеш.

Ну, а што ўжо да бацькоў —
Ім думаць рана
Пра спяванкі, вытанцоўкі, весялосць.
Рыхтаваліся адказна і старанна,
Каб адчуў сталоў гасціннасць кожны госць.

Трэба ж думаць пра каўбасы, рыбу, мяса,
Бо для закусі патрэбна ўсё яно.
І гарэлка каб лілася, ды з запасам,
І вясельнае шыпучае віно.

Каб са смакам ужывалася старанна
Пасля чаркі на талерках смаката.
Трэба ж кожнага ўсадзіць за стол пашанна,
Кожны ж хоча быць бліжэй каб да кута́.

Ля парога сесці — некаму прынука,
Як смяюцца, жаніхом ля качаргі.
О, вяселле — гэта цэлая навука,
Лёгка тут гаспадарам зламаць мазгі.

Маладыя ж…
Ну на тое й маладыя,
Мілаваліся, нібы апошні раз.
Хвалявалі мала іх турботы тыя,
Ім бы без чужых падглядаў бавіць час.

Малайцы!
Яны свае пачуцці спеляць
У апошнія дашлюбныя дзянькі,
Бо сямейнасць хутка ім хвасты прышчэміць,
Будзе ўсякае — трымай у дзве рукі.

І хоць страшаць, што сямейны лезе ў яму,
А дзяўчына лезе замуж, бы ў сіло,
Хлопцы жэняцца, ідуць дзяўчаты замуж
І жывуць шчасліва —
Так заўжды было.

Шчасце вось яно —
Ў абдымках, пацалунках,
А наперадзе — вяршыня ўсіх уцех.
Шчасце — гэта і акрыленыя думкі,
І жыцця дарога, што вядзе уверх.

Як прыемна па ёй крочыць закахана,
Разам з марамі аб сонечным жыцці.
Будзе сонечнасць у Ганны і Івана
Альбо прыцемак? Што здолеюць знайсці?

*

Дні — як сімвалы, адзнакі, вызначэнні,
Кожны ўтойвае ў сабе наступстваў знак.
Корміць цэлы год адзіны дзень асенні,
Так сцвярджаецца людзьмі — і гэта так.

Вельмі шмат яшчэ чаго
сцвярджаюць людзі
І зыходзяць, пэўна, з вопыту свайго —
Як сустрэнеш Новы Год, такім і будзе
Ён для спраў, і для забаў, і для ўсяго.

Дзень народзінаў, жаданы, штогадовы,
І на ім ляжыць прыемнасці пячаць.
Кожны з нас на ўсё магчымае гатовы,
Каб такія дні бясконца адзначаць.

А ўжо дзень вялікай нашай Перамогі,
Неўміручы ратны подзвіг славіць ён,
Ў ім праз кожны лёс ляжаць вайны дарогі,
Ў ім і тысячы святых ахвярных дзён.

Вось што значыць дзень адзін у лёсе нашым,
Ў ім і сонца акіян, і мора слёз.
Можа кропляй перапоўніць лёсу чашу
Ці ашчасціць можа, ці знявечыць лёс.

Сёння дзень такі жаданы і галоўны,
Ў ім закладзены двух лёсаў тайны код,
Ён адзнакаў і прыкмет адвечных поўны,
Гэты дзень — за ім ўсё жыццё, не год.

*

Тут, у хаце маладой, усё гатова,
Тут ажно трашчаць сталы ад розных страў.
І з напоямі бутэлек паўлітровых,
І ўсяго, каб толькі госць не галадаў.

Маладыя на дварэ, бацькі тут Ганны,
Тут Івана й Ганны блізкія сябры.
Хутка Зося і Хвядос прыдуць прыбраныя,
Хата блізка іх, праз дзве, на тым двары.

І гасцей тут можна бачыць, праважатых,
Хтосьці з іх паедзе ў ЗАГС, а хтосьці не.
І у кожнага, ва ўсіх настрой прыўзняты,
А хто хоча выпіць, слінкі ледзь глыне.

Тут музыкі даюць жару на ўсю вёску,
Але ўсё ж усе пачулі Васіля:
— Што ж забавіўся там з Зосяю Фядоска?
Ну нічога, разбярэмся апасля.

Стэфка мужа супакоіла лагодна:
— Не хвалюйся, часу многа… ёсць яшчэ…
Прыпазняюцца?
Што ж, Богу так угодна,
Пачакае ЗАГС, нікуды не ўцячэ.

А Васіль усё ж не здаўся:
— Прыдуць ноччу,
Калі ўсё мы і пап’ём, і паядзім…
Хтосьці з ша́фераў памкнуўся:
— Я падскочу!
Нагадаю пра вяселле сына ім.

Тут рашуча сам Іван спыніў шуміху:
— Лепш калі я маму з татам прывяду.
І пайшоў дамоў, а хтосьці мовіў ціха:
— Маладую кінуў… каб не на бяду.

Цэлай вечнасцю здавалася хвіліна
І цягнулася імгненне, быццам год.
І няма — усё няма бацькоў і сына,
Гэта што — ці непавага, ці байкот?

Тут прысутныя убачылі Івана,
Ён расхрыстаны прыбег з апошніх ног,
Штосьці рот яго сказаць хацеў старанна,
Ён задыхваўся і вымавіць не мог.

І нарэшце дзікім голасам сіпатым
Слёзна крыкнуў, нібы кінуўшы дакор:
— Мама дома, там галосіць каля таты!
Не чакайце тату!
Тата мой памёр!

Падалося, быццам сонейка патухла,
Быццам сэрцы люта чорны змрок дзяўбе.
Цішыня бы ад сябе самой аглухла,
Каб магла пачуць яна сама сябе.

Раптам голас Ганны,
Як лязо па сэрцы,
Разануў па цішыні, «лязом» сваім:
— Сёння тут нам не хапала толькі смерці!
Ён, твой бацька, Ваня,— што? — здурнеў зусім?

Ці ж не мог праз дзень, праз два
Адкінуць ногі?

Ці ж не мог хаця бы сёння ён пажыць?
Што ж нам зноў у ЗАГСе абіваць парогі?
Едзем сёння, Ваня, бацька паляжыць!

Выкрык Ганны, як пярун у небе ясным,
Быў кашчунствам перуна страшней таго.
Малады ж ля Ганны, з выглядам няшчасным,
Ўсё ніяк не ўцяміць, што тут да чаго.

Потым быццам бы прачнуўся нечакана,
Быццам з жудаснага вырваўся ярма,
З болем выціснуў: — Ты звар'яцела, Ганна!
Ці ж не чула ты, што таты больш няма?

Ганна ўголас: — Сам ты, Ваня, недарэка!
Мы ж гасцей сабралі, вёску, ўсю радню,
А твой бацька, каб ні дна яму, ні века,
Ўзяў памёр, падклаў такую нам свінню.

Каб далей не даць вярзці бязглуздзе Ганне,
З крыкам: — Стой, дачушка, прыкусі язык!
Да дачкі расслупянелая Стэфанія
Падляцела ўтаймаваці крыкам крык.

— Супыніся! Стой! Маўчы! Пабойся Бога!
Не пракладвай паміж намі чорны след!
Зневажаць не трэба самага святога —
Адыходу чалавека ў іншы свет.

Ты ж падумай, уяві, бяда якая
Для Іванавай сям'і і для ўсіх нас.
А вяселле… а вяселле пачакае,
Спадзяюся, ўсё наладзіцца праз час.

Тут Іван азваўся: — Выбачайце, людзі!
Ганна, ты і паважаныя бацькі,
Бо вяселля, Ганна, нашага не будзе
Ні праз месяц, ні праз год, ні праз вякі.

*

Вось што значыць дзень адзін для чалавека,
Сем'ям розным даў па-рознаму пад дых.
Для Фядоса зладзіў ён труну і века,
Шлюб разладзіў гэты ж дзень у маладых.

«Раскахаў» ён двух ўзаемна закаханых,
У сям'ю закінуў неспадзеў-бяду.
Ад памылкі лёсу засцярог Івана,
Ганну выпхнуўшы на чыстую ваду.

Прыйдзе смерць за кожным позна або рана,
Мы яе чакаем ўсё жыццё, лічы,
А яна прыходзіць, часам, нечакана,
Часам так знянацку, проста, хоць крычы.

О, яе візіт быў сёння нежаданым,
А калі для нас жаданая яна?
Яна ўстала паміж Ганнай і Іванам —
Вось такая дню вясельнаму цана.

Што ж, Іваны, Ганны, Зосі і Фядосы,
Адпаведна і — Стэфанні, Васілі,
Не заўжды ад іх залежаць іх жа лёсы,
Як ад нас усіх і нашы на зямлі.

Плюс – мінус

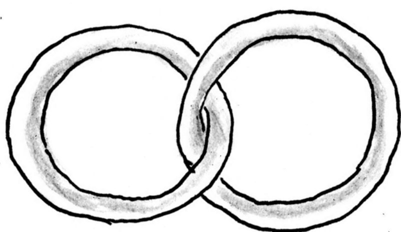
Ёсць плюс і мінус — з фізікай
Дасціпнай на чале,
Яны цікавасць
Будзяць асабліва,
Таму, што вельмі розныя
Паміж сабой, але
Ўзаемапрыцягальныя —
На дзіва.

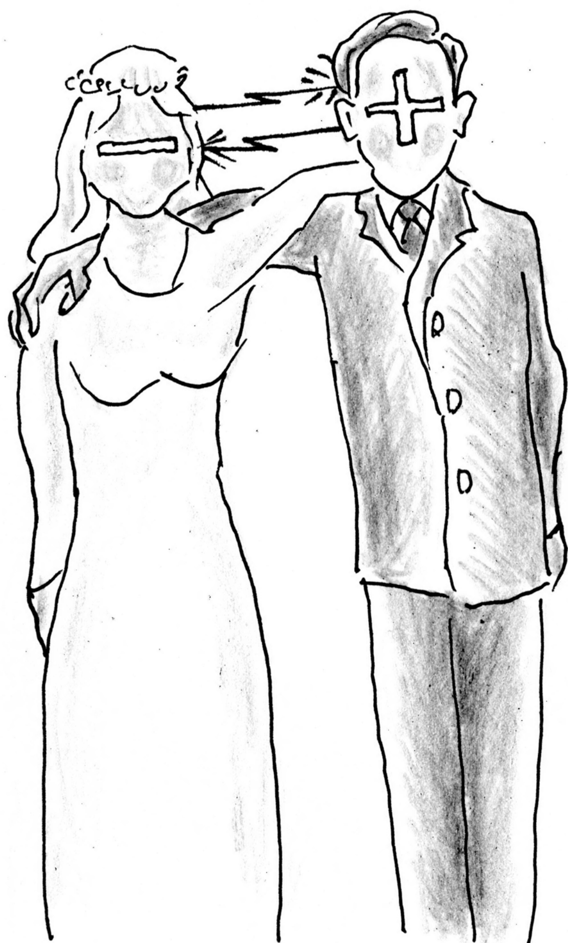
Узаемапрыцягальныя,
Ў адрозненні ад нас,
Хоць розных нас,
Бывае, зводзяць лёсы.
І, зведзеныя лёсамі,
Мы, розныя, праз час
У розныя бакі
Кладзем пракосы.

Станоўчых нас,
Адмоўнае не грэе пачуццё,
Як сонейка не грэе
Цемру ночы.
Таму закону фізікі
Сумеснае жыццё
Падчас падпарадкоўвацца не хоча.

*

Не думала яна,
Хутчэй за ўсё, не думаў ён,
Да шлюбу ведучы
Сваю дзяўчыну,
Што іх, настолькі розных,

Злучыць фізікі закон,
З’яднае сэрцы іх,
Як плюс і мінус.

Ці ёсць хто з закаханых,
Хто ў такі ўрачысты час,
Настолькі верыць будзе ў забабоны,
Што возьме й, не да месца,
Ўспомніць раптам школьны клас
І нейкія там фізікі законы?

А ім жа праз складанасць год
Рука ў руцэ ісці,
Хоць розныя яны,
Бадай, занадта.
Ці ж мала выключэнняў ёсць
Шчаслівых у жыцці?
Так, ёсць яны,
І ўсё-ткі не багата.

*

У шлюбах, і шчаслівых нат,
Пуд солі едучы,
Ой, не заўжды
Жыццё бывае гладкім.
Адна сям’я ўжывае
Сваёй згоды калачы,
Другая п’е напой
Штодзённай звадкі.

Звяглівасці напой
Не выпіваецца за раз,
Бывае, ўсё жыццё
Праз зубы цэдзяць

Ў адной сям'і нязгоды
Перамеляцца праз час,
А ў другой —
Іх меляць, меляць, меляць.

І вось яшчэ сям'я
Свайго жыцця узводзіць зруб,
Што будзе жыць у ім —
Нядоля, доля?
Так званы «плюс» і «мінус»
Нарадзілі раптам шлюб —
Антось быў лёд,
Агнём палала Лёля.

Што думала яна сабе?
Як рызыкнуць ён мог?
Ёй — дваццаць, дваццаць тры яму —
Не дзеці.
Больш непадобных двух
Знайсці не здолеў нават Бог,
Ды, пэўна, больш няма
Такіх на свеце.

Гарэла і гарыць яна
Штодня агнём забаў,
Ха-ха, хі-хі
Да вуснаў прыкіпела
А ён наадварот,
Быў у баку ад тлумных спраў,
Любілі цішыню
Душа і цела.

Яна магла з сяброўкамі,
Між іх былі й «сябры»,

Аднекуль шумна
У сям’ю прыскочыць
І да паўночы цешыцца
Ў падхмеленым віры,
Антось ёй патураў
Усе «паўночы».

А ён? А ён трывала нёс
Сабой абраны крыж,
Кахаў яе?
Ды пэўна ж, не іначай.
Звычайна так пад венікам
Сябе паводзіць мыш,
Калі па хаце хтось
Падпіты скача.

А Лёля? Хто яна з сябе?
Чаму звязала з ім
Свой лёс жаночы
Афіцыйным шлюбам?
Кахала? Не, хутчэй яна
Пускала ў вочы дым,
Пад адным дахам
Жывучы з нялюбым.

Ўсе ведалі — «сарока»,
Што язык дзяўчо псуе,
Хаця і прыгажуня,
Як з паштоўкі.
І хлопцы, хоць вачэй сваіх
Не зводзілі з яе,
Далей сябе трымалі
Ад «чартоўкі».

І Лёля перастала
Спадзявацца на авось —
Нос вернеце?
Вярніце, калі ласка!
Я пакажу, што лепш за вас
Затурканы Антось,
А вы усе —
Каціцеся каўбаскай.

*

Вяселле адчыбучылі,
Няспынна час бяжыць,
На месцы не стаіць
Жыццё сямейнае.
Шапталіся суседзі:
«Не, яны не будуць жыць,
Антось — «бяззубы»,
Лёля — ненадзейная».

Як кажуць, не судзімы будзеш,
Іншых не судзі,
Не патрабуй
З чужога лёсу чыншу.
Антось быў ціхі, сціплы,
Хоць да раны прыкладзі,
Нябачны і нячутны
Сярод іншых.

Яна з сябе,
Хоць знешне і прывабная, але
Характарам, як кажуць,
Страхалюдзіна.
Ці ж бачыў хто калі,
Каб хрэн і мёд быў на стале

У слоіку адным,
Ў адной пасудзіне?

І ўсё-ткі аб'яднала «хрэн» і «мёд»
Адно жытло,
Хаця яна, як бура,
Ён — лагодны.
І дзіва, што між імі
Ані разу не было
Ні лаянкі, ні свары
Аніводнай.

А лаянкі сямейныя?
У іх адкуль ім быць?
Антось хоць ціхі,
Ды практычнай жылкі.
Ледзь рот раскрые Лёля,
А Антось зрабіць бяжыць,
Як рыбка залатая,
На пасылках.

І Лёля з вуснаў сплюнула
Свае ха-ха, хі-хі,
На мужа пазірае
Іншым вокам.
Даволі, адграшыла!
Ды якія там грахі!
Дурэла, штукавала
Ў тым «далёка».

Мінулае ў далёкім тым,
Там лепшае і горшае,
Сучаснае ў душы
Гняздо віе.

Каханне да Антося?
Не, магчыма, большае —
Патрэбным ён зрабіўся для яе.

Здзіўляліся суседзі —
Ай ды пара! Ну і ну!
А мы лічылі
Гэты шлюб нікчэмным.
Смяяліся з Антося,
Прызнаем сваю віну,
Над Лёляй кпілі,
Як відаць, дарэмна.

*

Жыццё — непрадказальнае,
То ціша, то Садом,
Не ўсё і не ва ўсіх
Бывае гладка.
І у Антося з Лёляй
Надышоў жыцця надлом,
Калі датэрмінова
Адымчаў яе ў раддом,
Ды нежывым
Радзілася дзіцятка.

Адразу падалося,
Што жыцця спыніўся рух
І больш ужо
Не запульсуе звыкла,
Што свет памёр, што на ўвесь свет
Адны яны — удвух,
Што сонца згасла,
Што паветра знікла.

І сэрцы разрываліся
Ад гора ад свайго,
Якое час
Ніколі не залечыць
Яна уголас плакала,
Прыпаўшы да яго,
Ласкава ён яе
Абняў за плечы.

Ён ведаў, што ў яе душы
Стагнаў бяды прыбой,
Як і яго душа
Раўла ад болю.
І ён, як мог падтрымліваў:
— Я, родная, з табой,
Мы разам пройдзем
Праз ліхую долю.

Мацуйся! Дачакаемся —
Надыдзе лепшы час,
Не пажыццёва гора
Сэрцы студзе.
І шчасце завітае,
Яшчэ будуць дзеці ў нас,
І не адно дзіця,
А шмат іх будзе.

Не перасохне ён,
Жыцця сумеснага выток,
Ўскрыяем мы,
Мы пераможам ліха.
Ты ж ведаеш, як я цябе кахаю,
Мой Люлёк!

— І я цябе! —
Яна сказала ціха.

*

У сэрцы раны, боль душы,
Яны да скону дзён,
Як шашаль дрэва,
Рэчаіснасць точаць.
Мінулае, што ў ім было,
Як незабыўны сон,—
Вярэдзіць,
Не сціхае,
Побач крочыць.

Хоць гора аддаляецца,
Як хвалі на вадзе,
У памяці гудуць
Падзей завеі.
І хоць нам ад мінулага
Не дзецца анідзе,
У будучым усе нашы надзеі.

Мінулае і будучыня —
Палюсоў двух вось,
Часоў двух гістарычных
Далягляды.
І хоць яны сучасныя,
І Лёля, і Антось,
Ды ў будучыню
Погляд кінуць рады.

Яны штодзень у працы
Гаспадарліва жылі,
Не спалі й ноччу

Носам у падушку,
А рупіліся спраўна,
І таму прыдбаць змаглі
Сынка спачатку,
А затым дачушку.

І хто з іх мінус,
Хто з іх плюс,
Ідзі тут разбяры,
Як хочаш іх заві,
Ім гора мага.
Галоўнае — яны свой шлях
Знайшлі ў жыцці-віры
Не фізіка,
Жыццё іх аб’яднала.

Ідзе па вуліцы Антось,
Дачушка на руках,
А побач Лёля —
Ціха крочыць з сынам.
Ўсё ветліва вітаюцца,
Вяскоўцы па баках,
Для роспачы — ніводнае прычыны.

Былыя хлопцы-дзецюкі,
І самі ўжо даўно мужы,
Убачыўшы, як Лёля
З мужам крочыць,
Спакусяцца на «каравай»,
Ды каравай ужо чужы,
І думаюць —
Былі дзе нашы вочы?

Гумар
2020

Знаёмства ўсляпую

Усе мы, каб далей быць ад бяды,
Трымаем сацыяльную адлегласць.
Такі ўжо час, без маскі нікуды,
Ад нас жыццё безмасачнае збегла.

У масцы мы ядзім, у масцы спім,
Пакутуем вось так мы дні і ночы.
Сустрэнеш чалавека, а на ім
Нічога не відаць, адныя вочы.

І вось я пазнаёміўся з такой,
На твары маска, вочы, як вуголлі.
А хочацца ж старому з маладой
Гульнуць ад жонкі, абмакнуць дзве солі.

Ляглі мы у пасцелю — пык ды мык,
Агню няма, хоць праўда, дыму многа.
Ў яе пад маскаю знямеў язык
І я маўчу — не зразумець нічога.

Нарэшце чую ад яе папрок
Абразлівы — во чортавая баба:
— Ты нейкі ледзь жывы, увесь узмок,
Ты, як палена, кратаешся слаба.

— І ты калода! — агрызнуўся я,—
Мяне наскрозь марозіць тваё цела,
Таму вось моц мужчынская мая
Задубянела ўся, а не ўскіпела.

Ты маладая, а ляжыш, як лёд,
З табою тут даць дуба вельмі проста.
Яна пытаецца: — А колькі ж табе год?
— Мне восемдзесят!
— Мне дык дзевяноста.

— Ну, порхаўка старая! — я зароў,—
Каму патрэбны дыназаўра ласкі?
Амаладзіць сваю хацеў я кроў,
А застудзіў зусім — да д'ябла маскі!

Яна мне: — Спадзявалася і я,
Што сэрца прыхіну да маладога,
А гэта маска чортава твая
Падсунула мне раптам пня старога.

Ну й вірус!
Як жа добра, што тады
Не ведалі яго Адам і Ева.
А сёння нам, яшчэ да ўсёй бяды,
Складана запамаўзаваць налева.

Дарвініст

Мы ўсе залежым ад абставін,
Як сад ці пчолы ад зімы.
Ў дадатак, як прыдумаў Дарвін,
Залежныя ад малпы мы.

А калі так, шыбую шпарка,
Як кажуць, на адной назе,
І праміком у заапарку
Іду да клеткі з шымпанзэ.

— Вітаю, мой далёкі продак! —
Зняў капялюш я перад ім.
Ты, дыназаўраў аднагодак,
Застаўся сваяком маім.

Далёка я уперад скончыў
Ад вас, усёй маёй радні.
Я хвост згубіў, застаўся копчык —
Я зняў штаны,— Вось ён, зірні.

Табе, каб трошкі пагаліцца,
Ды капялюш, ты б быў — ого!
Не мог жа Дарвін памыліцца,
Назваўшы сваяка майго.

Раптоўна заасупрацоўнік,
Як штык, з'явіўся на пасту.
— Адкуль узяўся безштаноўнік?
Схавай сваю сараму!

Людзей набегла, шумна, поўна,
Нібы на п'янку нашчака.

Я ім тлумачу, што раптоўна
Спаткаў свайго тут сваяка.

— Не шымпанзэ перад вачыма,
Не нейкі зааэкспанат!
Магчыма дзед ён мой! Магчыма
Тысячаюрадны мой брат!

Ці ж ён у гэтым вінаваты,
Што з ім мы не адна сям’я?
Вы ж гляньце, з ім мы, як блізняты,
Не разабраць, дзе ён, дзе я.

— У клетку лезь! — галёкнуў хтосьці,
Пачуўся рогат, гвалт і свіст.—
Да сваяка свайго у госці
Залазь, адчайны дарвініст!

———

Я веру ў вас, святыя мошчы,
Ў цябе, эвалюцыйны час.
Эх, быў бы Дарвін не нябожчык,
І ён бы ў клетку ўлез да нас.

Галодны ранак

Паснедаць я хачу,
А жонцы хоць бы хны,
Мужык галодны —
Бабе гора мала.
Яе штурхель пад бок:
— Устань, спячы бліны.
Ну досыць спаць табе,
Падсмаж мне сала.

І певень адспяваў,
І сонейка ўзыйшло,
А ты выводзіш носам
Мне рулады,
А ты не першы раз
Штукуеш мне на зло —
Устань, гатуй сняданкіны прылады.

А жонка мне ў адказ:
— Як ён псуе мне кроў,
Штоснанічны адзін і той матыў
З тваіх галодных
І звяглівых слоў…
А колісь ты мяне
Не языком будзіў.

Брак

Пытаннем я жарэбны
І не знайду адказ —
Бог столькі непатрэбных
Пусціў пад сонца нас.

Мы рознага ўсе кошту
І знешне, й па нутры.
Жук з жабай тут навошта,
Ў святым жыцці-віры?

Каб неяк знуліць тлумны,
Ўвесь гэты кавардак,
Няхай бы Бог разумны
Зрабіў, напрыклад, так:

Вось уваход адзіны
Ў Жыццё — на ўсе гады.
Адзінай каляіны
Для ўсіх няма сюды.

Вакол натоўп народу,
Прыйшлі усе, хто мог.
І тут жа, ля ўваходу
Людзей стваральнік, Бог.

Ён ведае дакладна
З нас кожнага наскрозь,
Таму талкова й складна
Ацэніць, хто мы ёсць.

— Вось гэты будзе годна
Жыцця свой несці крыж,

Яму — ўваход свабодны,
А ты? Ты — грахаводны,
Ад уваходу — кыш!

Бог прыгажуню міла
Ўпусціў: — Заходзь, усцеш.
— А ты, свіное рыла,
Куды такая прэш?

Тут нехта шэптам Богу
У вуха мімаходзь:
— Я ад… А. Л. самога…
Бог прашаптаў: — Праходзь!

Бог з некім — памяркоўна,
Камусьці строга: — Не!
«Вой, як было б цудоўна!» —
Так марылася мне.

І не было б гамонкі,
Каб разбураць сям'ю.
Кахаў бы кожны жонку
Адну толькі — сваю.

Не беглі б жонкі з хаты
У блуд без задніх ног,
І не было б рагатых —
Усіх Бог засцярог.

Ніхто б не еў вантробы
Шчыруй сабе, жыві.
Ні войнаў не было бы,
Ні злыдняў, ні крыві.

Дык шмат жа засталося
Ля уваходу тых,
Каму не удалося
Прайсці дзвярэй святых.

Як з тымі разабрацца,
Хто не прайшоў? А так —
Вядома, ў кожнай працы
Прысутнічае брак.

Трымайцеся за неба,
Супольнасць небарак.
А брак, каму ён трэба,
А раптам ён не брак?

Ў няпройдзеных, так званых,
Ёсць каляя свая.
Сярод забракаваных,
Хутчэй за ўсё, і я.

Антыхітрыкі

— Нам сваты патэлефанавалі,
Заўтра ў госці едуць — ў рот ім кол.
Жонка мужу мовіла ў запале,—
Трэба ж рыхтавацца, ладзіць стол.

— Ты, Мальвіна, зазірні ў панчоху,
Зладзім стол, ці ж гэта першы раз,
Пятага-дзясятага патроху,
У кублé не пуста, ёсць запас.

— Ну, Мікола, табе госці — й чэрці!
У Мальвіны, аж гарыць язык.
Іх не ўкорміш, любяць так пажэрці,
Ад запасаў застанецца пшык.

Раптам кажа: — Развяду бяду я
Адным пальцам, толькі ты маўчы.
І Мальвіна хітры план будуе,
Як уратаваць свае харчы.

— Трэба нам размову распавесці
За сталом пра ўсякую брыду,
Каб яны у нас не толькі есці,
Не хацелі й думаць пра яду.

І пакуль, раскрыўшы два хлябалы,
Будуць думаць, што тут да чаго,
Ты вяндліну, каўбасу і сала
Падграбай да берага свайго.

*

За сталом Мальвініна ідэя
Стаць павінна ў горле, нібы кол.
— Чула за шпалерамі мышэй я,
Пэўна, сёння лазілі й на стол.

А яшчэ — ў нас прусакоў не мала,
Іх калом не адагнаць ад хат.
Я і з сала сёння іх зганяла,
На вяндліне падушыла шмат.

— Гэта што! — у адказ сваты Мальвіне,—
Што мы, сваццця чулі — гэта шок:
Ад такой вось, як у вас вяндліны,
Будзе цэльны заварот кішок.

Ад такой вось, як у вас, каўбаскі,
Варта з'есці кусьмячок такі,
Страўнік будзе раздзіраць на часткі.
Боль нясцерпны — каб яе ваўкі!

А калі яшчэ паесці сала
Ды з капустай, як у вас вось тут,
Ох і будзе з'еўшаму не мала —
Адкідон, хана, кранты, капут…

І пры тым гасцей не хвалявала
Сказанае імі — і яны
Елі каўбасу, вяндліну, сала,
Бульбу і капусту, і бліны.

А гаспадары, як з'елі мыла,
Не раскрылі на харчы раты,
Толькі б кішкі ім не закруціла,
Толькі б не кранулі іх кранты.

Да жонкі праз акно

Да Спасу хоць далекавата,
А яблычак просіцца ў рот.
Спакусаў вакол нас багата
Шматлікіх — штодзень і штогод.

І як не парушыць каноны,
Між мноства «хачу», бы ў віры?
Спакусяць нас больш забароны,
Чым кліч камунізму каронны:
«Што хочаш рабі і бяры».

Спакусы — грахоў нашых сведкі,
Нікуды не дзецца ад іх,
Таму мы даволі нярэдка
Начуем у жонак чужых.

Бывае, глынуўшы без меры,
(Пра гэта вядома даўно)
Да жонкі ідзём не праз дзверы,
А ноччу цішком, праз акно.

Капкан

Я заманил ее в капкан,
Который счастью равнозначен.
И долгожданный тонкий стан
Одной рукою был обхвачен.

Другая дерзкая рука.
Как мне казалось, незаметно,
Слетка дрожа, издалека
К мечте приблизилась заветной.

Но вдруг…
Прощай мечта моя!
О этот мне капкан-вражина,
Всё было, как задумал я,
Но не сработала пружина.

Далеко

Не задохнуться чтобы от удушья,
Чтобы сорвать с себя проблем гужи,
Лбом бьюсь с рожденья в стены равнодушья,
Но всё напрасно, как и в стены лжи.

По всей земле не мало стен и зодчих,
Которыми они возведены.
Но кроме стен, полно препятствий прочих,
Незыблемых — прочны они, прочны.

А у соседа, вон, баран с налёту
Ворота в щепки лбом разбил легко.
Я в стены лбом всё бью и бью без счёту —
Увы, мне до барана далеко.

Пара!

На нас цішыня пазірала
спакойна і мірна
І я пазяхнуў, пацягнуўся
салодка, як кот.
А думкі твае ўсё гучалі
настолькі настырна,
Што я не стрымаўся і ўсклікнуў:
— Заткні ты свой рот!

Далей мы сядзелі — плячо да пляча,
калена ў калена,
І нам сарамліва падміргваў
агеньчык свячы.
А думкі твае ўсё гучалі
«пра гэта» нязменна,
Я зноў не стрымаўся
і ціха сказаў: — Памаўчы!

За гэтую ноч павалтузілі нас
хваляванні багата,
Вунь ранак ужо пазірае
у вокны з двара.
Калі ж твае думкі крычаць пачалі
на ўсю хату,
Я здаўся ў палон тваім думкам
і мовіў: — Пара!

Исповедь

На исповедь пришел я и раскис:
— Мои родные все поумирали,
Теперь один я выживу едва ли,
Не разберусь. где в жизни верх, где низ.

Меня утешил поп, смягчил удар:
— Возрадуйся, мой сын, жизнь — праздник редкий,
Ты можешь выпить, согрешить с соседкой,
Ты — есьм пока, а это Божий дар.

Наплюй на всё, трёхматово загни!
Так что напрасно распустил ты сопли.
Не умерли родные, а усопли,
Уснули, значит, спят теперь они.

И так мне стало радостно теперь,
Пришел домой и Господа восславил,
Кульнул сто пятьдесят и сто добавил,
Сейчас звоню своей соседке в дверь.

Рождение звезды

Я прячусь днем,
Лишь ночь — впадаю в сон.
Днём, чтоб не слепли вы,
Блистаю ведь я.
А ночью сплю, чтоб мне на небосклон,
Сияя, не взойти, затмив созвездья.

И книги все свои —
Я под замок,
Попрятал все свои произведенья,
Чтобы никто их прочитать не мог,
Не впал в восторг до умопомраченья.

Ведь вы же, прочитав мои труды,
Воскликните, поверив в чудо сами:
— Произошло рождение звезды!
А я спрошу: — А где волхвы с дарами?

И придумал же кто-то

До седьмого я пота
Ворошу огород.
И придумал же кто-то,
Будто труд нас спасёт.

Помидоры в упадке,
Их едят слизняка.
И желтеют на грядке
Огурцы, как крючки.

Урожай хмурит брови,
Что ни год — неурод.
Худосочной моркови
Рад я, как идиот.

То вредителей орды,
То подкормка не та.
Урожаев рекорды
Для меня лишь мечта.

Мой сосед без рекорда,
Не садя ни фига,
Дважды шастает гордо
Каждый год на юга.

Ну а я мчусь на дачу,
Чтоб полоть, поливать.
Так и жизнь всю растрачу —
Эх ты, Кузькина мать!

Поверьте в приметы

Иметь надо полных семь пядей во лбу,
Чтоб в жизни прослыть мало-мальским поэтом.
Иначе — не суйся, иначе — табу,
Другим занимайся, но только не этим.

Читаешь хоть много, в строках — ничего,
И чувствуешь чем поэтишко сей дышит,
Что дар поэтический ниже его,
С натягой на пядю лишь тянет, не выше.

Во все времена, очень мало, увы,
Поэтов высокой, отточенной пробы.
Но я знаю это и знаете вы,
Что много в поэзии есть узколобых.

Ну хоть бы один, хоть когда, ну хоть раз,
Линейку взял в руки, поверил в приметы.
Так нет, каждый меряет лоб свой на глаз
И, пядей прибавивши, лезет в поэты.

Возможно, мои вы прочтете стихи,
Не будьте же слишком строги́, Бога ради.
Я — классный поэт, а вот вирши плохи́
И всё от того, что мой лоб на полпяди.

Ай ды я!

— Схадзі ты у краму, купі хоць чаго там,—
Я жонцы кажу,— З ложку злазь.
Бо я — то каса, то сякера — пад потам,
То пыл заядае, то гразь.

Ты ж дома без працы сядзіш, як царыца,
Няўжо нагадаць «тваю маць?»
Пара ўжо пра мужа і паклапаціцца,
Купі мне (по горле я пстрыкнуў) вадзіцы,
Каб горла мог прапаласкаць.

Яна — без замінкі, за грошы й за дзверы,
Пайшла палавіна мая.
Што ж, жонка мае зразумела намеры,
Я — закусь на стол, ай ды я!

Калі ж мая жонка вярнулася з крамы
Й дастала пакупкі свае,
Застыў я прад ёй, як баран каля брамы,
Не зводжу свой погляд з яе.

Яна мне: — Як ты і прасіў, я купіла,
(Мой клопат цяпер ацані)
Каб змыў ты і гразь, і пот з пылам — вось мыла,
І гэта купіла — вазьмі.

Схапіў я мензурку: — А гэта што? — Лекі!
Купіла для горла вады.
Я з крамы ішла і забегла ў аптэку,
Каб рот паласкаў, каб да скону ты веку
Не ведаў ад горла бяды.

Успомніў я «маць» маёй жонкі-царыцы —
Эх, цяжка жывецца мужам!
На чорта мне, дурню, дало ажаніцца,
Хадзіў бы у краму лепш сам.

Вот беда

Я называл вас нежной, милой,
Цветком души, усладой глаз.
Я вас любил со страшной силой,
Истратив всю ее на вас.

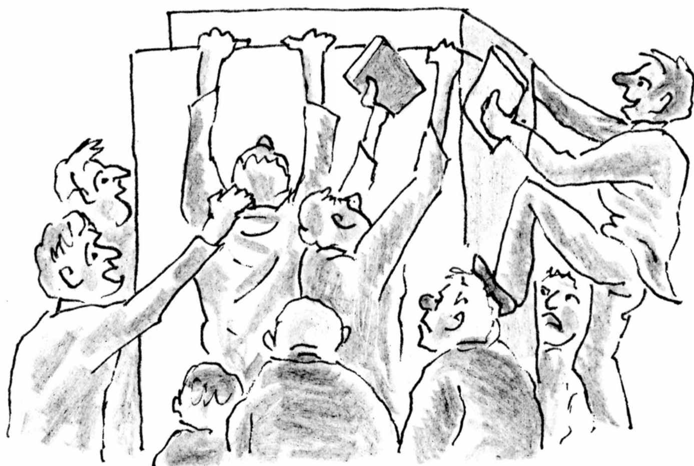
Когда же вы свое хмельное
В ночи мне подарили «да»,
Я сил своих на «остальное»
Не смог найти уж — вот беда.

Борясь, дошли...

Борясь, они дошли до пьедестала,
Кто с прозой, кто с поэзией, кто с чем.
И у его подножия, устало
Друг другу тыкали, что тот пришел ни с чем.

И сколько не возились, бедолаги,
Но влезть на пьедестал никто не мог.
То ли устав, столь исписав бумаги,
То ли они низки, то ль пьедестал высок.

Я опозорен, жалок и убит

Приснился сон мне необыкновенный
В ночной обыкновенной тишине,
Как будто я один во всей вселенной —
Ответственность Творца лежит на мне.

Я должен мир создать, но не похожий
На мир погибший, что в грехах погряз,
А новый мир, по заповедям Божьим,
Увы, не спасшим прежний мир и нас.

Я всех извилин раскалил потуги,
С чего начать — я вопрошал к уму.
Я, прежде всяких дел, начну с подруги,
И здесь, без слов понятно — почему.

Но нет и нет! Опять Адам и Ева!
Ошибку повторить я был готов —
Всё то же яблоко, с того же древа?
И будет мир, мной созданный, не нов.

От женщин только зло. и им не место
В миру безгрешных — разве я не прав?
Я мир создам, но из иного теста,
Все примеси негодные убрав.

Начну с друзей, ведь дружба — это чудо,
Воспетое и прежде неспроста.
Хотя… был друг и ученик Иуда,
Который предал за гроши Христа.

А может быть начальству дать дорогу,
Мы с ним в пути, хоть нам не по пути?
Оно влезает в ангельскую тогу
В речах. В делах — сам дьявол во плоти.

И снова нет! Пускай мой мир воспрянет,
Мир новый, без насилья и кнута.
Как трудно мне! Я поисками занят,
Но всё пока напрасно, всё тщета.

Создам поэтов, сказку сделав былью,
Пусть мысли превращают в чудеса.
Они — восторг и свет, душа и крылья,
Пускай себе витают в небесах.

Но тут я вспомнил банку, как сожрали
Друг друга в ней два алчных паука —
И здесь не обойдешься без морали,
Что ж, от поэтов воздержусь пока.

А как же деньги?
Водка?
Золотишко?
А с наркотою шприц тайком в руке?
Вся эта дрянь — в моем миру — излишки.
Но что осталось? Что?
Я — в тупике.

Я — опозорен
Я — стою уныло
Перед вселенной, жалок и убит…
Вернул я прежний мир наш —
Будь, как было!
И вновь вокруг меня раздрай и быть.

Вновь женщины и тайный флирт подлунный,
И верные, но не всегда, друзья
Любовь начальства греет нас с трибуны,
Поэты — в небе,
На земле лишь я.

Стрясаю деньги, чтобы выдать книжки,
Бутылка на столе, в душе — мечты.
В глаза пока не видел золотишка,
Как, к счастью, не коснулся наркоты.

О радость! Я проснулся осторожно,
— Пора вставать, лентяй! — кричит жена…
Нет, жизнь другою сделать невозможно,
Да и другой она мне не нужна.

Па парку прамінэ

Іду па парку са сваёй «мадамай»,
Насустрач — пары, кожны ж малады.
Як і ў мяне з мамзель, у іх таксама
Паволі прамінэ — туды, сюды.

Прывычна і зусім не дзіўна гэта,
Другое дзіўна — бы ў камічным сне:
З сустрэчнай, пары кожная кабета,
Хоць свой «Рамэо» ёсць, аднак «Джульета»
Цішком вачмі страляе на мяне.

Ды каб я быў, напрыклад, вельмі кідкі,
Няхай сабе, як Апалон — і ўсё ж,
Вачмі стралянне — гэта ўчынак брыдкі,
Ў спіну нібыта кавалеру нож.

І я спыніў адну такую пару,
Узняўшы абурэнне на ўвесь рост,
І кавалеру раззлавана шпару:
— Прыцісні ты сваёй паненцы хвост!

І хоць яна з табо́й насустрач крочыць,
Але ж не ты, браток, ёй у цане,
Яна употай касавурыць вочы,
Каб ты не бачыў толькі — на мяне.

Вучыся у маёй, такіх нямнога,
Яна не здрадзіць брыдкаю маной.
Яна вакол не бачыць анікога,
Калі ступае пад руку са мной.

— Ха-ха! — зарагатаў хлапец нясціпла,—
Ідзі па халадку ты прэч хутчэй!
Гэта твая, што да цябе прыліпла,
Ўвесь час з мяне не зводзіла вачэй.

Литературу на кол

Деторожденье — эка небылица!
Тем много и без всякой чепухи.
А не случись на свет мне появиться,
Не родились бы и мои стихи.

Ха-ха! О как бы мир об этом плакал,
Непоявленье гения кляня.
Литературу посадили б нá кол,
Кому нужна такая без меня?

Союз моих коллег закрылся б тоже,
О некой неизвестности скорбя.
Ведь им, любившим не себя,
Не гоже,
Не повстречав меня, любить себя.

Но я рожден! Восторг вокруг витает —
Читатели, коллеги, цензор, власть.
Запоем день и ночь меня читают,
Я вознесен, вот только б не упасть.

Но правильно ли сделал Боже правый,
Пустив меня в сумбурный этот свет?
Не стал ли я для некого отравой
Тем, что пишу стихи, что я поэт?

Напісанае застаецца

Пераканаўся ў гэтым канчаткова пасля таго, як нечакана, пасля 61 году «блукання», агульны сшытак № 2, у які ў 18-гадовым узросце мой брат Косцік занітоўваў свае першыя вершы, вярнуўся да мяне. Вярнуўся, страціўшы шмат старонак, якія былі некім выдраныя.

Сшытак дзіўным чынам патрапіў аж у Гродна да Івана Пятровіча Мужэйкі, з якім я пазнаёміўся ў маладосці, і якому, магчыма, (не памятую) даваў чытаць вершы брата.

Іван Пятровіч, паміраючы, папрасіў сваю ўнучку знайсці мяне і вярнуць сшытак. Пухам табе, добры чалавек, зямля.

Такім чынам, з больш як дзесяці завершаваных Косцікам агульных сшыткаў, да мяне вярнуліся два.

Выбраныя вершы з сшытка № 4 я друкаваў у першым томе збору сваіх твораў, пазней — асобным зборнікам «Славлю любовь», ужо пасля смерці Косціка. І вось цяпер, калі ўжо некалькі год няма са мной брата, лічу сваім абавязкам уключыць у чарговы том яго васямнаццацігадовае вершаванае светаўспрыманне.

Бачу, што вершы наіўныя, але гэтым яны для мяне асабліва дарагія, бо вяртаюць у далёкі і блізкі сэрцу 1956 год, з якога, дзякуючы Косціку, пакрысе пачыналася і мая паэтычная сцяжынка.

PS. В конце тетради была приписка: «Здесь все стихи, кроме двух, мои». Я подстраховался и не включил в книгу несколько наиболее удачных. Но те ли?

ДАВИДОВИЧ
Константин Федорович
1938—2017

Ольге

Даже если я тобой отвергнут,
Если буду даже позабыт,
Это скверно…
Но не слишком скверно,
Значит и на чувства есть лимит.

Дни проходят ровной чередою,
Времени не утихает ветер.
Помню, как мы встретились с тобою,
Как любились, даже не приметил.

Не могу сейчас припомнить ясно
Даже жеста, взгляда одного.
Вспоминаю — ты была прекрасна,
И не помню больше ничего.

Так вот всё, что сердцу дорогое,
Всё, о чем мечталось при луне,
Улетело, словно небылое,
Словно это виделось во сне.

Улетели те годы

Я в окошко смотрю на прохожих,
На парней и на девушек всех
Много видел девчат я пригожих,
Слышал часто их радостный смех.

Да и сам я не редко влюблялся,
Да и сам не одну я любил,
Очень часто бесился, смеялся,
А порою я плакал, грустил.

Но прошли, улетели те годы,
Жизни чашу испил я до дна.
Жизнь по-прежнему мчит свои воды,
Но меня не волнует она.

Я, как прежде, сейчас не страдаю,
Не смотрю на прохожих в окно,
Не грущу, ни о чем не мечтаю,
Опостылело все мне давно.

Отцвела моя калина

(второй вариант)

Отцвела моя калина,
Отцвела.
На несчастие ты сына,
Мама, родила.

Лепестки на землю пали
Белые, как снег.
В жизни, мама. мы не знали,
Что такое смех.

Сóгнут ствол, не станет прямо,
Корни сжег мороз,
Сын твой в жизни, много, мама,
Горя перенес.

По весне моя калина
Вновь не расцветет.
Не сиди, не жди, мать, сына.
Он уж не придет.

Судьбы приговор

Да, я знаю, прочел я в глазах
Беспощадный судьбы приговор
И слежу за тобою в слезах,
Как бандит, как убийца, как вор.

Лишь вчера это было мечтой,
Боль сегодня осталась, тоска,
И сейчас я слежу за тобой
Унизительно из-за угла.

Ты проходишь, не видя меня,
И не думаешь ты обо мне.
Подари мне хотя бы полдня,
Мне и этого хватит вполне.

Галине

Тебе, между прочим,
Желаю добра,
Всегда доброй ночи,
Такого ж утрá.

Подруге красивой
И с юной душой —
Любови счастливой,
Хорошей, большой.

Пусть сбудутся все
Желанья мои —
В любви и красе
И дальше живи!

Союз колец

Новая квартира,
Новое окно.
Только в этом мире
Грустно все равно.

Дверь, замок врезной,
Потолок и стены.
Здесь я с тишиной
Ночью словно пленный.

Понял наконец
Я свою ошибку —
Лишь союз колец
Мне вернет улыбку.

Лесная сторожка

Маленькая повесть

На высоком месте.
Средь лугов и гор,
Пораскинул крылья
Величавый бор.

В том лесу есть стёжка,
Речки поворот.
Там лесник в сторожке
С дочерью живет.

Стоит на обрыве
Домик одинок,
А внизу несется
Бешенный поток.

Глянешь вниз с обрыва,
Пробирает жуть,
Кажется, что бесы
В омутах живут.

Там же, над рекою,
Березка стоит.
А под той березкой
Девушка сидит.

Обвилися косы
Вкруг талии гибкой,
На устах янтарных
Не видать улыбки.

А глаза всё смотрят
В синь, за речку, в даль.
А в глазах сокрыты
Горе и печаль.

Здесь еще ребенком
Без забот порхала
Для венков душистых
Цветы собирала.

Расцвела сама здесь
Как цветы живые.
И любовь узнала
Девичью впервые.

Как-то на тропинке,
Утром беззаботным,
Встретился ей статный,
Молодой охотник.

Вскрыл ее он чувства
Взглядами-ключами,
Обволок ей сердце
Сладкими речами.

Клялся, что вовеки
Ей лишь верен будет
Что ее до гроба
Он не позабудет.

Целовал ей губы,
Обнимал за плечи,
Но внезапно любый
Улетел далече.

Лишь вчера коварно
Заманил в кусты.
На лугу остались
Смятые цветы.

Улетел, уехал,
Не сказал куда.
Для него — потеха,
Для нее — беда.

Хоть сказал бы слово,
Скрылся, словно вор.
От пережитóго
Девушке позор.

Ветер над обрывом
Березку качает.
А под той березкой
Девушка рыдает.

Вот она привстала,
Заломила руки.
С болью смотрит месяц
На девичьи муки.

Подошла к обрыву,
Застонала тяжко,
И вниз головою
Бросилась, бедняжка.

Тихий плеск раздался,
Заревел поток.
А вверху остался
Весь в слезах платок.

И отец от горя
В тот же день скончался
Домик на обрыве
Сиротеть остался…

Есть в лесу сторожка,
Речки поворот.
Только в той сторожке
Никто не живет.

2.VII.1959

Блокнот на память

Голова какая-то чужая
Не о чем мне с Вами говорить
Остается только, умирая,
Вам блокнот на память подарить.

Может быть, читая эти строки,
Где о Вас написано так много,
О душе забытой, одинокой,
Иногда помолитесь Вы Богу.

Песня

Ты можешь плакать,
Можешь петь,
Смотреть в окно.

Ты можешь взять
И умереть —
Мне все равно.

Ночами можешь
Ты не спать,
Бродить, как тень,

Всю жизнь свою
Можешь рыдать —
И ночь, и день.

И обо мне
Зазря мечтать
Ведь ни к чему,

Записки можешь
Присылать,
Я не приму.

Ты можешь плакать,
Можешь петь
Иль пить вино.

Ты можешь взять,
Да умереть —
Мне всё равно,
Мне всё равно.

Осина

Маме

Что тебя осина
Расшатал так ветер?

Что же ты повинно
Ссутулила плечи?

Отчего так гнется
С болью стан твой гибкий?

Неужель придется
Жить, не знать улыбки?

День и ночь трепещешь
Робкими листами,

Словно в сердце метишь
Горькими слезами.

Дни ли, ночи ль, зори,
Что тебя тревожит?

И какое горе
И гнетет, и гложет?

Ты ведь раньше пышно,
Буйно зеленела,

А теперь чуть слышно
Шелестишь несмело.

Что случиль?
Что же?
В чем причина драмы?

Как же ты похожа
На судьбину мамы.

I.VII.1959

Сергею Есенину

Ты рожден знаменитым поэтом,
Мой же в жизни удел не таков.
Заслужил ты признание света
И не только признанье — любовь.

Как и ты, и смеюсь я, и плачу,
И повеситься тоже готов.
Жизнь свою на надежды потрачу,
Да на сотню ненужных стихов.

Так прости, мой учитель и друг,
Пусть мне это не будет в упрёк,
Что вернувшись домой после двух,
Написал тебе несколько строк.

28.V.1956 *02—15*

В тот день

В тот день, когда ты нарядилась
В свой новый праздничный наряд,
В тебя вся улица влюбилась,
(Так все соседи говорят).

И я пленён был красотою,
Твоей походкой, блеском глаз.
У этой страсти под пятою
Я оказался первый раз.

Так не заигрывай со всеми,
Не разрывай душу и грудь.
Глазами милыми такими
Остановись на ком-нибудь.

Буду поэтом

Буду, мама, я поэтом,
Не рыдай и не горюй.
Шлю тебе слова привета
И сыновний поцелуй.

Безусловно, я не профи
И не делаю секрет.
Приговор объявят строфы —
Есть поэт или же нет.

Трусновато мне, не скрою,
Но вложу я в стих любой,
Что заложено землёю
И Всевышним, и тобой.

Буду, мама, я поэтом,
Нет, точнее, быть хочу.
Только в деле тонком этом
Всё ль мне будет по плечу.

Не таи в душе тревогу
Ты, о сыне вспоминая.
Жив, здоров я, слава Богу,
До свидания, родная.

28.X.1956

Голуби

Пташки сизокрылые
Улетайте вдаль,
Расскажите милой
Про мою печаль.

И еще, при этом —
Про мою любовь.
И ко мне с ответом
Возвращайтесь вновь.

Заворкуйте нежно —
Вот он, вот ответ!
Вы — моя надежда.
В черной грусти — свет.

Грустная шутка

Я не бандит, не вор, поверьте,
И не богат я, беден я,
А в этом голубом конверте
Сокрыта будущность моя.

Я буду, буду ждать ответа,
Я буду дни, часы считать,
А в небесах искать комету,
Чтоб путь могла мне указать.

Я на восток, на запад гляну,
Не находя ответ в звездах.
Ну а потом — потом завяну
С печалью скорбною в глазах.

Меня, конечно, похоронят,
Возложат с надписью венец,
Немного в колокол позвонят —
И церемонии конец.

Уж лучше ты

Из нас, бесспорно, кто-то болен,
Иначе как же нас понять:
Я трижды был тобой «уволен»
И трижды принят был опять.

После четвертого отказа,
Я твердо убежден в одном —
Эта любовная зараза
Нас заведет в безумных дом.

Но я, коль ты, моя комета,
Но дорожишь своим умом,
С тобой согласна на край света
И даже в этот страшный дом.

Поскольку нету там свободы,
Ни водки нету, ни вина,
Ты в эти сумрачные своды
Уж лучше поселись одна.

Весна

(второй вариант
стихотворения)
Посвящаю П. С.

Вся природа нынче в новом,
Всё к весне принарядилось.
От того вчера так снова
Учащенно сердце билось.

От того, что солнце светит,
Так и хочется влюбиться.
Невозможно не заметить
Встречных радостные лица.

Соловьи поют, хохочут
Для красавицы весны
От того и снятся ночью
Удивительные сны.

Это счастье для влюбленных —
Ярче кровь играет в жилах.
И березка шепчет клёну:
Обними меня, мой милый.

Это и меня волнует,
Я ночами не усну.
От того-то и люблю я
Раскрасавицу весну.

Что же делать?

Видел в жизни своей я не мало,
И полей, и лесов, и могил.
На душе легче вовсе не стало,
Всё грущу, как и прежде грустил.

Что же делать? Ужель это счастье?
Если да — прогоню его прочь,
До смешного влюблённая Настя,
Прибегала ко мне и в ненастье
На свидание каждую ночь.

Вскоре всё это мне надоело,
Я опять начинаю грустить.
Часто думаю, правда, не смело —
Как слаба жизни тонкая нить.

Я покину обжитые станы
И уеду в звенящую даль,
Но и там холода и туманы,
Но и там ожидает печаль.

Приди

Я буду ждать и тосковать,
Я буду верить в нашу встречу.
И, вспоминая все опять,
Душу до корня искалечу.

Я буду верить в эти сны,
Я буду ждать любви и ласки,
С надеждой буду ждать весны,
В любые буду верить сказки.

Но ты приди, приди сейчас,
Пока не стар, пока не сед,
Пока не пробил смертный час,
Пока мне восемнадцать лет.

Вечер в деревне

Солнце скрыло последний свой луч,
Песня слышится где-то далекая.
Из-за розовых дремлющих туч
Выплывает луна белоокая.

Пастухи пригоняют стада,
В этот час нету места лентяйству.
Все спешат по делам — кто куда,
До темна чтоб успеть по хозяйству.

И под сенью вечерней зари
Слышен стук молотков, клепят косы.
То готовятся в бой косари,
Чтобы выйти с утра на прокосы.

Звон доёнок, рыканье коров,
Звук гармони зовет и тревожит
Ждет меня отчий дом, отчий кров,
Как никто никогда ждать не может.

Это всё только к сердцу приблизь,
И увидишь — так было издревле…
Тяжела ты, крестьянская жизнь,
Мир тебе, дорогая деревня.

Карпиловка

Тебе, милый Костя

Запомни, Костя, этот номер,
Запомнить уж давно пора —
Живя, давным-давно ты помер,
Уже враги кричат «ура!»

Пускай не вырыли могилы,
Еще живой как будто ты.
Но у тебя давно нет силы
На лучезарные мечты.

Двадцатый век, как зверь, когтями
Всю душу в кровь изранил — жуть!
Поссорил с верными друзьями,
Избрав тебе тернистый путь.

Ты, Костя, молод, очень молод,
Но где же юные мечты?
Есть вечный страх, лохмотья, голод —
Душой, не телом умер ты.

Выпускнице

Вся надеждами объята
Юная душа.
Жизнь пока не так богата,
Зато хороша.

Как прекрасны нынче люди,
Ярче солнца свет.
Верь, мой друг, что счастье будет
Пусть пока и нет.

Может будешь средь наставниц,
Может, инженер.
Наперед тебя я ставлю
Остальным в пример.

Ты дитя любви и света,
Так не хмурь же бровь.
И прими слова привета,
Дружбу и любовь.

Надоело

Мне, признаться, надоело
И влюбляться, и мечтать.
Выпить что ли? Это дело!
И загнуть трехпало «мать».

Видя, как веду я шало
Пред тобою этот раз,
Ты свернулась и сбежала,
Не из сердца, только с глаз.

Надоело видеть вечно
Те же стены, тот же двор,
Но уехать я, конечно,
Не решился до сих пор.

Хватит ныть, стонать и плакать,
Ведь всему же есть предел.
Приходи ко мне калякать,
Буду робок и не смел.

Заря востока

Я рыдал под звон бокала,
Под журчанье вин.
Сердце вечно тосковало,
Вечно был один.

Встретил я Зарю востока
Раннюю Зарю,
И по ней в тоске глубокой
Вскоре я умру.

Юности фиалка

Я вновь пою теплу и маю,
Весне и трелям соловья.
Послушай, милая моя,
Ты ведь, конечно, не такая.

Ты холодна и сердца жар
Давно потух в твоей груди.
Моя мольба: — «Приди! Приди!»
Тебя не трогает, как встарь.

Ты не бежишь ко мне, как прежде,
В горошек платьице своем
На перекресток, где вдвоем
Мы предавалися надежде.

Ведь ты обзавелась семью,
Я же, как прежде, одинок
Но занят в сердце уголок
Моём, по-прежнему тобою.

Да, я сегодня не подросток,
Мне скоро стукнет двадцать лет,
Но прихожу я нет — да нет
На наш знакомый перекресток.

Здесь вспоминается с тоскою
Всё то, чего немного жалко.
Ты, моей юности фиалка,
Я верю — встретимся с тобою.

Когда почувствуешь ты скуку,
Приди, хоть мы чужими стали,
Я здесь, где мы с тобой мечтали,
Пожму тебе, как другу руку.

31.VII.58
ул. Подлесная, 5,
ожидая приема к врачу.

Девушка и змея

По тропинке лесной быстро девушка шла,
Иногда она даже бежала.
А у ели густой гробовая змея,
Извиваясь, на солнце лежала.

Поровнявшись с змеей, ужаснулась она,
Задрожала всем телом бедняжка.
Но убить не решилась и дальше пошла,
Ноги дальше несли ее тяжко.

Что-то шепчет в груди: «Возвратись и убей,
Или горе тебя повстречает».
Но она все же шла средь завалин и пней
И от ужаса вся замирала.

Солнце скрылось за лес и последний уж луч
Озарял у деревьев макушки.
С песней девушка шла по тропинке лесной,
Возвращаясь к родной деревушке.

А о черной змее позабыла она,
Средь вечерней тиши голос лился.
Словно первые звезды, горели глаза,
В этот миг сам бы дьявол влюбился.

А у ели густой тишину огласил
Дикий вопль и глухие стенанья.
Хриплый девичий голос помочь ей просил,
Тишину разрывало рыданье.

А наутро нашли на тропинке лесной,
Её шею змея обвивала.
Не вернулась девчина с гулянья домой,
В стороне лишь косынка лежала.

Посвящение А.

Неоправданы надежды
И я понял наконец —
В жизни этой ты — невежда
И к тому ещё — подлец.

Хорошо

Ты так нежно воркуешь, голубка,
Этой теплой вечерней порой.
Хорошо мне с сердечной улыбкой
Твои волосы гладить рукой.

Хорошо так сидеть с тобой рядом,
Тебя нежно к груди прижимать.
И встречаться с твоим ясным взглядом,
И о чем-то хорошем мечтать.

Хорошо так бродить вечерами,
Ты мне скажешь: «Мой друг, улыбнись!»
И мне кажется, с небом, с домами
Мы в единое, в сказку слились.

Скверы будто бы и перекрестки,
Провожают нас с милой тоской.
И на улицах липы, березки
Вслед нам машут кудрявой рукой.

Образ твой моей памяти дорог,
Вечера эти мне не забыть.
Хорошо свой родной иметь город,
Хорошо быть любимым, любить.

Минску

Город милый, любимый мой город,
Здесь я лучшие годы прожил.
Был ты сердцу ребячьему дорог,
Да и ныне мне дорог и мил.

Здесь я бегал дошкольным мальчишкой,
Здесь и школу впервые узнал,
Здесь прочел свою первую книжку,
Здесь учился, работал, мечтал.

И в короткое время досуга
Никогда я с тобой не грустил.
Был ты мне за товарища, друга,
За отца мне, за брата ты был.

Мне ребенку рассказывал сказки,
Юному говорил про любовь.
От тебя столько видел я ласки,
Столько нужных услышал я слов.

Благодарен тебе, добрый город,
За любовь, за надежность твою.
И в каком я не буду краю,
Ты всегда — незабвенен и дорог.

Пришла пора

Пришла пора. Настало время
Для настоящих дел.
Я долго нес сомнений бремя
И наконец созрел.

Нет, не иссякло вдохновенье,
Ведь жизнь кипит окрест.
И все ж на все мои творенья
Пора поставить крест.

Стихи мои — признаться больно,
Как из-под топора.
Я долго вас смешил. Довольно!
И меру знать пора.

З м е с т

Вершы 2020

Аўтарскія рускамоўныя вершы 2020

Паэмы 2020

Гумар 2020

ДАВИДОВИЧ Константин Федорович

1956–1958

Літаратурна-мастацкае выданне

ДАВІДОВІЧ Сяргей Фёдаравіч

ЗБОР ТВОРАЎ

Том 13

Вершы
Паэмы

Адказны за выпуск *Зміцер Колас*

Малюнкі *С. Ф. Давідовіча*
Фота *Л. С. Тайноўскага*

Мастацкае афармленне серыі *С. Ф. Давідовіча*
Тэхнічны рэдактар *Л.А. Талстухіна*

Падпісана да друку 30.09.2020. Фармат 84×108 $^1/_{32}$. Папера афсетная.
Гарнітура Таймс. Друк лічбавы. Ум. друк. арк. 25,20.
Ул.-выд. арк. 15,58. Наклад 50 экз. Заказ 34.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: індывідуальны прадпрымальнік
Зміцер Колас. Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца,
вытворцы, распаўсюдніка друкаваных выданняў.
№ 1/291 ад 17.04.2014.
Пр. Незалежнасці, 105-14, 220114, Мінск.